

ЧЕЛОВЕК И МИР В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Межвузовский сборник
научных статей

ВЫПУСК I

Тверь

2016

УДК 811.161.1(075.8)

ББК 81.2-4

Ч-38

*Научный редактор –
доктор филологических наук профессор В. В. Волков;
ответственный за выпуск –
кандидат филологических наук доцент И. В. Гладилина*

Человек и мир в контексте современной лексикографии : меж-
Ч-38 вузовский сборник научных статей. Вып. I / науч. ред. В. В. Волков ;
отв. ред. И. В. Гладилина ; Тверской гос. ун-т. – Тверь : Издатель
А. Н. Кондратьев, 2016. – 138 с.
ISBN 978-5-905621-75-8

В сборник вошли статьи, связанные с теорией, практикой и актуальными проблемами современной русской лексикографии, а также работы междисциплинарного характера.

Адресован специалистам-лексикографам, преподавателям высших и средних учебных заведений, магистрантам и аспирантам.

УДК 811.161.1(075.8)

ББК 81.2-4

ISBN 978-5-905621-75-8

© Коллектив авторов, 2016

© ФГБОУ ВО «Тверской госуниверситет», 2016

© Оформление. Издатель Кондратьев А. Н., 2016

КАЛЬКИРОВАНИЕ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ОБРАЗОВАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XIX ВЕКА

Н. А. Буданова

Тверской государственной медицинской университет

кафедра русского языка

В данной статье на примерах медицинских терминов XIX века рассматриваются разные виды калькирования. С помощью словарей определяется лексическое значение термина, его происхождение и способ вхождения иноязычного слова в медицинскую терминологическую систему русского языка.

Ключевые слова: лексическое значение, заимствование, калькирование, термин, медицинская терминология.

Вопросу происхождения и классификации терминов уделяли внимание многие ученые. В научной литературе существует несколько классификаций терминов в зависимости от оснований, которые ученые берут для классификации. Основанием для классификации может служить структура термина, степень сформированности и адаптации в современном языке, морфологический тип слова и другие параметры. По генетическому происхождению О.В. Загоровская предлагает выделять три группы терминов: исконно русские, термины-заимствования и термины, созданные на базе греко-латинских терминологических элементов. Термины исконно русского происхождения появились в результате терминологизации, когда у слов общенационального языка возникало несоответствие между старым значением слова и новым понятием. Данный процесс был особенно продуктивным в XIX веке. Термины-заимствования всегда являлись естественным источником пополнения медицинской терминосистемы, что обосновывается как лингвистическими, так и экстралингвистическими причинами. Известно, что в России лишь в XVIII веке стали появляться первые русскоязычные медицинские пособия и учебники, до этого времени языком медицины был немецкий. Соответственно, в этот период в медицинской терминологии появилось особенно много заимствований. В современной научной литературе среди заимствованных слов различают собственно заимствования, варваризмы и экзотизмы. Собственно заимствованные слова – это слова, которые структурно совпадают с иноязычными прототипами, но графически оформлены средствами заимствующего языка. Варваризмы в принимающем языке передаются графическими средствами языка-источника. Экзотизмы представляют собой обозначения иноязычных вещей и понятий, свойственных другой культуре. Особую роль в образовании заимствованных терминов ученые уделяют калькированию. Шарль Балли кальками называет «слова и выражения, образованные механически,

по образцу выражений, взятых из иностранного языка» [2, с. 69]. Д.С. Лотте называет калькирование «переводным заимствованием», которое воспроизводит структуру и значение иноязычного слова. С.В. Гринев, А.В. Суперанская и другие ученые предлагают выделять три вида калькирования: фразеологическое, словообразовательное и семантическое. В медицинских текстах XIX века можно найти примеры всех этих видов.

Фразеологическое калькирование – это пословный перевод иноязычного слова. Например, *спинная сухотка*, или *tabes dorsalis*. Чтобы выяснить значения этих терминов, необходимо обратиться к словарям. Использование различных словарей помогает наиболее достоверно выяснить значение слов (см. об этом: [6, с. 162]. В энциклопедическом словаре медицинских терминов в словарной статье «Сухотка спинного мозга» дается ссылка на латинский синоним: «*Tabes dorsalis* (лат. *tabes* разрушение, истощение, тяжелая болезнь; *dorsum* спина; син. сухотка спинного мозга) – форма позднего нейросифилиса, характеризующаяся развитием дегенеративных изменений в задних корешках и в задних столбах спинного мозга; проявляется нарушением глубокой чувствительности, сенситивной атаксией, арефлексией, синдромом Аргайлла Робертсона, стреляющими болями в ногах и вегетативными кризами» [10, с. 782]. Значение латинского термина: «*tabes* [= истощение, изнурение, от *tabescere* сохнуть, постепенно слабеть, истощаться, изнуряться]: табес – сухотка, прогрессивное истощение, изнурение, обычно синоним *tabes dorsalis*» [1, с. 460]. Таким образом, латинский термин *tabes* имеет в русском языке синоним *сухотка*, а *dorsum* в русском языке значит ‘спина’. В результате пословного перевода выясняется, что латинский составной термин *tabes dorsalis* в русском языке означает ‘спинная сухотка’. И латинский термин, и русский указывают на локализацию болезни (спина) и на изменения, происходящие в организме при этом заболевании (истощение, изнурение, больной сохнет).

Примером словообразовательного калькирования может служить термин *бессонница*. *Бессонница* является медицинским термином исконно русского происхождения, который перешел в терминологию из бытового языка. Данный термин является абсолютно понятным всем носителям языка. В состав слова входит приставка *без-* / *бес-*, которая обозначает ‘отсутствие чего-либо’, в данном случае – отсутствие сна. «Сон – ‘состоянье спящего; отдых тела, в забытьи чувств... *Сонный*, спящий, или // ко сну отнщс... *Сонливый* человек, сонный, вялый, ленивый, охочий спать, дремать,.. *Сонница*, ж. сонливость, слячка...» [5, с. 270]. В XIX веке слово писалось с приставкой *без*, что соответствовало нормам правописания того времени. В Словаре Даля *бессонный* обозначает следующее: «лишенный сна, проведенный без сна... *Бессонница* ж. состояние, когда не спится, невольное бденье» [3, с. 74]. В словаре медицинских терминов *бессонница* обозначает «расстройство сна, проявляющееся нарушением засыпания, прерывистым, поверхностным сном или преждевременным пробуждением» и имеет ряд синонимов (агрипния, асом-

ния, диссомния, инсомния) [10, с. 97]. Обратимся к словарю «Медицинская терминология на пяти языках», чтобы выяснить значения иноязычных слов. Латинский термин *agrypnia* пришел из греческого языка, обозначает *бессонницу*. *Somnus* по-латыни ‘сон’, *a-privatium* – отрицательная частица, таким образом *asomnia* (*асомния*) обозначает ‘отсутствие сна, или бессонницу’. Латинская приставка *dis-* означает ‘разделение или отрицание’, таким образом, термин *dissomnia* (*диссомния*) также означает ‘отрицание сна, или бессонницу’. Латинский термин *insomnia* (*инсомния*) состоит из приставки *in-* (значение ‘не’) и *somnia* (‘сон’) и также обозначает бессонницу. На этом примере выясняется, что русскоязычный термин *бессонница*, греческий термин *агрипния*, латинские термины *асомния*, *диссомния* и *асомния* образованы по одинаковой модели: отрицательная приставка + ‘сон’.

Обратимся к толкованию медицинского термина *водобоязнь*, который является примером словообразовательного калькирования (на основе латинского термина *hydrophobia*). В Словаре Даля слово *водобоязнь* определяется как «болезнь идрофобия, бешенство, обычная по укушению бешеным животным» [3, с. 220]. Здесь указаны три синонима, которые обозначают одно и то же заболевание: *водобоязнь*, *гидрофобия* и *бешенство*. Использование синонимов довольно характерно для периода становления медицинской терминологии. Далее в своем развитии любая терминология избавляется от терминов-синонимов: либо остается только одни из нескольких терминов, либо второй термин приобретает несколько другое значение. В данном случае произошло расхождение значений слов: *бешенство* обозначает название заболевания, а *водобоязнь* обозначает название симптома (признака) заболевания.

В Энциклопедическом словаре медицинских терминов у слова *водобоязнь* представлен синоним *гидрофобия* – «боязнь возникновения мучительных глотательных судорог при попытке сделать глоток воды, при виде воды или упоминании о ней; наблюдается при бешенстве, столбняке, истерии» [10, с. 210]. Термин *гидрофобия* является собственно заимствованием из латинского языка (*hydrophobia*): слово было изменено графически и передано соответствующими фонемными средствами заимствующего языка без каких-либо структурных добавлений. Однако процесс заимствования на этом не закончился. Можно предположить, что по словообразовательной модели иноязычного термина в русском языке образовалось слово, которое имеет одинаковое значение: *hydro* (‘вода’, в составных словах обозначает ‘водо-’) + *phobos* (‘страх’) = *водобоязнь*. «Hydrophobia – водобоязнь как последствие тонических судорог глоточной мускулатуры, возникающих при попытках проглотить воду при столбняке, истерии и в особенности при бешенстве, развивающихся часто даже только при виде воды» [1, с. 190]. Таким образом, термин *водобоязнь* образовался в результате словообразовательного калькирования латинского термина *hydrophobia*.

Однако в научной литературе существуют и другие точки зрения по поводу этого способа образования терминов. Например, Д.С. Лотте считает, что

в некоторых случаях «трудно говорить о заимствованиях, о приоритете какого-либо языка (если появление самого понятия, его происхождение не зафиксировано документально). Эти термины могли появиться при соответствующих условиях и в своем языке. Они отличаются от созданных в своем языке лишь степенью трудности или степенью легкости их построения» [7, с. 12].

Отличие семантического калькирования состоит в том, что в этом случае имеет место не просто буквальный перевод слова или его частей, но и воздействие семантики иноязычного слова на семантику слова заимствующего языка. В результате исконно русское слово получает новое дополнительное значение. Отсюда следует, что при семантическом калькировании мы имеем дело не только с внешним соотношением и семантическим сближением слов разных языков, но и с внутренним изменением семантики слова данного языка, испытывающего воздействие другого языка, усложнение этой семантики.

Слово *колика* имеет латинское происхождение, как большинство медицинских терминов русского языка. В энциклопедическом словаре медицинских терминов слово *колика* объясняется как «приступ резких схваткообразных болей, чаще при заболеваниях органов брюшной полости» [10, с. 380]. В словаре М. Фасмера видим определение: «*Колика*, обычно *колики* мн. “рези в животе”. Через франц. *colique* из ср.-лат. *colica* от греч. “болезнь”» [9, с. 291]. Свинцовая *колика* (*colika plumbea*) – это «кишечная колика при остром или хроническом отравлении свинцом, сопровождающаяся резким напряжением брюшной стенки» [10, с. 380]. Интересно отметить, что это слово очень органично вошло не только в состав медицинской терминологии, но и в состав общеупотребительных слов русского языка («Смеяться до *колик*»). Рассмотрим причины этого явления. Толковый словарь русского языка определяет значение слова *колики* как «колотьё, резь в боку, в животе» [8, с. 283]. В Словаре Даля перед словарной статьей к слову *колика* (‘резь в кишках, боль в животе’) мы видим пометку «латин.», что означает приход этого слова из латинского языка. Но буквально через несколько страниц находится русское слово: «колоть, кольнуть, калывать – поражать тычкомъ остря, тыкать, пырять острымъ» [4, с. 142]. Здесь же слова *колотье* («болезнь, чувство будто колеть иглами, особенно при воспалении черевъ и легкихъ и оболочек ихъ»), *колючий* («колкий, снабженный колючками, остиями, иглами, спицами, шипами»). Можно предположить, что латинский термин *colika* очень органично вошел в состав медицинской терминологии и русского языка в целом потому, что по своему звучанию слово *колика* очень похоже на русское слово *колоть*, имеющее практически одинаковое значение, ср.: «**Колоть**... 1. Касаться чем-н. острым, причиняя боль. <...> 4. *безл.* Об острой повторяющейся боли. *Колет в боку*» [8, с. 285].

Таким образом, на примере медицинских текстов XIX века можно наблюдать активное использование калькирования для пополнения медицинской терминологии. На современном этапе для понимания значений устарев-

ших терминов и выяснения их происхождения необходимо активное использование различного рода словарей.

Список литературы

1. Арнаудов Г.Д. Медицинская терминология на пяти языках. София: Медицина и физкультура, 1979. 943 с.
2. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. 393 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Рус. яз., 1978. 670 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М.: Рус. яз., 1979. 780 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. М.: Рус. яз., 1980. 684 с.
6. Ерохин В.Н., Алексеева Я.В., Дударева А.А. Лексикографическое описание слова *адвокат* в «Словаре языка М.Е. Салтыкова-Щедрина»: предварительные замечания к зоне комментария и примечаний // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 3. С. 162–166.
7. Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М.: Наука, 1982. 154 с.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского. М.: Азбуковник, 2000. 944 с.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. М.: Прогресс, 1986. 672 с.
10. Энциклопедический словарь медицинских терминов / Под ред. В.И. Покровского. М.: Медицина, 2001. 960 с.

СЛОВАРЬ КАК ИГРА: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА

Н. В. Васильева

Институт языкознания РАН

В статье рассматривается один из видов лексикографического жанра – автокомментарий к именам, упоминаемым в основном тексте. На примере части стихотворного цикла Виктора Ковалева «Проверка зрения и слуха» (1998) анализируются типы экспликаций, которыми сопровождаются имена. Анализ позволяет сделать вывод о превращении словарного жанра у этого автора в художественный прием: автор, соблюдая внешние признаки жанра, деконструирует его глубинный параметр – гетероглоссию, то есть моделирование базы знаний адресата,

подменяя его «эгогlossией» – собственными ассоциациями и оценками. Тем самым комментарий приобретает свойства ассоциативно-вербальной сети, отражающей слегка абсурдный мир произведения.

Ключевые слова: абсурдистская поэзия, автокомментарий как прием, деконструкция жанра, толкование собственных имен, «эгогlossия», ассоциативно-вербальная сеть.

Словарь как жанр информационно-справочной и научной литературы может выступать в качестве художественного приема. Достаточно вспомнить «Хазарский словарь» Милорада Павича (хроман-лексикон), согласно авторскому определению), имитирующий словарную макроструктуру и построенный как гипертекст. Встречаются и другие приемы художественной транспозиции этого жанра, например, встраивание словаря (или псевдо-словаря) в основной текст произведения. Одно такое произведение, точнее, его «словарная составляющая», будет рассмотрено в данной статье. Это произведение представляет собой часть стихотворного цикла под общим названием «Проверка зрения и слуха»; его автор – московский художник-график и поэт Виктор Станиславович Коваль (род. в 1947 г.). Большую часть данного цикла занимает одно длинное стихотворение «Поликарпов» (около 3400 слов), состоящее из 32 маленьких частей, разделенных звездочками [4]. Эти части, весьма пестрые по содержанию, объединяются своеобразным ономастическим фантомом – фамилией *Поликарпов*, которая возникает оттого, что герою ошибочно звонят и требуют к телефону некоего Поликарпова:

О том доносят в трубке провода,
 Что мне покой пригрезится едва ли.
 – Ты, Поликарпов? – Нет, вы не туда
 В который раз ошибочно попали.
 То детский голос, то мужской:
 Не Поликарпов? Кто же ты такой?
 Пономарёв? И дикий хохот. Парамонов?

Герой характеризует себя в этой связи как «жертву нераспутанных узлов московской телефонной сети». Он перебирает в памяти всех людей, носивших фамилию Поликарпов; возникающий поток ассоциаций – уже обязательно непосредственно с фамилий Поликарпов – ведет героя в детство, в студенческие годы, в очередь в магазин и т. д. Это тип натуралистической поэзии, похожей на бытовую болтовню, которой присущ – как и поэтическому творчеству Ковалья в целом – «стихийный абсурдизм» [1, с. 169]. Своеобразие данного текста Виктора Ковалья, помимо бросающегося в глаза большого количества разнообразных собственных имен, состоит в том, что в конце к нему прилагается **словарь** этих имен – оформленный как ономастический автокомментарий и содержащий 95 ономастических единиц. Это достаточно редкий для поэтического текста и поэтому очень ценный жанр, дающий в руки исследова-

дователя материал, с одной стороны, чисто художественный (далее покажем, что это лишь имитация словаря, «как-бы-словарь», игра в словарь). С другой стороны, мы можем предположить, что творческое сознание, нестандартное и свободное, способно в такой игре отразить свойства языковых единиц и процессов, не всегда замечаемые лингвистом при анализе непоэтического текста. В данном случае способы и приемы, выбранные автором текста для толкования собственных имен, встречающихся в этом тексте, могут помочь в ответе на вечные для ономастической теории вопросы о том, каким образом говорящий доносит до адресата знание об объекте, носящем собственное имя, и как информация, связанная с именем собственным, хранится в индивидуальной и коллективной базах знаний. Поскольку термин «значение» применительно к проприальным единицам является достаточно спорным, далее в тексте для правой части обсуждаемого словаря-комментария будут использоваться выражения со значением ‘толкование’: сам термин *толкование*, а также *экспликация* и сочетания с прилагательным *экспланаторный*.

Итак, словарь в виде ономастического автокомментария к тексту, озглавленному «Поликарпов». От жанра комментария (в обычном понимании) принято ожидать восполнения информационных лакун потенциального адресата текста. Как заметила Н.В. Брагинская, все разновидности комментария – это «гетероглоссия»: комментирующий говорит на языке некоей реальной или воображаемой аудитории [5], иными словами, он моделирует базу знаний адресата. В случае ономастического комментария эта база формируется не только правой частью, содержащей экспликацию имен, но и левой – самым составом списка.

Обратимся к типам экспликаций, которыми сопровождаются имена в автокомментарии В. Коваля. Можно выделить следующие группы.

1. Привычные – по словарям и энциклопедиям – объяснения собственных имен через денотат/референт имени. Имени приписывается определенная дескрипция, содержащая указание на категориальный статус референта (поэт, член Президиума ЦК, богиня, киноактер и пр.):

Айзенберг Михаил – поэт

Аристов – член Президиума ЦК КПСС

Афродита – богиня любви

Баталов А. – киноактер

Жаботинский – олимпийский чемпион, штангист

Кальтенбруннер – начальник главного управления имперской безопасности имперской канцелярии III Рейха

Паганини – скрипач

Руставели – грузинский поэт

Стопани – делегат II съезда РСДРП

При формулировании категориального статуса референта возможны авторские интерпретации:

Зевс – глава Олимпа

Мак-Дональд – основатель мирового общепита

В качестве подгруппы выделяются экспликации, построенные по указанному принципу, но содержащие еще дополнительную часть с оценкой. Это группа релятивных имен вокруг героя Троянской войны Париса, которые трактуются с заменой имени *Парис* на оценочное обценное слово, возникающее в качестве приложения к стандартной определенной дескрипции «герой Троянской войны»:

Парис – герой Троянской войны, говнюк

Гекуба – героиня Троянской войны, мать говнюка

Гермиона – дочь Елены и Менелая, брошенная матерью ради говнюка

Елена – жена Менелая, любовница говнюка

Приам – герой Троянской войны, отец говнюка

Простые оценочные экспликации тоже встречаются:

Баранов – шестерка, шпана

Морозов – шестерка, шпана

2. Автонимные экспликативные стратегии. Автонимность – термин, обозначающий референцию языкового выражения к самому себе, а не к внеязыковому объекту. Примеры автонимного употребления: *Заграница теперь – понятие условное* (референт – стоящее за этим выражением понятие); *«петь» – это глагол*; *«Скажи пароль!» – «Пароль!»*; *Москва – собственное имя* (референтом является устная или письменная форма данного выражения) (подробнее об автонимности см. [7]). В рассматриваемом автокомментарии Коваля можно выделить три разновидности автонимных экспликаций: расшифровку аббревиатур, перевод имени и авторскую корректуру:

БТ – быстроходный танк, Болгартабак

Всяк – Всеволод Якут, народный артист СССР

Виктор – победитель

Дорифор – копыеносец

Ковальчук – ошибочно, надо Коваль

3. Экспликации *ad hoc*, то есть определения, фиксирующие признак объекта (или его статус) в какой-то определенный момент, о котором идет речь в основном тексте (однако не всегда):

Паллада – опора для вороны;

в тексте: *Друзья, дразнить его не надо./ Бывало, взглянет, как Паллада /С вороною на голове.*

Карпов Павел – режиссер с матюгальником;

в тексте: *Кричит из матюгальника: Мотор! – / Наш Павел Карпов, режиссёр.*

Вовка – сын офицера, курил дубовые листья (соответствующего места в тексте нет).

4. Псевдоэкпликативные стратегии. Если исходить из того, что нормой является принятая в словарях экспликация ИС через категориальный статус

референта, то приводимые ниже примеры демонстрируют явные отклонения от такой нормы, поскольку они нарушают информационные права адресата. Так, прилагательного в правой части явно недостаточно для процедуры идентификации:

Мережникова Муся – хорошенькая

Прокудина Тамара – пучеглазая

Также в ономастической лексикографии не является принятым объяснять одну часть личного имени – фамилию – другой частью этого же личного имени – именем и отчеством, то есть разрывать формулу имени, превращая одну ее часть в *definiendum*, а другую – в *definiens*, ср. у Коваля:

Пригов – Дмитрий Александрович.

В следующем примере мы видим, как В. Коваль всего лишь при помощи изменения знака препинания деконструирует экспликацию имени:

Дюма – отец, писатель.

Апозитивное определение *отец*, которое синтаксически является приложением и пишется через дефис (*Дюма-отец*), автор комментария отрывает от имени постановкой тире вместо дефиса и уводит тем самым слово *отец* в правую объяснительную часть, уравнивая его по референциальному статусу со словом *писатель*, то есть Дюма является отцом и Дюма является писателем (при нормальном толковании: Дюма-отец является писателем).

5. Экспликация с применением пропозициональной структуры (эксплицируемое имя выступает в виде актанта пропозиции):

Ленин В. – совершил ВОСР.

В данном примере мы видим еще и деконструкцию формулы имени – инициал после фамилии (в советское время при именовании вождей существовало негласное правило – инициалы не ставились в постпозиции к фамилии). Кроме того, бюрократическая аббревиатура ВОСР также направлена на снижение образа.

Следующие примеры построены по принципу параллелизма:

Гагарин – был в космосе.

Набоков – не был в Москве.

Наполеон – был в Москве.

Пушкин – был в Турции.

Хрущев Никита – был на Потомаке.

6. Окаzionaliальные экспликации:

Декабристов – универсам на.

Выражение становится осмысленным при перестановке правой и левой части и восстановлении присущего разговорной речи эллипсиса (*универсам на улице Декабристов*).

Таким образом, если рассматривать ономастический автокомментарий В. Коваля как мини-произведение лексикографического характера, призванное информировать адресата об именах собственных, встречающихся в ос-

новном тексте, то возникают сомнения в соответствии жанру комментария. Прежде всего, оказывается нарушенным репрезентативный принцип: не все собственные имена получают толкования, некоторые толкования тавтологичны, некоторые, наоборот, эллиптичны (только имя или только фамилия) и пр. Кроме того, весьма специфичной является авторская категоризация, соединенная с оценкой (ср.: Парис и все, что с ним связано). Поэтому неясным остается адресат данного текста: к кому, собственно, обращен этот комментарий? Ответ на это вопрос можно найти, как нам представляется, с одной стороны, в поэтике постмодернизма, а с другой – в одном из существующих лексикографических жанров. Начнем с последнего. Если раскрыть Русский ассоциативный словарь (РАС) [6], то среди реакций обнаруживается много сходного с текстом Коваля. Ср.:

Брежнев – умер, много пил;

Гагарин – полетел в 1964 г. в космос (так в РАС) (агенса в сочетании с предикатом);

Ломоносов – Михаил, Михайло, Михаил Васильевич (ср. у В. Коваля: *Пригов* – Дмитрий Александрович) ,

Шиллер – немецкая фамилия, *Вера* – имя (ср. выше об автонимных стратегиях) (более подробно см. [2]).

Сходство автокомментария Коваля и РАС не исчерпывается квазисинтаксисом пар «стимул-реакция». Глубинное сходство состоит в том, что если в «нормальном» экспланаторном словаре правая часть принадлежит автору, но предназначена для другого (то есть гетероглоссия), то и в РАС, и у Коваля правая часть представляет то, что сказано «мною для меня» (это можно назвать «эгоглоссией»). Свободные ассоциации, зафиксированные лексикографически, формируют, по Ю.Н. Караулову, ассоциативно-вербальную сеть – АВС [3, с. 153]. И в этом смысле текст автокомментария Виктора Коваля являет собой мини-АВС, отражающую слегка абсурдный мир произведения. Принадлежность данного произведения к поэтике постмодернизма выражается в игровой деконструкции жанра комментария, замене гетероглоссии на эгоглоссию и, как нам представляется, к авторскому призыву разделить с принимающим читателем удовольствие от этой игры.

Список литературы

1. Айзенберг М. Взгляд свободного художника. М.: Гендальф, 1997. С. 169–172.
2. Васильева Н. В. Антропонимы в ассоциативном словаре: к основам когнитивной ономотологии // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Вып. 11. М.: Моск. гуманитарно-экон. ин-т, 2006. С. 65–70.
3. Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: Ин-т русского языка, 1999. 180 с.

4. Коваль В. Проверка зрения и слуха. Стихи [Электронный ресурс] // Знамя. 1999. № 12. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/1999/12/koval.html>. (Дата обращения 04.09.2015.)
5. Комментарий: блеск и нищета жанра в современную эпоху (Стенограмма «круглого стола» в рамках XI Лотмановских чтений) // Новое литературное обозрение. 2004. № 2 (66). С. 103–120.
6. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин. М.: Астрель; АСТ, 2002. 784 с.
7. Шмелев А. Д. Именование и автономность имени // Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. С. 425–434.

ДЕРИВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВАРЕЙ ПАРОНИМОВ

О. Б. Власова

Тверской государственный университет
кафедра русского языка

Статья посвящена обоснованию необходимости параллельного изучения паронимов и словообразования. В статье уточняются понятия паронима и паронимаза, выявляются типы паронимов по положению в словообразовательном гнезде, предлагаются возможные типы упражнений, позволяющих отрабатывать и словообразовательную, и лексическую темы в русской и иностранной аудитории. Исследование проводится на материале словарей паронимов современного русского языка.

Ключевые слова: пароним, паронимаз, морфема, аффикс, префикс, семантика, корень, фоновые знания, словообразовательная мотивация.

Следствием развития словообразовательной системы русского языка стало появление паронимов – однокоренных синонимов, различных по составу аффиксов и сочетаемости (см.: [3; 4; 5]). Обычно паронимы образуют пару однокоренных слов (*опасный – опасливый*), но могут быть паронимические тройки (*героизм – героика – героичество*; *злойный – злой – злостный*) и даже четверки (*игорный – игральный – игристый – игровой*; *земельный – землистый – земляной – земной*).

По значению паронимы, как и любые синонимы, могут различаться в большей или меньшей степени и совпадать до полного тождества. Например, разница в значениях паронимов *персона* ‘личность, особа’ и *персонаж* ‘действующее лицо в литературном произведении, в представлении, а также лицо

как предмет жанровой живописи' видна отчетливо. Напротив, значение паронимов *пополнить*¹ 'возместить, восполнить' и *пополнить*² 'пополнять' [6] объясняется через пароним *восполнить*, что говорит о тождестве значений.

У паронимов, которые составляют опосредованную словообразовательную пару, смысловые различия определяются производящими словами: *хищный* – *хищник* – *хищнический*: 1) соотносящийся по знач. с сущ.: хищник, хищничество, связанный с ними; 2) свойственный хищнику, характерный для него [Там же]. Но если от одного из паронимов образуется тождественный по значению транспонент, а от него – новое прилагательное (*сладкий* – *сладость* – *сладостный*, *редкий* – *редкость* – *редкостный*) или глагол (*топать* – *топот* – *топотать*), значения паронимов будут совпадать, по крайней мере, в одном из лексико-семантических вариантов, ср.:

редкий: 1) состоящий из далеко расположенных друг от друга частей, не густой; неплотный; 2) расположенный на большом расстоянии друг от друга; 3) состоящий из отдаленных друг от друга моментов; 4) **повторяющийся, появляющийся через большие промежутки времени** [8] – *редкостный*: **редко встречающийся, исключительный** [Там же];

сладкий: 1) имеющий приятный вкус, свойственный сахару или меду; 2) перен. **приятный, доставляющий удовольствие**; 3) перен. приторно-нежный, умильный; 4) перен. лъстивый, лицемерный; 5) десерт, третье блюдо [Там же] – *сладостный*: **то же, что сладкий (во 2 знач.)** [Там же];

топать: 1) **стучать, бить по твердой поверхности ногами**; 2) идти, направляться куда-н. [Там же] – *топотать*: **то же, что топать (в 1 знач.)** [Там же].

Смысловое и формальное сходство паронимов становится причиной их смешения в устной и письменной речи и побуждает лингвистов к созданию словарей, предоставляющих преподавателю русского языка справочную информацию, необходимую для последовательной работы по разграничению смысловых оттенков паронимов и предотвращению ошибок.

Лексические паронимы включались во все толковые словари русского языка. Наиболее полно они представлены в 17-томном Словаре современного русского литературного языка [9]. Первый специальный «Словарь паронимов русского языка» Н.П. Колесникова вышел в свет в 1971 году [7]. В нём уточняются случаи смешения около 3 000 созвучных как однокорневых, так и разнокорневых. слов. «Словарь паронимов русского языка» О.В. Вишняковой, изданный в 1984 г. [2], включает около 1000 пар однокорневых слов. В словаре приводятся толкования значений слов со стилистическими пометами, выделяются смыслообразующие аффиксы, указываются разные, основные и второстепенные виды сочетаемости каждого слова. «Словарь паронимов современного русского языка» Ю.А. Бельчикова и М.С. Панюшевой, изданный в 1994 году [1], содержит более 200 паронимических рядов. Словарная статья словаря включает толкование с иллюстрацией, схему управления, со-

четаемость паронимов, комментарии авторов, случаи ошибочного употребления паронимов. В 2008 вышел в свет «Словарь трудностей современного русского языка. Паронимы» [10]. Авторы данного лексикографического пособия – Г.П. Снетова и О.Б. Власова – обращали внимание на те языковые особенности паронимов, которые создают трудности в их употреблении как в устной, так и в письменной речи, и стремились показать пути устранения этих трудностей. При составлении словаря авторы исходили из того что, что причины неразличения паронимов во многом связаны с проблемами в области морфемики и словообразования.

Кроме собственно паронимов, в словари часто включаются и паронимазы, конечно, не все подряд, а те, чье созвучие имеет этимологическую природу, например: *главный* (непроизводное, исторически образовано от *глава*¹: 1) тот, кто возглавляет что-л., руководит чем-л.; 2) перен. тот, кто имеет наибольшее влияние, признание в сфере какой-л. деятельности [6]), – *заглавный*, образовано от *заглавие*, этимологически связанного с *глава*²: перен. Верх, вершина чего-л. [Там же]. Кроме того, в словарях паронимов находится место для паронимазов из числа наиболее трудных для учащихся в соответствии с требованиями школьной программы типа *обаяние – обоняние, факультативный – факультетский, такт – тактика, факт – фактор*.

Связь паронимов и словообразовательной системы очевидна: паронимы в большинстве своем являются членами одного словообразовательного гнезда. К разным гнездам относится только небольшая группа непроизводных однокоренных паронимов с радиками (типа *одеть – надеть, тоталитарный – тотальный*) или этимологически родственных слов типа *равный (равнять) – ровный (ровнять), невежа – невежда*.

По положению в гнезде можно выделить пять видов паронимов:

паронимы, являющие собой словообразовательную пару: *глава – главарь; обед – обедня, особый – особенный, персона – персонаж;*

паронимы, связанные отношениями опосредованной производности: *сладкий – сладость – сладостный, редкий – редкость – редкостный, топтать – топот – топотать, собственный – собственник – собственнический, хищный – хищник – хищнический;*

паронимы, образованные от разных производящих: *заводской – завод, заводной – заводить; требовательность – требовательный требование – требовать;*

сравнительно редки паронимы, образованные от разных лексико-семантических вариантов многозначного производящего: *венерический* ‘страдающий инфекционной болезнью этого названия, относящийся к ней (по имени Венеры, богини любви в римской мифологии)’ [11] (*Венера*: 1) Богиня любви и красоты и ее скульптурное изображение (в древнеримской мифологии); 2) устар. Употр. как поэтический символ любви и красоты [6]), – *венерианский* ‘относящийся к планете Венера’ [8] (*Венера* ‘одна из девяти – вторая от

Солнца – больших планет Солнечной системы (обычно видимая как яркая утренняя или вечерняя звезда)’ [6]);

паронимы, образованные от одного лексико-семантического варианта производящего: *водный* – вода, *водяной* – вода; *болотный* – болото, *болотистый* – болото; *рыбий* – рыба, *рыбный* – рыба.

Общность корневой морфемы и синонимичность аффиксов у паронимов позволяет выделить общее смысловое ядро, на основе которого и происходит семантическое сближение этих слов. Различия в значениях также в большинстве случаев имеют морфемную и словообразовательную природу.

Так, если паронимы восходят к разным лексико-семантическим вариантам одного производящего, смысловые различия определяются разными значениями производящего слова:

земной: 1) соотносящийся по знач. с сущ. *Земля*, связанный с ним; 2) свойственный Земле, характерный для нее; 3) связанный с Землей как с местом, где существует жизнь [Там же] (*Земля*: 1) третья от Солнца планета Солнечной системы, вращающаяся вокруг Солнца и вокруг своей оси; 3) планета людей (в терминологическом значении 3 прописное) [8]);

земляной: 1) соотносящийся по знач. с сущ. *земля*, связанный с ним; 2) свойственный земле, характерный для нее; 3) состоящий, сделанный из земли; 4) находящийся в земле [6] (*земля*: рыхлое темно-бурое вещество, входящее в состав коры нашей планеты [8]).

Если паронимы восходят к разным производящим, смысловые различия привносятся разными производящими основами. Так, *бродяжий* образовано от *бродяга* и означает ‘относящийся к бродяге, принадлежащий, свойственный бродяге’; *бродячий* образовано от *бродить* и означает ‘беспрестанно передвигающийся с места на место, странствующий, кочующий, связанный с постоянной переменной места жительства, с постоянными переездами’ [10].

У паронимов, которые составляют опосредованную словообразовательную пару, смысловые различия определяются разными производящими словами:

собственный – *собственник* – *собственнический*: 1) соотносящийся по знач. с сущ. *собственник*, связанный с ним; 2) свойственный собственнику, характерный для него; 3) принадлежащий собственнику [6];

хищный – *хищник* – *хищнический*: 1) соотносящийся по знач. с сущ. *хищник*, *хищничество*, связанный с ними; 2) свойственный хищнику, характерный для него [Там же].

Если паронимы составляют непосредственную словообразовательную пару (*глава* – *главарь*, *обед* – *обедня*, *особый* – *особенный*) или восходят к одному лексико-семантическому варианту одного производящего (*болотный* – *болото*, *болотистый* – *болото*, *удачный* – *удача*, *удачливый* – *удача*), разницу в значениях характеризовать сложнее, поскольку смысловые различия в таких случаях связаны со значениями аффиксов.

К примеру, разница между суффиксами *-н-* (*-ан-*, *-ян-*) и *-ист-* проявляется на уровне полутонов и заметнее при сопоставлении не двух слов, а рядов слов с одним суффиксом:

-н- ('состоящий из, относящийся к'): *болотный, глиняный, кожаный;*

-ист- ('имеющий много чего-либо'): *болотистый* 'обильный болотами, топями' [11], *глинистый* 'имеющий большое содержание глины' [6], *кожистый* 'имеющий плотную кожу' [Там же].

Разница между суффиксами *-н-* и *-лив-* касается субъектно-объектных отношений:

-н- (характеризуется объект, обладающий качеством): *смешной*: 1) вызывающий смех; 2) достойный насмешки [8]; *удачный*: 1) завершившийся удачей, удавшийся; 2) положительный, хороший [Там же];

-лив- (характеризуется субъект, обладающий качеством): *смешливый* 'склонный к смеху' [Там же], *удачливый* 'такой, которому все удается, у которого во всем удача' [Там же].

Разница между приставками *по-* и *вос-*, например, в глаголах *пополнить* и *восполнить*, образованных от прилагательного *полный*, также на уровне оттенков значения: *пополнить* 'увеличить прибавлением нового к чему-н. имеющемуся' [Там же] – *восполнить* 'добавить то, чего не хватает, возместить' [Там же].

Этот оттенок значения едва уловим и не всегда фиксируется даже словами, которые отмечают лишь сходство, но не отличие, ср. *пополнить*: 1) возместить, **восполнить**; 2) см. также пополнять [6].

В то же время смысловые отличия паронимов связаны отнюдь не только со значениями морфем. Этому есть несколько доказательств.

Во-первых, производящие для паронимов слова иногда находятся в синонимических отношениях, и при этом производные образуются при помощи одинаковых аффиксов, однако значения паронимов тем не менее разные. К примеру, глаголы *исправить* – *поправить* синонимичны [Там же]. От этих глаголов с помощью приставки *не-* и суффикса *-им-* образуются прилагательные: *исправить* – **неисправимый**; *поправить* – **поправимый** – **непоправимый**. В итоге, несмотря на одинаковые корни и синонимичные аффиксы, значения паронимов различаются: у прилагательного *неисправимый* есть значение, отсутствующее у *непоправимый*, ср. *неисправимый*: 1) такой, что нельзя исправить, поправить; 2) **неспособный к исправлению; закоренелый** [Там же]; *непоправимый*: такой, который трудно или невозможно поправить, исправить [Там же].

Во-вторых, смысловых различий между аффиксами может не быть вообще. Если при этом слова образованы от одного производящего, очевидно, что различие в значениях не связано с морфемами. Например, относительные прилагательные образуются с помощью синонимичных суффиксов *-н-* (*-енн-*, *-ан-*, *-ян-*, *-онн-*), *-ов-*, *-ск-*. Но в случае образования прилагательных от одного существительного эти суффиксы делят между собой оттенки значений прилагательных:

кожный ‘относящийся к коже’ [8] – *кожевенный* ‘относящийся к обработке кожи’ [Там же] – *кожанный* ‘состоящий из кожи’ [Там же];

конский ‘относящийся к коню’ – *конный*: 1) см. конь; 2) действующий с помощью лошадей; 3) действующий на лошадях, верхом, кавалерийский;

царский ‘относящийся к царю или к монархии во главе с царем’ [Там же] – *царственный* ‘величественный и горделивый, величавый, как царь’ [Там же].

В таких случаях смысловые различия определяются не значениями основ или аффиксов, а семантическими компонентами, не обусловленными значениями морфем. Налицо последствия периферийной мотивации, приводящей к фразеологичности семантики большинства русских слов.

Необусловленное значение может быть вещественным или оценочным. К примеру, в словах: *глава* ‘1) тот, кто возглавляет что-л., руководит чем-л.; 2) перен. тот, кто имеет наибольшее влияние, признание в сфере какой-либо деятельности’ [6] – *главарь* ‘руководитель; вожак, предводитель (обычно с оттенком неодобрительности)’ [Там же]; *зачинщик* ‘тот, кто начинает что-л. (обычно неблагоприятное)’ – *зачинатель* ‘тот, кто начинает какое-л. серьезное, значительное дело; основоположник’, – обусловленное значение имеет оценочную составляющую. В словах *ветренный* ‘1) с ветром; 2) перен. легкомысленный, пустой’ [8], *ветряной* ‘приводимый в действие силой ветра’ [Там же], – вещественную.

Морфемная обусловленность различий в значениях паронимов встречается часто, но не обесценивает важности словообразовательной составляющей при разграничении паронимов и предупреждении речевых ошибок. Взаимосвязь паронимов и словообразовательной системы языка убеждает в целесообразности совмещения изучения двух данных тем на уроках русского языка. Изучение паронимов на основе словообразования позволит во многих случаях объяснить разницу в значении и синтагматических связях отсылкой к производящему и тем самым уменьшить объем информации, подлежащей запоминанию, и увеличить объем выводимой информации. В то же время материал словарей паронимов дает необходимую базу для составления упражнений, которые позволяли бы изучать словообразование и морфемику и одновременно держать в поле зрения паронимы, то есть проводить лексическую работу.

Можно, в частности, предложить учащимся следующие задания: 1) выделить корневую морфему, объединяющую слова-паронимы; 2) выделить смыслоразличительные аффиксы (приставки, суффиксы), определить их дифференцирующую роль в семантическом различии слов-паронимов; 3) найти производящие слова и определить способы словообразования паронимов; 4) составить фрагмент словообразовательного гнезда, в которое входят паронимы; 5) из словаря паронимов подобрать слова, относящиеся к одному словообразовательному типу, разряду; 6) образовать слово по предлагаемому словообразовательному типу.

Это лишь некоторые виды заданий, которые выполняются с помощью словарей паронимов. С помощью этих заданий можно научить учащихся не только проводить морфемный и словообразовательный анализ, но и правильно выбирать из лексической пары нужное слово для точной передачи мысли.

Список литературы

1. Бельчиков Ю. А., Панюшева М. С. Словарь паронимов современного русского языка. М.: Рус. яз., 1994. 456 с.
2. Вишнякова О. В. Паронимы в русском языке. М.: Рус. яз., 1984. 352 с.
3. Власова О. Б. Прямая мотивация в словообразовательной паре // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2008. № 15. С. 125–129.
4. Власова О. Б. Словообразовательный механизм формирования вживленной оценки // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 3. С. 169–174.
5. Власова О. Б. Частичная мотивация дериватов в современном русском языке // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2010. № 5. С. 93–99.
6. Ефремова Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. М.: Дрофа, 2000. 1233 с.
7. Колесников Н. П. Словарь паронимов русского языка. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1971. 346 с.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2006. 944 с.
9. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965.
10. Снетова Г. П., Власова О. Б. Словарь трудностей русского языка. Паронимы. М.: Эксмо, 2008. 414 с.
11. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.

ДВЕ СЛОВАРНЫЕ МОДЕЛИ: ИДЕОГРАФИЧЕСКИЙ ДЕРИВАЦИОННЫЙ СЛОВАРЬ И СЕМАНТИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ТЕЗАУРУС

В. В. Волков

Тверской государственный университет
кафедра русского языка

Известно, что результаты практически любого лингвистического исследования могут быть представлены в форме словаря, в частно-

сти, результаты идеографического исследования – в форме идеографического словаря (тезауруса). Отличие деривационного тезауруса от обычного лексического заключается в том, что если последний фиксирует семантические отношения между единицами без акцентировки формальных, то первый – в явном виде фиксирует и семантические, и формальные (в сумме формально-семантические) отношения между составляющими его единицами.

Ключевые слова: семантическое поле, лексикография, идеографический словарь, тезаурус, словообразовательное значение, деривационный словарь, семантико-словообразовательный словарь.

Введение

Развитая форма идеографического деривационного словаря предполагает сочетание минимум двух подходов к формированию списка дескрипторов – и «от лексики», и «от словообразования». С одной стороны, на «входе» словаря – деривационные дескрипторы, то есть набор относительно регулярных словообразовательных значений, а с другой – лексические дескрипторы (архисемы или их лексические репрезентанты – слова, составляющие ядро русской лексики [1, с. 12-18]). Естественно, задача создания единого многовходового словаря, отражающего различные аспекты «лексикографической параметризации языка» [4, с. 75-76], отталкивающегося от наличного академического тезауруса лексического типа [8], на повестке дня русской деривационной лексикографии окажется не скоро. Имея в виду эту весьма отдаленную цель, рассмотрим два варианта идеографического деривационного словаря, первый из которых выстраивается «от деривационных дескрипторов», а второй – «от лексических дескрипторов».

Идеографический деривационный словарь

Идеографический деривационный словарь может строиться различными способами. В простейшем случае заголовочные единицы такого словаря – именованная словообразовательных значений, а «тело» статьи – список средств их выражения (формантов), возможно, и список дериватов, реализующих соответствующие значения. В сочетании с толкованиями значений дериватов такой словарь приобретает вид толкового идеографического деривационного словаря, в сочетании с формулировками «правил» образования дериватов с соответствующими значениями трансформируется в словарь сочетаемости словообразовательных морфем, а при определенных дополнительных условиях – в словарь-справочник словообразовательного синтеза [5] «академической» либо учебной направленности, который может использоваться в качестве лингвометодического дополнения к разделу «От значения – к форме» в рамках практической грамматики русского языка [7].

В последнем случае предварительный (черновой) вариант такого словаря может строиться как словарь сочетаемости словообразовательных морфем и включать два основных лексикографических параметра: 1) «вход» статьи словаря – именование словообразовательного значения, например, *становление признака, оценочность* и т. п.; 2) «тело» словарной статьи – во-первых, список формантов, выражающих заданное значение, во-вторых, лексико-семантическая характеристика тех мотивирующих (и полный или сокращенный список мотивирующих), которые могут сочетаться с каждым из названных формантов. Каждый из фрагментов статьи «формант + набор сочетающихся с ним основ» оказывается компактным описанием сочетаемостных свойств формантов с заданным в названии статьи словообразовательным значением, а в целом статья оказывается детализованным описанием названной в ее заглавии словообразовательной категории. Если принять, что в каждой словообразовательной категории целесообразно различать ядерную и периферийную части, то статьи идеографического деривационного словаря следует членить на два блока – «основные форманты» и «второстепенные форманты» (первые – регулярные и/или продуктивные, вторые – нерегулярные и/или не- или малопродуктивные).

В качестве иллюстрации к сказанному приводим статью «Становление признака».

СТАНОВЛЕНИЕ ПРИЗНАКА («становиться каким или более (мее) каким»).

Основные форманты

Суффиксальные форманты:

-е(ть):

«свет или цвет»: алеть, багроветь, багрянеть, белеть, буреть, голубеть, желтеть, зеленеть, краснеть, кроваветь, лиловеть, пунцоветь, розоветь, румянеть, русеть, рыжеть, светлеть, седеть, сереть, сизеть, синеть, смуглеть, темнеть, чернеть;

«эмпирийные не зрительно воспринимаемые признаки (то есть признаки, воспринимаемые осязанием, обонянием, на слух и т.д.)»: влажнеть, грубеть, плотнеть, рыхлеть, сыреть, твердеть, теплеть, тяжелеть, холодеть, черстветь, шершаветь;

«рациональные признаки только человека и/или животного»: бледнеть, бессилеть, богатеть, веселеть, взрослеть, вшиветь, глупеть, дряхлеть, здороветь, косматеть, лохматеть, лысеть, мертветь, молодеть, мрачнеть, мудреть, наглеть, плешиветь, подлеть, полнеть, пьянеть, свирепеть, смелеть, стареть, суроветь, толстеть, трезветь, тучнеть, умнеть, худеть, юнеть;

-ну(ть):

«эмпирийные не зрительно воспринимаемые признаки (то есть признаки, воспринимаемые осязанием, обонянием, на слух и т. д.), при условии, что мотивирующая основа оканчивается на заднеязычный»: горкнуть, крепнуть, мякнуть, сохнуть, тихнуть;

«отсутствие зрения, слуха»: глохнуть, слепнуть.

Префиксально-суффиксально-постфиксальные форманты с разными префиксами и суффиксами:

«зрительные не свето-цветовые признаки, то есть признаки, связанные с размером, формой предметов и т. п.». Могут использоваться следующие префиксы:

вы-: выпрямляться, выравниваться;

за-: загрязняться, закругляться;

ис-: искривляться, измельчаться, исправляться, истончаться;

о-: оголяться, опоражняться;

от-: отдаляться;

по-: повышаться, понижаться, пополняться;

под-: подравниваться;

пере-: переполняться;

при-: приближаться;

раз-: разжижаться, размельчаться, разравниваться, расширяться;

с-: сгущаться, сжижаться, снижаться, сравниваться, сужаться;

у-: увеличиваться, углубляться, удаляться, удлиняться, укорачиваться, укрупняться, уменьшаться, уплощаться, утолщаться, утончаться;

«рациональные признаки разных предметов, в том числе человека или животного». Могут использоваться следующие префиксы:

вы-: выявляться;

за-: замедляться, затрудняться;

о-: ознакомляться, опоганиваться, освежаться, ослабляться, осложняться;

об-: объединяться, обновляться, обобщаться;

от-: отчуждаться;

про-: проявляться, проясняться;

раз-: расслабляться, разъясняться;

у-: убыстряться, удешевляться, удорожаться, уподобляться, упрочняться (упрочиваться), упрощаться, ухудшаться, усиливаться, ускоряться, усложняться, уточняться, улучшаться, учащаться.

Второстепенные форманты:

-а(ть):

разные по значению прилагательные с основой на заднеязычный: ветшать, дичать, дорожать, крепчать, легчать, мельчать, мягчать, нищать, плошать, тончать, тощать;

-и(ть)ся:

разные по значению прилагательные, преимущественно со значением свойства, воспринимаемого зрительно: багряниться, близиться, кривиться, лохматиться, полниться, румяниться, стариться, сутулиться, сушиться, тузиться, узиться, хмуриться, шириться.

Очевидное несовершенство предложенного варианта статьи идеографического деривационного словаря обусловливается рядом специфических трудностей, с которыми связана его разработка, а именно: 1) исчисление набора «входных» словообразовательных значений, учитывающее степень регулярности их реализации [3] (например, неясно, в какой степени следует детализировать значение становления признака и нужно ли это делать вообще, ср. возможные варианты детализации: «становиться более каким» и «становиться менее каким», «становиться (более или менее) каким» и «становиться очень или чересчур каким» и т. п.); 2) определение оптимальных способов лексикографического отображения разнообразных семантических приращений в рамках каждого из словообразовательных типов, ср.: *пополняться* – «становиться *несколько более* полным»; 3) достаточно экономное и в то же время полное исчисление тех лексико-семантических классов (микрогрупп и т. п.) мотивирующих, которые релевантны для характеристики сочетаемости словообразовательных морфем, «удобочитаемость» названий соответствующих классов (микрогрупп); 4) способы лексикографического отображения других (не семантических) закономерностей сочетаемости морфем (стилистических, фонетических и иных); 5) способы лексикографического отображения морфологических явлений, в том числе способы характеристики морфонологических и/или семантико-морфонологических моделей в рамках каждого из словообразовательных типов.

Подчеркнем, что «академическая» (полная) версия словаря предлагаемого типа может быть разработана лишь в результате детального деривационного исследования всех представленных в русском языке словообразовательных категорий, такая версия может служить своеобразной (лексикографически изложенной) деривационной грамматикой словообразовательного синтеза; учебная (редуцированная) версия данного словаря может рассматриваться как лексикографическое отображение практической деривационной грамматики, ориентированной на преподавателей и/или студентов, изучающих русский язык как родной, в том числе как иностранный, и как родной.

Семантико-словообразовательный тезаурус

Как известно, лексикографическая специфика тезаурусов определяется набором дескрипторов (заглавных понятий), принципами формирования словника и способами структуризации словарных статей.

О наборе дескрипторов семантико-словообразовательного тезауруса. Если перечни дескрипторов экстралингвистически ориентированных («денотатных») тезаурусов формируются на внеязыковой основе, «от компетенции» составителя (например: [8]), то перечни дескрипторов интралингвистически ориентированных («сигнификатных») тезаурусов формируются «от лингвистики», в случае семантико-словообразовательного тезауруса – «от лексики» и «от словообразования». Сформировать такой перечень, охватыва-

ющий все когнитивное пространство русского языка, на интралингвистической основе – задача, в полном объеме для современной лингвистики неразрешимая. Ее частичное решение возможно прежде всего для ограниченных подмножеств предикатной лексики, в частности адъективной, где «архисемный» набор ядерных прилагательных со свободной сочетаемостью и высокой лексической, словообразовательной и синтаксической валентностью выделяется достаточно отчетливо. Скажем, в микротезаурусе (то есть в относительно самостоятельном фрагменте целого идеографического словаря) цветоименований понятия, конституирующие отдельные семантические поля, связаны с именованиями «простых» цветов – *желтый, красный, синий, зеленый, коричневый, белый, черный*. В параметрическом микротезаурусе, включающем обозначения размера, в качестве дескрипторов выступают контрарные пары разнокорневых антонимов, ср.: «длина»: *длинный / короткий*, «ширина»: *широкий / узкий*, «высота»: *высокий / низкий*, «совокупный размер»: *большой / маленький*, «размер составных частей»: *крупный / мелкий*.

О принципах формирования словарика. В идеале тезаурус, ориентированный на исчерпывающее отображение системы языка «от лексики» и «от словообразования», должен включать как собственно лексические и словообразовательные, так и морфологические, синтаксические, прагматические сведения. Предлагаемый ниже вариант словаря не претендует на столь широкий (исчерпывающий) охват языковой системы, в нем акцентируется внимание пользователей только на лексическом, словообразовательном к лексико-синтаксическом (номинация средствами словосочетания) аспектах развертки адъективных семантических полей и неявной презентации закономерностей межуровневой синонимии (пример детализованного описания закономерностей межуровневой синонимии в контексте русского словообразования см.: [2]). Такой словарь создается в результате компиляции материалов толкового словаря, словообразовательного словаря, словарей сочетаемости, синонимов и антонимов с учетом данных исследований, выполненных в контексте задач деривационной идеографии (словообразовательного синтеза).

О структуриации словарных статей. Статьи семантико-словообразовательного тезауруса могут быть отчетливо структурированы по интралингвистическим семантическим параметрам аналогично тому, как это делается (по экстралингвистическим параметрам) в тезаурусах, например, отраслевых. Набор семантических параметров в этом случае оказывается компиляцией набора словообразовательных значений, составляющих типовую словообразовательную парадигму дескриптора (например, *желтый, широкий*), и набора смыслов, лежащих в основе лексических и лексико-синтаксических (сочетаемостных) отношений дескриптора или синонимичных дескриптору лексем с различными языковыми единицами, составляющими «тело» словарной статьи.

Семантический параметр как лексикографическая структурная единица семантико-словообразовательного тезауруса на лексическом уров-

не реализуется как семантическое отношение ряда синонимов; на словообразовательном уровне – как словообразовательное значение, лежащее в основе некоторой словообразовательной категории; на лексико-синтаксическом уровне – как лексико-синтаксическая категория. В целом можно сказать, что статьи структурированного семантико-словообразовательного тезауруса упорядочиваются по параметрам, релевантным для одного, для двух или для трех языковых ярусов одновременно – лексического, словообразовательного и лексико-синтаксического.

В качестве иллюстрации к сказанному приводим фрагмент микротезауруса цветоименований – статью «Желтый» (в сокращении) и предлагаем краткую характеристику основных средств реализации тех шестнадцати семантических параметров, которые являются релевантными для данного микротезауруса (вместо полного названия параметра словарной статьи указывается его номер; буквы Л, СЛ и ЛС обозначают соответственно лексические, словообразовательные и лексико-синтаксические средства реализации параметра).

0. ЖЕЛТЫЙ (яичный): цвета песка, золота, яичного желтка

1. СЛ: желтенький, желтехонький, желтешенький

ЛС: удивительно приятный желтый цвет

2. СЛ: яично-желтый, соломенно-желтый, песочно-желтый

ЛС: желтый как золото, лимон, песок, солома

3. Л: буланый, восковой, лимонный, соломенный, песочный

СЛ: желтоватый, бледно-желтый, светло-желтый, серовато-желтый, прозрачно-желтый

ЛС: слегка желтоватый, чуть желтый, с желтинкой, с желтизной

4. Л: золотой, золотистый, канареечный

СЛ: густо-желтый, золотисто-желтый, темно-желтый, ярко-желтый

ЛС: канареечного цвета

5. СЛ: желтый-желтый, желтый-прежелтый

ЛС: самый желтый

6. СЛ: ядовито-желтый

ЛС: чересчур (уж) желтый

7. ЛС: совсем, совершенно, абсолютно, весь, полностью желтый

8. ЛС: не совсем, не весь, почти (весь) желтый

9. СЛ: желтизна, желтинка

ЛС: желтый цвет, тон, фон, оттенок

10. Л: песок, золото, лимон, яичный желток

СЛ: желток, желтуха, желтоволосый, желтоглазый

ЛС: желтый костюм, краска, лицо, листва, платье, юбка; кто-то в желтом (платье), что-то желтое (виднеется)

11. СЛ: желтеть (со временем), пожелтеть, пожелтелый

ЛС: становиться, стать, делаться, сделаться желтым, более (менее) жел-

ТЫМ

12. СЛ: желтеть (в кроне дерева), желтеться
 ЛС: быть, казаться, выделяться желтым (цветом)
13. СЛ: желтить, пожелтить
 ЛС: покрасить в желтый цвет, покрыть желтой краской
14. СЛ: желто, желтовато
15. Л: горчичный, медный, морковный, оранжевый, рыжий, гнедой
 СЛ: буро-желтый, красно-желтый, оранжево-желтый
 ЛС: желтый с синим, синий с желтым, желтый и зеленый, синий в желтый горошек, желтый в синюю полоску
16. ЛС: желтый от болезни, утомления, недосыпания, голода

0. Заголовочный параметр включает адъективное наименование одного из «простых» цветов (непроизводное прилагательное с высокой словообразовательной валентностью, например, *желтый*), его абсолютные лексические и лексико-синтаксические синонимы, ср.: *яично-желтый, яичный, цвета золота*.

1. Оценочность: на словообразовательном уровне реализуется посредством дериватов с суффиксом *-еньк(ий)*, на синтаксическом – в словосочетаниях с экспрессивными наречиями типа *удивительно нежный (желтый) цвет*.

2. Подобие может реализоваться в сравнительных оборотах (*белый как снег*), в мотивированных прилагательных – сложных (*снежно-белый*) или простых (*соломенный* ‘как солома’), а также в словосочетаниях типа *цвета листвы, цвета утреннего неба*.

3. Слабая степень признака реализуется лексическими синонимами (*розовый, румяный* ‘слабая степень красного’), словообразовательными синонимами (*желтоватый, бледно-желтый*), а также словосочетаниями типа *чуть розоватый, слегка коричневый*.

4. Высокая степень признака, как и слабая степень, реализуется лексическими и словообразовательными синонимами («высокая степень зеленого» – *изумрудный, малахитовый, ярко-зеленый, темно-зеленый*), в словосочетаниях с оценочными наречиями типа *чрезвычайно, исключительно, необыкновенно, на редкость* (контаминация с параметром оценочности).

5. Высшая («превосходная») степень признака для цветоименований реализуется дериватами, образованными повторением основ (*голубой-голубой* или *голубой-преголубой*), на лексико-синтаксическом уровне возможны потенциально словосочетания типа *белее всех, чернее всего*, а также фразеологизированные сочетания типа *смертельно бледный, ослепительно белый*. Дериваты с суффиксом *-ейш(ий)* от прилагательных со значением цвета не образуются (за исключением *белейший, чернейший*).

6. Избыточная степень признака реализуется только лексико-синтаксическими средствами в сочетаниях с наречиями *слишком, чересчур, чрезмерно, излишне*. Этим прилагательные цвета отличаются от, скажем, параметри-

ческих адъективов, которые могут выражать данное значение словообразовательно (ср.: *сверхглубокая скважина, сверхдлинная дистанция*). К исключениям из этой закономерности можно отнести сложные дериваты с *ядовито-* (*ядовито-желтый, ядовито-зеленый*).

7. Полнота реализации признака выражается в словосочетаниях прилагательных с наречиями *совсем, полностью* или местоимением *весь* (значение полноты охвата предмета признаком), ср.: *совсем желтый, весь зеленый*.

8. Неполнота реализации признака выражается в словосочетаниях прилагательных с наречиями *почти, не совсем* или местоимением *весь* с отрицанием (*Лес уже не весь зеленый*).

9. Отвлеченный признак (субстантивность) реализуется на словообразовательном уровне (*желтизна, чернота, синева, синь*) или в сочетаниях прилагательных с частично десемантизованными существительными *цвет, тон, фон, оттенок* (*желтый цвет, красноватый оттенок*).

10. Конкретный носитель признака на лексическом уровне выражается теми существительными, которые обозначает предметы, выступающие в роли эталонов цвета (эталонные предметы для желтого – *песок, золото, яичный желток*; для зеленого – *трава, листва*, ср. обычные для толковых словарей толкования типа *зеленый* – «цвета травы, листвы»), на словообразовательном уровне – существительными типа *желток, желтуха, краснощекий, белобородый*, на лексико-синтаксическом – в составе атрибутивных сочетаний типа *зеленая дверь, кто-то в сером*.

11. Становление признака на словообразовательном уровне выражается инхотативными глаголами типа *краснеть* и их производными (*пожелтеть, пожелтый* и т. п.), на лексико-синтаксическом – словосочетаниями типа *становиться синим, стать синее*, а также *окраситься багрянцем, покрыться румянцем* и т. п.

12. Проявление (выявление) признака на словообразовательном уровне выражается глаголами типа *краснеть, краснеться, заалеть, заалеться*, на лексико-синтаксическом – словосочетаниями типа *быть, казаться, представляться, виднеться голубым*, а также *выглядеть совсем черным, светиться красным цветом* и т. п.

13. Наделение признаком на словообразовательном уровне выражается каузативными глаголами типа *белить* и их производными (*выбелить, перебелить, побелить, побелка*), а также словосочетаниями типа *покрасить в синий цвет, придать голубоватый оттенок*.

14. Признак признака (адвербиальность, «наречность») реализуется в серии деадъективных наречий типа *бело, беловато, добела, иззелена*, а также в обозначениях состояния типа *белым-бело, красным-красно*.

15. Сочетания разных признаков (в случае цветового фрагмента тезауруса – контаминированные цвета) реализуется прежде всего сложными прилагательными типа *оранжево-красный, желто-зеленый* и сочетаниями типа

красный с желтым, красный и синий, синий в белый горошек, а также значениями основы простого прилагательного (например, *буланный, морковный*).

16. Причина наличия признака выражается только в словосочетаниях, ср.: *красный от смущения, ожога, мороза, ржавчины*.

В том случае, если заголовочное понятие (дескриптор) включает антонимическую пару, материалы двух антонимичных «подполей» («субполей») могут разделяться двумя косыми чертами – //.

Приведем пример такой статьи.

ВЕЖЛИВОСТЬ ВЕЖЛИВЫЙ // ГРУБЫЙ

0. Вежливый. Удовлетворяющий нормам высоко развитой общест-венности, соблюдающий правила приличия. // **Грубый.** Не удовлетворяющий нормам высоко развитой общест-венности, не соблюдающий принятые пра-вила приличия.

1. Оценочность. Л: учтивый, благовоспитанный, приличный, деликат-ный, корректный, любезный, обходительный, галантный, предупредитель-ный, уважительный, воспитанный // дерзкий

СЛ: вежливенький // грубенек, грубехонек, грубешенек

ЛС: удивительно, трогательно вежливый; изящная, ледяная, трогатель-ная, чопорная вежливость // удивительно, страшно, ужасно грубый

2. Подобие (сравнение). ЛС: английская, джентльменская, испанская, рыцарская, светская (как принято в свете), старомодная вежливость; вежлив как истинный джентльмен, рыцарь... // хамская грубость

3. Слабая степень признака. Л: негрубый, малокультурный, малопри-ветливый, неуважительный, необходимый, неучтивый, неприличный // дерзковатый, некультурный, неделикатный, невежливый, нелюбезный, хамо-ватый (разг.)

СЛ: // грубоватый

ЛС: не очень, довольно, довольно-таки, сдержанно, спокойно вежлив; сдержанная, спокойная, элементарная вежливость // не очень, довольно, до-вольно-таки, слегка грубый, груб, грубоватый, грубоват; немного грубоват

4. Высокая степень признака. Л: преучтивый, пределикатный, прелю-безный, галантный, прегалантный // предерзкий, предерзостный

СЛ: // прегрубый

ЛС: очень, особенно, подчеркнуто, утонченно вежлив // страшно (разг.), ужасно (разг.) груб

5. Высшая («превосходная») степень признака. Л: любезнейший, наилучший, приличнейший, деликатнейший //

ЛС: самый вежливый; вежливее всего, всех; исключительно, необычно-венно вежливый, вежлив // самый грубый; грубее всех, всего; невероятно, не-мыслимо, на редкость грубый, груб

6. Избыточная степень признака. ЛС: приторно вежлив; приторная, рафинированная вежливость // чересчур, чрезмерно, слишком, недопустимо, непростительно, сверх всякой меры груб

7. Полнота реализации признака. ЛС: совсем, во всем, со всеми вежлив; всегда вежлив // совсем, совершенно огрубел, груб; всегда, со всеми, во всем груб

8. Неполнота реализации признака. ЛС: не со всеми, не во всем, не всегда вежлив // не совсем огрубел, груб; не со всеми, не во всем, не всегда груб

9. Отвлеченный признак. Л: учтивость, уважительность, обходительность, любезность, галантность, корректность, предупредительность, воспитанность, благовоспитанность // нелюбезность, неучтивость, некультурность, бескультурье, дерзость, дерзость, невежливость, хамство

СЛ: вежливость // грубость, грубоватость, загрубелость (загрубелость чувств), огрубелость

ЛС: вежливое поведение // грубое поведение

10. Носитель признака. Л: любезность (говорить любезности), любезник (устар., разг.) // невежа, хам (разг.), хамка (разг.), хамье (прост.), хамлет (устар., разг.); оскорбление, окрик, мат (сквернословие), ругательство, скандал, нагоняй...

СЛ: // грубиян, грубиянка, грубость (говорить грубости)

ЛС: вежливый человек, мальчик, девушка, продавец, обращение, обхождение, вопрос, ответ, просьба, намек, отказ, напоминание, поклон, тон, письмо... // грубый человек, мальчик, женщина, продавец, поведение, обращение, поступок, выходка, манеры, тон, выражение, замечание, окрик, ответ...

11. Приобретение признака. СЛ: // грубеть, огрубеть, огрубевать, огрубение, огрубелый, загрубеть, загрубелый, погрубеть, погрубелый, огрубляться, огрубиться, хаметь (прост.), охаметь

ЛС: стать, становиться, делаться, сделаться (более, менее) вежливым // грубым; вежливее // грубее

12. Проявление признака. Л: любезничать (разг.), любезничанье (разг.), полюбезничать (немного; разг.), налюбезничаться (вдоволь; разг.), разлюбезничаться (разг.) // дерзить, надерзить, хамить, нахамить (прост.)

СЛ: // грубить, грубиянить, нагрубиянить, сгрубиянить (разг.), нагрубить, сгрубить (прост.), погрубить (немного, недолго)

ЛС: (всегда, иногда, время от времени, со всеми...) быть, казаться, показаться вежливым; вежливо (нареч.) сказать, заметить, спросить, ответить, попросить, отказать, напомнить, намекнуть, поблагодарить, улыбнуться, поклониться... // (всегда, иногда, время от времени, со всеми...) быть, казаться, показаться, показаться грубым, грубее (чем на самом деле, чем о ком-либо думали); грубо (нареч.) разговаривать, спрашивать, отвечать, накричать на кого-либо, обращаться с кем-либо

13. Наделение признаком. СЛ: // огрублять, огрубить

ЛС: считать кого-либо (очень, не очень...) вежливым; воспитать кого-либо вежливым (воспитанным, любезным...) // считать кого-либо (очень, чересчур, довольно-таки...) грубым, кто-либо считается грубым; воспитать, сделать кого-либо грубым. Жизнь приучила кого-л. к грубости.

14. Признак признака (адвербиальность, «наречность»). Л: учтиво, любезно, прелюбезно, галантно, корректно, благовоспитанно, уважительно, негрубо, обходительно, предупредительно // некультурно, неучтиво, неделикатно, невежливо, нелюбезно, дерзко, хамски, по-хамски

СЛ: вежливо, вежливенько // грубо, грубовато, прегрубо

15. Сочетание данного признака с другими. Л: галантный (вежливый и изысканный, изысканно-вежливый), снисходительный (мягкий, терпимый и вежливый)... // наглый (грубый и беспринципный), бездушный (грубоватый и безразличный)...

СЛ: почтительно-вежливый, снисходительно-вежливый... // грубовато-вежливый

ЛС: вежливый и аккуратный, благовоспитанный... // грубый и мрачный, злопамятный...; спокойная вежливость (спокойный и вежливый), хладнокровная вежливость (хладнокровный и вежливый), ледяная вежливость и т. п. // расчетливая грубость (расчетливый и грубый) и т. п.

Заключение

Предложенный вариант семантико-словообразовательного тезауруса позволяет не только получить и наглядно представить нетривиальные теоретические результаты (закономерности реализации различных параметров на различных уровнях системы языка), но и решать прикладные задачи, прежде всего лингвометодического характера. Экспликация тех семантических параметров, которые связывают каждую из единиц статьи с дескриптором, позволяет сделать лингвометодически наглядными системные связи лексических, словообразовательных и лексико-синтаксических единиц, наглядно ответить на вопрос «Зачем нужна грамматика?» [6] в его лингвокогнитивной проекции. Конкретные средства реализации каждого из параметров (слова, словосочетания) могут лечь в основу разнообразных «околотезаурсных» упражнений – лексических, словообразовательных, лексико-синтаксических, далее когнитивных и коммуникативных.

Список литературы

1. Волков В.В. Деадъективное словообразование в русском языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01 / В.В. Волков; Московский государственный университет. М., 1993. 46 с.
2. Волков В.В. Категория количества у русских прилагательных // Идеографические аспекты русской грамматики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. С. 12–19.

3. Волков В.В. О регулярности реализации типовой словообразовательной парадигмы русских прилагательных со значением цвета // Филологические науки. 1989. № 1. С. 42–46.
4. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Наука, 1981. 368 с.
5. Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 296 с.
6. Милославский И. Г. Зачем нужна грамматика? М.: Русское слово, 2000. 168 с.
7. Милославский И. Г. Краткая практическая грамматика русского языка. М.: Либроком, 2010. 288 с.
8. Русский семантический словарь: в 4 т. / Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Ин-т русского языка, 2002–2007.

ОПЫТ СОЗДАНИЯ УЧЕБНО-СПРАВОЧНОГО ПОСОБИЯ НА ОСНОВЕ ТЕРМИНОЛОГИИ ПРИКЛАДНЫХ СТАНДАРТОВ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА

Н. В. Волкова

Тверской государственный университет
*кафедра филологических основ издательского дела
и литературного творчества*

В статье отражен опыт составления учебно-справочного пособия по издательскому делу, основанного на профессиональных стандартах; характеризуются функции, рассматриваются трудности составления такого рода изданий.

Ключевые слова: издательское дело, учебно-справочное пособие, терминологический словарь, стандарты по издательскому делу, профессионально-терминологическое знание.

Учебные терминологические словари и словарные учебно-справочные пособия – распространенный дидактический инструмент, но использующийся преимущественно в преподавании иностранных языков. При обучении другим вузовским специальностям, в преподавании других предметов они используются редко, хотя издания – очень полезные. Такого рода издания способны выполнять, как очевидно уже из их названий, и справочные, и собственно дидактические функции. Справочная функция основывается на тщательно продуманных энциклопедических толкованиях терминов, назначение дидактической – обогащение терминологического лексикона будущего специалиста: термин как обозначение соответствующего понятия нужно не

просто механически запомнить, но уяснить его основное значение и производные смыслы, научиться правильно употреблять. Кроме того, специфическая педагогическая ситуация, по существу, обязывающая студентов пользоваться учебно-справочными пособиями, способствует решению и важной воспитательной задачи – формированию вкуса к работе со словарными материалами, что совершенно необходимо для воспитания подлинно образованного, в лучшем смысле слова интеллигентного специалиста [2].

Несмотря на очевидную ценность, учебно-справочное пособие как вид издания в ГОСТ 7.60-2003 «Издания. Основные виды. Термины и определения» как вид учебного издания не представлен [5, с. 121–122].

Терминологию книжного дела, в том числе книговедческую, нельзя назвать неупорядоченной. Существуют достаточно многочисленные и детализированные ГОСТы, издания справочно-энциклопедического характера, в которых в хорошо систематизированном виде представлен практически весь понятийно-терминологический аппарат, необходимый для практической повседневной работы авторов и издателей, редакторов и корректоров по доредакционной подготовке.

Однако «линейный» способ презентации терминологического материала в этих изданиях, с детализованной разбивкой на части, разделы, главы, параграфы и подпараграфы, существенно затрудняет его восприятие теми, кто впервые с данной терминосистемой сталкивается, прежде всего начинающими авторами, студентами издательских отделений, малоопытными редакторами. Табличная форма презентации, использованная в нашем пособии, обеспечивает большую наглядность системных понятийно-терминологических связей.

Второе обстоятельство, затрудняющее работу пользователей с понятийно-терминологическим аппаратом издательского дела на основе текстов действующих государственных стандартов, обусловливается выходом на рынок принципиально новых по своему носителю видов изданий, а именно – изданий электронных. Электронные издания подготавливаются к выходу в свет в целом по тем же основным принципам, что и печатные, однако есть и весьма существенные отличия, которые необходимо практическому издательскому работнику по возможности ясно себе представлять, с тем чтобы избежать как минимум наиболее типичных ошибок.

Наше пособие представляет ту часть терминологического материала издательского дела, которая связана с понятием «аппарат издания», в виде таблиц, в рамках которых последовательно сопоставляются, а в необходимых случаях противопоставляются сходные феномены печатной и электронной издательской продукции.

В качестве примера воспроизведём словарную статью, противопоставляющую понятия «оборот титульного листа» (печатные издания) и «дополнительный титульный экран» (электронные издания), как они представлены в [3, с. 15–16]:

Оборот титульного листа:

индексы УДК, ББК, авторский знак;
сведения о серии, многотомном издании, об утверждении;
об авторе(ах), редакторе, рецензенте, переводчике и др. ;
сведения о возрастной группе читателей;
сведения об издании, с которого была осуществлена перепечатка;
макет аннотированной каталожной карточки;
ISBN (слева);

знак охраны авторского права (справа).
На оборот титульного листа могут быть вынесены выпускные данные.

Дополнительный титульный экран:

классификационные индексы УДК, ББК;

сведения об авторах (если более трех);
сведения о других лицах, принимавших участие в создании электронного издания (с указанием роли);

макет библиографического описания, аннотация;
сведения об оригинальности;
минимальные системные требования;
знак охраны авторского права (справа)

Наш опыт конструирования и использования в учебном процессе учебно-справочного пособия «Аппарат печатного и электронного изданий», по сути, представляющего собой терминологический словарь-справочник, свидетельствует о дополнительных преимуществах организации учебного материала в такое издание: большая часть профессиональной терминологии раскрывается с опорой на государственные стандарты [5; 6], позволяет глубже понять и усвоить профессиональную терминологию, зафиксированную в нормативных источниках, научиться относиться к этим источникам критически. Общеизвестно, что прикладная сфера издательского дела в высокой степени стандартизована, поскольку стандарты – основа профессиональной деятельности: они определяют правила составления и оформления как печатного, так и электронного изданий, поэтому, как очевидно, знание нормативных источников – залог успешной профессионализации студента вуза, обучающего по направлению 035000.62 – Издательское дело.

Надо отметить, что, как междисциплинарная область знания, книговедение – уже сама по себе дисциплина прикладная, в рамках которой выделяются такие области, как издательское дело, библиополистика (книжная торговля), библиотекведение и др., в силу чего именование *прикладное книговедение* в некоторой степени тавтологично. Однако оно необходимо – как фиксация некоторых реальностей современной филологической практики, прежде всего педагогической, связанной с распространением книговедческого знания среди разных слоев населения, прежде всего учащихся и студентов [4, с. 237] .

Систематизированная на основе государственных стандартов и представленная в компактной словарной форме терминология позволяет выявить

и обсудить со студентами неочевидные до словарной фиксации недочеты официальных нормативных источников.

В частности, как справедливо указывают В.Н. Белоозеров и В.И. Ауссем, это случаи «двойной стандартизации», а именно: включение одних и тех же положений относительно одного и того же объекта в тексты различных стандартов (вместо этого, по логике вещей, следует давать ссылку на стандарт, принятый ранее) – «прямо запрещены отечественными правилами разработки стандартов» [1, с. 82].

Несмотря на этот запрет, хорошо известный специалистам по стандартизации, в ГОСТ Р 7.0.83–2013 «Электронные издания. Термины и определения» встречаются определения, целиком заимствованные из ГОСТ 7.60–2003 «Издания. Основные виды. Термины и определения», – лишь с добавлением определения *электронный*. Именно так построены определения составных терминов *непериодическое электронное издание*, *рекламное электронное издание*, *учебное электронное издание*, *официальное электронное издание* и др.

В рамках работы над созданием и подготовкой к печати представляемого пособия при сопоставлении терминологии, связанной с классификацией печатных и электронных изданий по целевому назначению, обнаружилось отсутствие понятия «электронное духовно-просветительское издание» именно как понятия о специфическом виде электронного издания, выделяемого по целевому назначению, а также отсутствие какого-либо понятийно и энциклопедически близкого термина. Таким образом, оказалось, что по новому ГОСТ Р 7.0.83–2013 «Электронные издания. Основные виды и выходные сведения» [6], книговедчески определить по целевому назначению Библию или Коран, представляемые на электронном носителе, не представляется возможным.

Освоению студентами терминологии, заложенной в основных стандартах издательского дела, препятствует невнятность и неточность многих формулировок. В этом случае задача учебного издания типа нашего, – уточнить и конкретизировать формулировки. Так, ГОСТ 7.60–2003 «Издания. Основные виды, термины и определения» дает следующее определение *электронному текстовому изданию*: «Электронное издание, большую часть которого занимает словесный, цифровой, иероглифический, формульный или смешанный текст», – а ГОСТ Р 7.0.83–2013 «Электронные издания. Основные виды и выходные сведения» дает следующее определение *текстовому электронному изданию*: «Электронное издание, основу которого составляет текстовая информация». Очевидно, остается открытым вопрос о том, как следует понимать термины *электронное текстовое издание* и *текстовое электронное издание*. Это одно и то же издание или нет? Включает ли «текстовое электронное издание» цифры, формулы и иероглифы? Если нет, то как теперь называется электронное издание, содержащее эти знаки?

Такие же противоречия выявляются и в случае с рядом других важнейших книговедческих понятий: *изобразительное электронное издание*, *науч-*

ное электронное издание, научно-популярное электронное издание, справочное электронное издание, информационное электронное издание, периодическое электронное издание и т. д. (подробнее см.: [1]).

Облегчить работу с такими терминологическими трудностями и призван учебный терминологический справочник, одно из назначений которого – показать студентам, что терминологическая сфера языка пребывает в динамическом изменении, и они, студенты, могут и должны принять активное участие в упорядочении терминопотребления, а возможно, и в терминотворчестве.

Кроме того, такого рода учебная деятельность позволяет приучить студентов вдумчиво и критически относиться к нормативным документам, переосмысливать, уточнять и расширять профессиональную терминологию.

Список литературы

1. Белоозеров В. Н., Ауссем В. И. Классификации электронных изданий и их стандартизация // Информационное обеспечение науки: новые технологии: сб. науч. тр. М. : БЕН, 2013. С. 79–86.
2. Волков В. В., Волкова Н. В. Концепты «Книга» и «Интеллигенция»: книговедческий и лингвокультурологический аспекты субъектной взаимосвязи // Язык и культура (Новосибирск). 2014. № 15. С. 124–129.
3. Волкова Н. В. Аппарат печатного и электронного изданий : учебно-справочное пособие / Тверской государственный университет. Тверь, 2014. 50 с.
4. Волкова Н.В. «Прикладное книговедение» как проблема обиходных и профессионально-терминологических знаний о книге и книжном деле // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 1. С. 237–241.
5. ГОСТ 7.60–2003. Издания. Основные виды, термины и определения // Основные стандарты по издательскому делу / сост. А. А. Джиго, С.Ю. Калинин. М.: Университетская книга, 2009. С. 112–144.
6. ГОСТ Р 7.0.83–2013 Электронные издания. Основные виды и выходные сведения. Режим доступа: http://standartgost.ru/g/ГОСТ_Р_7.0.83-2013. (Дата обращения: 27.12.2015).

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Р. Ю. Габибли

Бакинский государственный университет
кафедра азербайджанского языкознания

В статье речь идет о новых тенденциях в ономастической лексикографии, о компьютерной лингвистике и ее основных направлениях,

об электронной лексикографии, являющейся составной частью прикладной и компьютерной лингвистики, о межкультурной коммуникации. Особое внимание уделяется принципам составления электронных ономастических словарей, отмечаются преимущества таких словарей. В рамках компьютерной лексикографии разрабатываются компьютерные технологии составления и эксплуатации словарей.

Ключевые слова: лексикография, ономастика, словарь, компьютерная лингвистика, ономастическая лексикография, электронный словарь.

Как известно, компьютерная лингвистика, образовавшаяся на стыке информатики и лингвистики – научное направление в области математического и компьютерного моделирования интеллектуальных процессов при создании систем искусственного интеллекта, которое ставит целью использование математических моделей для описания естественных языков. Безусловно, компьютерная лингвистика в определенной степени пересекается с обработкой естественных языков, однако акцент делается не на абстрактные модели, а на прикладные методы описания и обработки языка для компьютерных систем. Таким образом, компьютерная лингвистика изучает лингвистические основы информатики и все аспекты связи языка и мышления, моделирования языка с помощью компьютерных программ. Основные интересы компьютерной лингвистики лежат в области создания и усовершенствования общего языка для подачи информации, создания естественного языкового интерфейса и моделирования информационных систем, что является одной из основных проблем искусственного интеллекта. Разработка языкового материала на компьютере – основная особенность, отличающая компьютерную лингвистику от других областей прикладной лингвистики. Компьютерная лингвистика – весьма широкое понятие, объединяющее различные области. Сюда входят проблемы искусственного интеллекта, моделирование общения и освоения, представление текстов технологией гипертекста, машинный перевод, компьютерная лексикография, создание национальных машинных фондов и национальных корпусов для отдельных языков и т.д.

В первую очередь следует отметить обработку естественного языка (natural language processing). Здесь подразумевается синтаксический, морфологический, семантический анализ текста. К другим проблемам относятся корпусная лингвистика, занимающаяся разработкой, созданием и использованием текстовых корпусов, составление электронных словарей (тезаурусы, словари автоматического перевода, энциклопедические, орфографические, толковые, терминологические словари, википедии, проверочные словари для автоматического выявления ошибок (spelling) и т.д.), системы автоматического перевода текстов (например: Dilmanc, Google Translate и т.д.), выбор фактов (сведений, информации) из текстов (fact extraction, textmining), а также авто-

рефератизация (automatic text summarization) – данная функция включена в «Microsoft Word».

Электронная лексикография, являющаяся составной частью прикладной и компьютерной лингвистики, в последнее время приобретает особую актуальность. Интенсивное развитие, совершенствование компьютерной технологии, превращение ее в важнейший, неотъемлемый атрибут общества открывает широкие перспективы и для компьютерной лексикографии. «Лингвистами и программистами сегодня обсуждаются такие вопросы, как структура и объем электронных словарей, принципы системной организации лексики, методы лингвистического программного обеспечения, параметры систематизации информационного материала. Один из важных аспектов в научных дискуссиях – возможности использования компьютерных технологий при создании и применении словарей. Специальные программы (базы данных, программы обработки текста) позволяют формировать словарные статьи, хранить информацию и обрабатывать ее в автоматическом режиме» [2].

В рамках компьютерной лексикографии разрабатываются компьютерные технологии составления и использования словарей. Множество различных лексикографических программ разделяются на две группы: 1) программы поддержки лексикографических работ (компьютерные картотеки, программы обработки текста, программы, помогающие формировать статьи в автоматическом режиме): в основном это компьютерные версии бумажных словарей; 2) автоматические словари различных типов: автоматические словари для конечного пользователя и автоматические словари для программ обработки текста. Особенности структуры автоматических словарей зависят от тех программ, с которыми они взаимодействуют.

«В Азербайджане существуют два подхода к проблеме компьютерной лексикографии: первый подход подразумевает различные статистические словари, составленные с помощью компьютеров, второй подход – словари, представленные в интернет-пространстве. Словари, представленные в компьютере, можно разделить на две группы: словари, размещенные в интернете без первичной обработки, в книжном варианте, и электронные словари, специально разработанные для использования в интернет-пространстве» [1, с. 82].

Возможности компьютерной лексикографии: 1) возможность использования большого объема лексикографической информации; 2) использование различных программ для облегчения труда лексикографа; 3) более широкие возможности содержания словарной статьи; 4) возможность показа по критериям; 5) использование различных лингвистических технологий (морфологический, синтаксический анализ, полнотекстовый поиск, распознавание/синтез звука, генерация текста). Компьютерная лексикография дает возможности для реализации полифункциональности словарей.

Новый этап развития ономастической лексикографии характеризуется новым взглядом на словарь собственных имен и вопросы его составления.

Компьютерная ономастическая лексикография одна из перспективных, интенсивно развивающихся областей. Компьютерные ономастические словари, составленные с помощью компьютеров, размещенные в электронном пространстве и снабженные различными справочными и информационными элементами, являются объектами данной области. В настоящее время есть необходимость в составлении различных видов электронных ономастических словарей и их распространении в интернет-пространстве. Эти словари имеют ряд преимуществ: 1) их объем неограничен; 2) из этого словаря можно быстро и легко получить информацию; 3) можно быстро уточнить значение онима и сделать общий вывод; 4) в такие словари в любой момент можно добавить новые единицы, сделать исправления.

В компьютерной ономастической лексикографии важнейшим средством является естественный язык. При составлении таких словарей необходима разработка технологии оптимального использования ономастической лексики естественного языка. Специальные программы, базы данных, компьютерные картотеки дают возможность формировать словарные статьи в автоматическом режиме.

Составление различных электронных ономастических словарей проводится в двух направлениях: 1) подготовительная работа – сбор и классификация материала, лингвокультурологический анализ онимов; составление компьютерной программы словаря. Иными словами, лексикограф разрабатывает общую концепцию словаря, собирает и классифицирует материал, ставит цель перед программистом; 2) пояснения, сопровождающие главные слова – онимы. Словарь будучи источником информации должен удовлетворять потребности пользователя.

Основная структурная единица любого, в том числе ономастического словаря, словарная статья. Словарная статья состоит из заглавной единицы, текста, разъясняющего заголовочную единицу и описывающего ее основные характеристики. Структура словарной статьи или микроструктура словаря определяется задачами самого ономастического словаря. Микроструктура состоит из следующих зон: вокабула, зона фонетико-грамматической информации, зона стилистических помет, зона толкования, зона иллюстрации. Значения внутри статьи могут быть расположены согласно различным принципам. При определении последовательности значений используются следующие принципы: исторический (с учетом этимологии, на первом месте – исходное значение), функциональный (по употребительности, частотности – сложности при выделении частотности значений слова и подвижность семантической структуры слова), логический принцип (от более общего значения к более частотному).

Некоторые автоматические ономастические словари должны быть предназначены для пользователей, некоторые же – для программ автоматической разработки текстов. Поскольку словари, предназначенные для широкого кру-

га пользователей, являются электронными вариантами обычных словарей, их можно условно назвать автоматическими словарями.

Современная компьютерная технология может оказать лексикографам большую помощь в составлении ономастических словарей и размещении их в интернете. Большой объем словаря, большое количество слов не должны беспокоить составителя. Группировку, систематизацию и расположение слов в алфавитном порядке можно сделать в компьютере за короткий срок.

Создание нового формата словарей, изучение потребностей пользователей, использование электронных баз данных для составления специальных словарей отражают тенденции развития лексикографии на современном этапе. Одна из таких тенденций – включение культурологической информации в словари. Эта информация – одна из важнейших составных частей лексического значения. В ходе межкультурной коммуникации весьма важна проблема взаимопонимания. Имена собственные играют роль межкультурного и межъязыкового моста. Их значение как проблема, вызывающая теоретический и практический интерес, еще более актуальна в межкультурных и межъязыковых связях. Имена собственные сохраняют свою внешнюю форму и вне национального языка, однако важнейшим элементом их содержания весьма трудно перешагнуть через межъязыковые барьеры. Поскольку проприальная лексика является специфическим материалом, ее классификация, презентация и иллюстрирование весьма затруднительны для составителя. В то же время экстра- и интралингвистические особенности имен собственных требуют особой подачи в словарных статьях. Однако возможности современной компьютерной лексикографии позволяют отражать данный материал в словарях в любой форме. Эффективная и успешная межкультурная коммуникация, а также культурологические сведения необходимы для пользователей словарей. С этой точки зрения отбор проприальной лексики в корпус специального ономастического культурологического словаря, разработка методов включения этой лексики в словари в соответствующей форме является одной из актуальных проблем. Особая роль имен собственных в культурных взаимосвязях обуславливает необходимость создания таких словарей, т.к. такие словари, будучи результатом теоретических исследований и обобщений, могут послужить важнейшей информативной базой для дальнейших исследований в данной области. Цель словаря – закономерно объединить в компьютерном формате корпус онимов и лингвокультурологические толкования, составляющие собранный материал. У пользователей будет возможность ознакомиться с онимами, объединенными в рамках одного электронного словаря.

Интеграция областей науки, развитие научных знаний в разных направлениях, усиление общественно-политических связей с иностранными государствами влияют и на развитие терминологической базы в различных областях науки. Терминологическая Комиссия выполняет важную миссию в деле сбора, апробации и применения терминов, употребляющихся в азербайд-

жанском языке, в том числе и новообразованных терминов, усовершенствования научно-технических понятий на основе единой системы. В частности, проводимые в Азербайджане экономические реформы, особенности развития банковско-финансовой деятельности влияют на постоянное изменение социально-политической терминологической базы. Поэтому весьма важно формирование научно-технических понятий в азербайджанском языке на основе единой системы и принципов. Терминообразование – словообразовательный процесс, свойственный каждому языку.

В любом научном исследовании явно прослеживается авторское отношение к терминологической базе, что создает проблемы, связанные с терминологией научных областей. В общий круг этих проблем можно включить следующие:

- 1) ослабление темпа упорядочения и систематизации терминов;
- 2) многозначность терминов и разница в их толковании;
- 3) усиление тенденции создания индивидуальных или авторских терминов;
- 4) «номинационный взрыв» и в связи с этим нарушение точности и нормативности в использовании терминов;
- 5) активная интеграция научных областей;
- 6) регулирование процессов заимствования терминов.

Для каждого носителя языка важно проявление знания посредством языка. Это проявление – показатель усвоения носителями языка общественных, научных знаний. Одним из важных средств такого усвоения является термин. Термин играет роль базы в научном тексте, создает разветвленную систему предметно-логических, а также ассоциативно-культурных связей, формирующих все информативное пространство в рамках научных знаний.

На современном этапе проведение терминологических исследований в различных аспектах вовсе неслучайно, т.к. усиливаются взаимосвязи и взаимовлияние терминологии и отдельных областей наук. Исследуемые проблемы, связанные с машинным переводом, системами автоматического поиска, подготовкой экспертных систем требуют формирования новых отношений к терминосистеме. Так, при создании электронных словарей за основу берется отдельное размещение в компьютере двух видов словарей. Под двумя видами словарей подразумеваются основной словарь языка и терминологические словари по различным областям науки. Их дифференциация требует терминологического подхода к проблеме определения оптимальной структуры электронных словарей.

Приведение теоретических и практических особенностей ономастической терминологии и лексикографии в соответствие друг с другом позволит создать удачные словари ономастических терминов, что в настоящее время весьма актуально и необходимо. При составлении ономастического терминологического словаря следует учесть специфику данной научной области и адресата, общепринятые характеристики терминов.

Массовая компьютеризация словарей, использование электронных каталогов и банков данных предоставляет новые возможности и отвечает требованиям современных пользователей. Любой словарь основывается на электронной базе, созданной для лингвистических и лексикографических исследований национального языка. В период интеграции и глобализации языковые явления настолько многоплановы и разнообразны, что появление новых лексикографических средств, фиксирующих их, не вызывает удивления.

Список литературы

1. Махмудов М. А. Компьютерная лингвистика. Баку: Наука и образование, 2013. 356 с.
2. Чепик Е. Ю. Опыт создания электронного словаря политической лексики [Электронный ресурс] // URL: <http://el.crimea.edu/arcthesis.html>. (Дата обращения: 03.09.2015).

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ ТВЕРСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Т. В. Габлина

Тверской государственный университет
кафедра русского языка

В статье рассматривается лексикографическая работа тверской диалектологической школы. Отмечаются основные этапы работы кафедры русского языка в исследовании диалектов Тверского края. Диалектологическая работа кафедры связана с именами ученых-диалектологов, положивших начало лексикографическому направлению в диалектологии. Приводятся данные по изданию «Тематического словаря говоров Тверской области».

Ключевые слова: лексикография, говор, тематический словарь, картотека.

В последние десятилетия заметны успехи областной лексикографии русского языка. Областные словари, созданные по материалам диалектологических экспедиций разных лет, отражают не только общее состояние территориальных диалектов, но и уровень развития филологической науки.

Современные диалекты характеризуются как сложная открытая система, своеобразие которой определяется и историей формирования, и особенностью функционирования, и взаимодействием с другими диалектными системами и языками.

Детальная разработка диалектных словарей, лексикографическая практика дают в руки ученых бесценный материал, позволяющий расширить и углубить проблематику диалектно-лексикографических исследований.

Тверская лексикографическая работа связана с именем С.А. Копорского, который в 30-х годах XX века начал исследовать диалекты Тверского края, издавая привлекавшего внимание ученых своим лингвистическим ландшафтом [3, с. 6]. Однако самые первые материалы по говорам Тверской земли были опубликованы в небольших словариках (всего 32) по Осташковскому, Вышневолоцкому, Кашинскому и Тверскому уездам. Уже в «Опыте областного великорусского словаря», в «Дополнении к Опыту областного великорусского словаря» и, конечно же, в знаменитом «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля было представлено более 14 000 слов с пометой «тверское».

В 1915 году учеными была создана диалектологическая карта восточнославянских языков, которая положила начало комплексному диалектологическому исследованию различных территорий. Говоры Тверского края подвергаются фронтальному исследованию именитыми филологами Москвы и Санкт-Петербурга.

Массовое исследование диалектных особенностей начинается с тридцатых годов XX века, когда Институт языкознания СССР организует работу по созданию Диалектологического атласа русских народных говоров. На кафедре русского языка под руководством С.А. Копорского ведется исследование разных районов Тверской (тогда Калининской) области.

Тверская диалектологическая школа активно принимала участие в работе над Диалектологическим атласом русского языка, были организованы экспедиции в разные районы области, велась картографическая работа, изучалась типология говоров, характер изменений и факторы, приводящие к этим изменениям.

С 1953 года работа тверских диалектологов велась под руководством удивительного ученого, энтузиаста, посвятившего всю свою жизнь изучению говоров Тверской края, профессора Т.В. Кирилловой. С середины 50-х годов XX века начинается консолидация сил ученых-филологов по созданию картотеки говоров тверской земли. Ареальное изучение тверских диалектов проводится в двух направлениях: составление региональных словарей и составление региональных атласов в аспекте исследований по Лексическому атласу русских народных говоров

Практические нужды диалектной лексикографии выдвинули ряд острых вопросов, до сих пор активно разрабатываемых специалистами в области диалектологии. Например, функциональное взаимодействие местной речи с литературным языком и мощное межъязыковое и междиалектное общение привело к тому, что ученым необходимо было разработать методики, позволяющие диалектное слово отграничить от иноязычного элемента или просторечия.

Каждый период изучения тверских диалектов связан с тем или иным направлением в исследовании говоров русского языка. Но любая форма исследовательской работы открывала новые возможности в исследовании тверских диалектов как элементов системы, сохраняющих связь с древнейшими пластами русской культуры, народного быта, религиозной практикой, научным познанием мира.

Разработка и создание словаря – это процесс сложный и специфический. Именно к словарным материалам обращаются специалисты при изучении семантики, морфологического варьирования, расселения славян по территориям и других вопросов истории и лингвистики. Современные словари предстают перед нами как уникальные источники, значимые и для теоретического осмысления различных научных проблем, и для изучения прикладных областей истории и лингвистики.

Огромный лексический фонд, создававшийся на протяжении практически двух столетий, позволил диалектологам начать работу по составлению тематического словаря говоров Тверской области. Фундаментом для создания тематического словаря стал «Опыт словаря говоров Тверской области», изданный еще в 1972 году коллективом авторов в составе Т.В. Кирилловой, Н.С. Бондарчук, В.П. Куликовой, А.А. Беловой. Это словарь дифференциального типа, включающий в себя более пяти тысяч диалектных слов [2, с. 11]. Публикация «Опыта словаря говоров Тверской области» подготовила почву для создания «Материалов для заданий по курсу русской диалектологии», которые были составлены в виде двух словников, где представлена лексика в сопоставлении её с лексикой, отраженной в словарях XIX века, а также иллюстрирующая слова, сохраненные в современных говорах с тем или иным значением.

В 70-е годы XX века получает активность и в дальнейшем практическую реализацию идея создания «Лексического атласа русских народных говоров». Это время характеризуется активацией исследовательской мысли, которая направлена на реализацию многих проблем территориального исследования языка и в первую очередь на системное изучение лексического фонда диалектов. Кафедра русского языка включается в работу по изучению лексики говоров по программе ЛАРНГ. Организуются экспедиции в самые разные районы области. В полевых условиях студенты и преподаватели собирают материал по различным аспектам жизнедеятельности человека. Тверской госуниверситет работает совместно с университетом Санкт-Петербурга, так как Тверской регион вместе с Ленинградской, Мурманской, Псковской и Новгородской областями образует Северо-западную зону. В результате этих исследований картотека Тверской диалектологической школы приобретает бесценный лексический материал, легший в основу уникального «Тематического словаря говоров Тверской области», специфика которого состоит в том, что весь лексический материал дается по тематическим группам, которых более двадцати,

а внутри практически каждой группы представлено деление на подгруппы, последовательно реализующие значение диалектных слов [5; 6; 7; 8; 9].

Уникальность словаря обусловлена несколькими моментами.

Во-первых, словарь опирается на данные, которые систематизировались почти двести лет. Соответственно, словарь отражает единицы исторического плана, дает возможность проследить динамику употребления слова при сопоставлении с данными современных материалов, выявить условия изменения значения лексемы в том или ином территориальном объединении.

Для диалектной лексикологии важна судьба любой единицы. Изучение диалектного слова позволяет решать многие вопросы, связанные не только с историей формирования и употребления слова в народной речи, но и объяснять многие явления, отраженные в памятниках древней письменности.

Во-вторых, словарь является идеографическим, в котором значения слов представлены в тематических группах. Известно, что с течением времени многие слова расширяют свой смысловой диапазон, поэтому некоторые слова отмечены в разных тематических группах. Кроме того, в ряде случаев в одной группе оказываются слова разных частей речи, но связанные между собой мировоззренческими установками и связями.

В-третьих, словарь относится к числу толковых словарей, где представлено значение слова через его описательную характеристику. В некоторых случаях в начале тематической группы дается словарное толкование языковой единицы, позволяющее в полной мере представить себе понятийное наполнение слова. Словарные статьи включают в себя все необходимые пометы и текстовые иллюстрации.

Наконец, в словарь включены лексемы, уже вышедшие из системы литературного языка в связи с исчезновением реалии, но еще сохраняемые народной памятью. Слово литературного языка, проникая в диалект, адаптировалось к специфике говора и становилось его органической частью. Многие говоры в силу своей исторической самобытности и этнокультурной непрерывности сохраняют для потомков не только значение языковой единицы, но и нередко удерживают саму реалию.

Интенсивности исследований в области диалектной лексикографии способствуют публикации различных региональных словарей и атласов.

Большая исследовательская деятельность продолжается в области создания словаря озера Селигер [4, с. 3–5]. Этот район не раз привлекал к себе внимание ученых. Еще в 30-х годах XX века озеро Селигер в районе г. Осташкова был подвергнут системному исследованию В.И. Чернышева, а в конце 40-х годов вышел в свет «Лингвистический атлас района озера Селигер». Диалектологические работы по исследованию говоров этого уникального района, связывающего этнически, культурно, экономически районы Новгородской земли, Псковской, Тверской областей, Подмосковья и других сопредельных территорий, возобновляются в девяностые годы XX века.

Организируются экспедиции, в которых исследуются лексика района озера Селигер, складывавшаяся столетиями и запечатлевшая в себе всю динамику речемыслительной деятельности человека, его речевую практику и способность интерпретировать события, в которые он вовлечен как практик, творец, хранитель. Под руководством Л.Н. Новиковой ведется работа над материалами словаря, отражающими тверскую составляющую уникальной лексикографической работы [1, с. 9].

Для лексикографии как науки о способах классификации материала и способах его представления в словарях важнейшим является исчерпывающее описание всего словарного состава языка. Многогранная и многолетняя деятельность тверской диалектологической школы вносит существенный вклад в лексикографические разработки словарного состава русских народных говоров, позволяя расширить научные представления о современной диалектной лексике, связанной, с одной стороны, с древнейшими пластами русской культуры, с другой стороны, с современным лексическим фондом.

Список литературы

1. Из истории кафедры русского языка // Русский язык: история и современность: сборник научных трудов к 85-летию кафедры русского языка Тверского государственного университета. Тверь: Тверской государственный университет, 2002. С. 3–7.
2. Кириллова Т. В. О тверской диалектологической школе // Тверские говоры: итоги и перспективы изучения: сборник научных трудов к юбилею тверской диалектологической школы. Тверь: Тверской государственного университета, 2006. С. 3–12.
3. Кириллова Т. В., Бондарчук Н. С. Роль тверской картотеки как источника изучения среднерусских говоров // Проблемы динамики среднерусских говоров: коллективная монография. Тверь: Тверской государственного университета, 2002. С.6–13.
4. Селигер. Материалы по русской диалектологии: словарь. Вып. 1: А–Г / Под ред. А.С. Герда. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2003. С. 3–5.
5. Тематический словарь говоров Тверской области. Вып. 1 / под ред. Т.В. Кирилловой, Л.Н. Новиковой. Тверь: Золотая буква, 2002. 239 с.
6. Тематический словарь говоров Тверской области. Вып. 2 / под ред. Т.В. Кирилловой, Л.Н. Новиковой. Тверь: Золотая буква, 2003. 184 с.
7. Тематический словарь говоров Тверской области. Вып. 3 / под ред. Т.В. Кирилловой, Л.Н. Новиковой. Тверь: Золотая буква, 2004. 226 с.
8. Тематический словарь говоров Тверской области. Вып. 4 / под ред. Т.В. Кирилловой, Л.Н. Новиковой. Тверь: Золотая буква, 2005. 189 с.
9. Тематический словарь говоров Тверской области. Вып. 5 / под ред. Т.В. Кирилловой, Л.Н. Новиковой. Тверь : Золотая буква, 2006. 149 с.

О ПРОЕКТЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ МОДИФИКАТОВ ХРИСТИАНСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН

И. М. Гаяжина

Тверской государственный университет
кафедра русского языка

В статье рассматривается состояние современных исследований в области лексикографирования христианских личных имен и их форм; обосновывается актуальность создания гнездового регионального исторического словаря модификатов крестильных имен на материале местных памятников деловой письменности преднационального периода, когда вместе с нормами литературного языка происходило становление и антропонимических норм; описываются принципы построения словарных статей.

Ключевые слова: антропонимия, христианское личное имя, модификат имени, квалитатив, деминутив, гипокористика, словообразовательная парадигма, словообразовательная цепочка, дериват, суффикс, формант

Общеизвестно, что в русском языке личные имена имеют огромное число квалитативных форм; такого обилия словообразовательных вариантов не знает ни один язык. Между тем определенные успехи, достигнутые ономастикой, подчеркивают и доказывают необходимость более глубокого изучения собственных имен не только в синхронном аспекте, но и в первую очередь – в диахронном, поскольку история русской антропонимии уходит своими корнями в далекое прошлое и теснейшим образом связана с историей русского народа и его языка.

До сих пор остается актуальной проблема, поставленная С. Роспондом более полувека назад, – о необходимости установления «хронологического и особенно территориального расслоения словообразовательных и лексико-семантических типов» [9, с. 17–18.]. Об этой же проблеме через полтора десятка лет вновь заговорил В.А. Никонов: «Важную роль в антропонимической науке получает география личных имен и их форм... Эта трудоемкая работа едва лишь начата» [7, с. 135]. Однако и на сегодняшний день в научной литературе, анализирующей территориальную антропонимию, имеются лишь отрывочные, попутные замечания об отдельных фонетических изменениях или об отдельных словообразовательных формантах личных имен. Особенно редки труды обобщающего характера, пытающиеся решить важные и спорные проблемы исторической антропонимики не на абстрактном антропонимическом материале, не ограниченном ни временными, ни территориальными рамками (например: [14; 16]), а на основе анализа конкретных исторических источников, письменно засвидетельствованных данных [8].

Все еще не собран и не описан огромный антропонимический материал по целому ряду мало изученных или не изученных вовсе территорий, разбросанный в печатных и рукописных источниках, и полностью отсутствуют развернутые описания общих принципов образования территориальных антропонимических систем, в совокупности их фонетических и словообразовательных вариантов. Об актуальности подобных исследований приходится слышать и в последние десятилетия: «Общее число неофициальных форм русских имен трудно определить. Они складывались в местных говорах и пока что не собраны полностью... нам пока что известны далеко не все формы имен, существующие в русских народных говорах» [11, с. 448]. О важности антропонимических исследований именно территориальной направленности А.В. Суперанская писала и в одном из писем автору данной статьи в пору своей работы над словарём [12]: «...мой словарь дефектен в том плане, что материал берётся отовсюду и отсутствует региональная или диалектная привязка» (письмо от 11 марта 2002 г.).

Необходимость изучения форм имен в историческом плане становится все более очевидной, это констатируют не только филологи, но и историки, занимающиеся ономастикой: «Вышедшие из употребления варианты имен и производные от них зафиксированы ... в бесчисленном множестве фамилий, в тысячах названий русских сел... Располагая огромным корпусом разнообразных источников, лингвисты так и не создали российского антропонимикона, который включил бы все варианты крестильных имен, употреблявшихся на Руси...» [1, с. 93–94].

На наш взгляд, совершенно однозначно, что «имена собственные и, в частности, антропонимы не могут быть изучены лишь в синхронии» [10, с. 52], и именно региональные памятники письменности, прежде всего преднационального периода, позволяют глубже изучить и понять процессы, происходившие при образовании различных форм имен. Идеальным источником для этого являются именно деловые тексты XVI–XVII вв., содержащие большое количество качественных и отражающие живую разговорную речь того времени, когда складывались основные антропонимические нормы (как официальные, так и разговорно-бытовые).

Таким образом, одним из актуальнейших и до настоящего времени не решенных является вопрос о создании исторического словаря русских христианских личных имен (ХЛИ) и их модификатов. Данный словарь, построенный по гнездовому принципу, будет включать гнезда мужских ХЛИ во всех фонетических и морфологических вариантах и формах, зафиксированных в тверских памятниках деловой письменности преднационального периода, в алфавитном порядке. Словарная статья будет иметь следующую структуру.

1. Возглавлять ее, для большей доступности издания не только узким специалистам, должна, на наш взгляд, полная современная форма ЛИ, после которой будут представлены те разговорные, бытовые варианты, которые от-

мечены в памятниках и основы которых являлись производящими для квалитативных форм ЛИ. Как правило, таких форм отмечено 2–3, например: *Гаврило, Гаврил; Герасим, Горасим; Трифон, Труфан, Труфон; Конон, Конан; Матвей, Матфей; Игнатей, Игнат* и т. д. При этом звездочкой будут отмечаться восстановленные из дериватов разговорные варианты полных имен, зафиксированные только в качестве производящей основы – так, форма **Олисей* (наряду с *Елисей*) не отмечена в исследуемых памятниках, однако наличие производных *Олиско, Олух, Олех* свидетельствует о существовании такой формы в прошлом.

2. Далее следует словообразовательное гнездо (СГ), включающее все квалитативы от полных разговорных форм и состоящее из словообразовательных цепочек (СЦ), в которых дериваты находятся в отношениях последовательной производности, и из словообразовательных парадигм (СП), которые даются столбиком. Члены СП являются равнопроизводными, они имеют одну и ту же производящую основу, но разные суффиксы. При этом СП имеют как исходные (непроизводные) имена, так и производные. Например, от имени *Иван* имеем три СП (*Иванис, Иванец, Иванко, Иванча; Ванок; Вахно*) и семь СЦ (*Иван – Иванко, Иван – Иванец, Иван – Иванис – Иваниско, Иван – Иванча, Иван – Иваиш – Иваишко, Иван – Ванок, Иван – Вахно*); от имени *Михаило, Михаль* можно выделить три СП (*Михалко, Михалец; Михель, Михоня, Михно; Миша, Миня*, еще одну СП имеет дериват *Миша: Мишук, Мишко, Мишеня*) и девять СЦ (*Михаль – Михалко, Михаль – Михалец, Михаль – Михель, Михаль – Михоня, Михаль – Михно, Михаль – Миша – Мишук, Михаль – Миша – Мишко, Михаль – Миша – Мишеня, Михаль – Миня – Минка*).

3. Косая черта отделяет суффиксы, с помощью которых образованы производные формы, и флексии, которые также принимают участие в антропонимическом формообразовании.

4. Перечнем через запятую даются фонетические варианты словообразовательного ряда, образованные от одной производящей основы при помощи одного и того же словообразовательного средства.

Нередко отдельные дериваты в словообразовательном гнезде могут иметь неоднозначную мотивацию, в таком случае оба возможных способа деривации даются в СГ. Например, форма *Косток* может быть образована как от усеченной основы разговорного варианта полного имени (*Костентин*) при помощи форманта *-ок*, так и от основы деминутива *Костя* с тем же суффиксом; форма *Коска* может представлять из себя как фонетический вариант деминутива *Костка* (с выпадением взрывного непронизносимого *т*), так и образование от усеченной основы полного разговорного варианта исходного имени: *Костентин* при помощи форманта *-к-* и флексии.

Приведем несколько примеров СГ:

Матвей,	→	Матфей/к/о, Матвей/к/о, Матвей/к/а	
Матфей		Матфей/ец	
	→	Мат/иц/а	
		Мат/юк	
		Мат/юш/а	→ Матюш/к/а, Матуш/к/а
	→	(*Ма/ш/а)	→ Маш/к/о Маш/ан/я

Как можно заметить, иногда производные первой степени отсутствуют, но наличие сложного суффикса предполагает их существование: например, зафиксированы формы типа *Конашко*, *Машко*, *Митрюшка*, но ни разу не отмечены качественные *Конаша*, *Маша*, *Митрюша*. Нельзя в таком случае отрицать возможность изначального присоединения к усеченной основе единого суффикса *-шк-* (*-юшк-*, *-ушк-*, *-ашк-*), однако наличие у других имен форм с формантом *-иш-* (*-юиш-*, *-уиш-*, *-аиш-*), хотя и очень немногочисленных, не дает возможности утверждать это однозначно. В таком случае подобные гипотетические формы даются в скобках под звездочкой; чередующийся согласный или гласный выделяется жирным (*Дмитр-* / *Дмитер-*; *Мит-* / *Мич-*):

Димитрей,	→	Митрей/к/а	
Демитрей,	→	Дмитер/к/о,	
Дмитрий,		(*Дмитр/аш/а, *Дмитр/ш/а)	→ Дмитраш/к/а, Дмитряш/к/а
Дмитрей,	→	Митр/ок	
Дмитр,		(*Митр/юш/а)	→ Митрюш/к/а
*Митрей	→	Мит/я	→ Мит/юк Мит/к/а, Мит/к/о, Мить/к/а
		Мит/к/а, Мит/к/о, Мить/к/а	
		Мит/юк	
		(*Мит/юш/а)	→ Митюш/к/а
		Мич/к/о	
		Мич/ур/а, Мич/юр/а	
	→	Ми/н/я	→ Мин/к/а, Мин/к/о
		Ми/хн/о	

Подобное построение Исторического регионального словаря модификатов ХЛИ позволит сделать некоторые выводы по структуре христианских имен, по способам образования их модификатов, по их фонетическим преобразованиям в речи и т. д.

Материал показывает, что все дериваты образованы от полной либо усеченной основы ЛИ, при этом полные народные, разговорные варианты имен, употреблявшиеся в речи жителей Тверской земли исследуемого периода и зафиксированные в памятниках письменности, возникали в результате реструктуризации ХЛИ (см.: [4; 5]), усечения, наращения или замены финалей.

Заметим, что все качественные формы образованы именно от народных вариантов календарных ЛИ, и все фонетические изменения: упрощение групп согласных, общерусское оканье (а позже диалектное аканье), замена неполногласия русским полногласием и др. – произошли еще на уровне этих полных исходных имен: Дмитрий > *Митрей* > *Митя, Митка*; Владимир > *Володимер* > *Володя, Володка*; Константин > *Костентин* > *Костя, Косток, Костка*; Афанасий > *Офонасей* > *Офона, Офонко*; Авксентий > *Оксен* > *Окся*; Моисей > *Мосей* > *Мося, Мосейко* и т. д.

Словарь будет отражать характерное для словообразования русских ЛИ явление усечения производящей основы и степень её усеченности – при этом следует отметить достаточную регулярность следующих видов производящих основ:

- 1) полная, недеформированная основа имени: *Матфейец, Олексейко, Дмитерко, Иванис(ко)* и др.;
- 2) усеченная основа, состоящая:
 - а) из двух звуков (согласный+гласный или гласный+согласный): *Кошак, Лея, Миля, Деша, Олук, Машко* и т. д.;
 - б) из трех звуков (согласный+гласный+согласный): *Данша, Митко, Демка, Васюк, Коска* и др.;
 - в) из четырех звуков: *Омеля, Митроха, Косток, Изнаш* и др.;
 - г) из пяти звуков: *Володя, Тереня*.

Как показывает материал, в преднациональный период, в отличие от современного русского языка, при образовании производных форм личных имен усекалась далеко не любая часть производящего слова. В подавляющем большинстве случаев происходило усечение конечных элементов (см. примеры выше). Усечение начального звука отмечено крайне редко, лишь от отдельных христианских имен (ср.: *Ванок, Вахно* < *Иван, Лея, Лешка* < *Алексей*), и практически не зафиксировано производных форм от основ с синкопой (возможно, сюда можно отнести имя *Елсук*, если предположить его происхождение от *Елисей*, а также дериват *Палка* от *Павел* – однако, вероятно, в последнем случае можно говорить об ином способе образования, нежели просто усеченно-суффиксальный).

Сложность, связанная с лексикографированием ХЛИ, связана и с тем, что усеченные основы и формы, образованные от них, нередко сохраняют лишь условную общность с исходным ХЛИ, и нередко остается открытым вопрос, от какого имени образованы те или иные дериваты: например, качественные *Лаша, Лашко, Лахоша, Ланко, Лахно* могли восходить к именам *Ларион, Лавр, Галактион* (обычная разговорная форма *Лахтион*); *Ерюшка* – к *Еремей* или *Ермолай*; *Левка, Левуха, Левушка* – к *Лев, Леонид* (в памятниках *Леванид*), *Леон (Левон)* и т.д. В таком случае следует использовать критерий антропонимической вероятности либо давать подобные формы в нескольких словарных статьях, как дериваты от разных ХЛИ.

Даже немногочисленные приведенные примеры показывают, что самое массовое и продуктивное употребление качественных форм в исследуемый период связано с использованием разнообразных суффиксальных элементов, добавляемых ко всевозможным сокращениям различных разговорных, народных, диалектных форм крестильных имен. Весь корпус антропонимов этого типа свидетельствует об исключительном богатстве словообразовательных возможностей этой группы лексики (нами зафиксировано порядка шестидесяти формантов и их модификаций), что позволяет предположить наличие богатого словообразовательного наследия, идущего из праславянского, а возможно, еще и из индоевропейского языка. При этом следует отметить необыкновенно широкое использование согласных звуков русского языка в организации деривационных аффиксов, многие из которых функционируют в своих вариантах: *-ай/-ей/-уй*; *-ак/-ик/-ок/-ук/-ык-*; *-ел/-ил/-ол/-ул/-ыл-*; *-ан/-ин/-он/-ун-*; *-ит/-ут/-ят-*; *-ец/-иц-*; *-ач/-ич*; *-аи/-ои/-уи/-ыи-* и т. д.

Таким образом, уже в донациональный период система производных форм личных имен была достаточно сложившейся, и суффиксальный способ образования дериватов значительно преобладал (по нашим подсчетам, на него приходится более 90% всех форм). При этом предполагаемый Словарь позволит показать неодинаковую степень употребительности отдельных суффиксов и их комбинаций в образовании производных форм ХЛИ. Несмотря на то, что в исследуемый период число суффиксов, сочетаний их друг с другом и с флексиями достаточно разнообразно, лишь два суффикса (с их модификациями) бесспорно лидируют в процессе деривации: *-к-* и *-ш-* (для сравнения отметим, что уже материалы XVII в. отражают резкое сокращение формообразующих суффиксов, и чуть ли не единственным остается *-к-*, что связано с произошедшей в этот период регламентацией в употреблении форм ХЛИ).

Весь корпус бессуффиксных производных форм четко распадается на две неравноценные группы:

1. Производные формы, созданные путем чистого усечения полного христианского имени: *Ель* < *Елизар*, *Сель* < *Селиван*, *Ларь* < *Илларион*, *Чюр* < *Кирилл*, *Пань* < *Панкратий* / *Пантелей*, *Офон* < *Афанасий*, *Спир* < *Спиридон*. Немногочисленность подобного рода деминутивов, вероятно, вызвана тем, что чистое усечение, без участия суффиксов и финалей, было широко употребительно, как нами уже отмечалось, при образовании народно-разговорных вариантов полных календарных имен (ср.: *Офонас* < *Афанасий*, *Василь* < *Василий*, *Дмитр* < *Дмитрий*, *Олфер* < *Елевферий*, *Окат* / *Акат* < *Акакий* и т. д.), созданных в процессе приспособления иноязычных слов к общерусской, а порой и диалектной фонетической системе [2].

2. Деминутивы, образованные путем усечения христианского имени с добавлением флексии *-а*, *-я*: *Гридя* < *Григорей*, *Костя* < *Константин* (*Костентин*), *Митя* < *Дмитрий* (*Митрей*), *Харя* < *Харитон*, *Омеля* <

Омельян, и др. В XVI в. число таких форм весьма невелико, однако в современном русском именном формообразовании чрезвычайно широко распространился именно этот бессуффиксный способ образования с материально выраженной флексией (ср.: *Ваня, Вася, Петя, Тёма, Дима* и т.п.). Именно подобные формы исследователи считают первичными производными [6, с. 158], стандартными [10, с. 52], нейтральными (хотя, на наш взгляд, это достаточно спорный вопрос), составляющими в современном языке, наряду с полными формами личных имен, антропонимическое ядро [13, с. 66].

Несмотря на то, что доля производных форм имен, образованных без-аффиксным способом, невелика, по всей вероятности, подобные они являются наиболее древними и первичными, именно этот тип деривации сыграл значительную роль в дальнейшем развитии деминутивных и гипокористических форм и именно на его основе сформировались аффиксальные способы производства, значительно преобладающие уже в преднациональный период.

Гнездовое построение Словаря показывает, что в преднациональный период именные СП и СЦ были невелики: как правило, СП включала 2–4 деривата, а СЦ – 2–3 формы. Тем не менее число модификатов многих ХЛИ достаточно велико, поскольку это многообразие создавалось не только за счет словообразовательных средств и за счет различной степени усеченности основы, но и благодаря огромному количеству фонетических вариантов. Эти варианты возникали в результате различных варьирований:

- согласных звуков: *Осиф – Осип, Матфейко – Матвейко, Никита – Микитка, Лутьяно – Лукьяно, Китко – Тутко* и т. д.;
- гласных звуков: *Афонасей – Офонасей, Тихон – Тухон, Герасимко – Горасимко, Ефрем – Офрем, Есипко – Осипко, Ефишко – Офишко – Яфимко* и т. п.;
- твердого и мягкого конечного согласного основы: *Митка – Митька – Митко – Митько, Володка – Володька, Васка – Васко – Васька – Васько* и др.

Подобные чередования могли быть как общерусскими, так и отражающими диалектную речь. Кроме того, чрезвычайная пестрота и богатство производных форм христианских личных имен в указанный период зависели, по нашим наблюдениям, от целого ряда факторов:

- От способов образования, с их флексийным варьированием (*Офон/к/а – Офон/я – Офон/ь; Зан/ь – Зан/я – Зан/ко; Ел/ь – Ел/ец – Ел/к/а; Лев/а Лев/ушк/а* и т. д.);
- От употребления различных суффиксов или их комбинаций даже при одном и том же способе образования и при одной производящей основе (*Вас/юх/а – Вас/ай – Вас/юк/ь – Вас/к/о; Петр/ок/ь – Петр/уш/а – Петр/уш/к/а* и т. д.);
- От того, к полному или усеченному имени добавляется суффикс (*Степан/к/а, Степан/ец/ь – Степ/у/а; Онуфрей/к/о – Оно/х/а; Матвей/к/о – Мат/юш/к/а* и т. п.);

- От различной степени усеченности основы одного и того же производного имени (*Дмитр/ок/ь – Митр/ок/а – Мит/к/а – Ми/и/я; Юр/к/а – Ю/и/к/а; Оле/х/ь, Оле/ш/а – Ол/ух/ь – Ле/и/к/а, Ле/и/иц/а* и др.);
- От того, какой вариант личного имени лежит в основе производной формы: приближенный к календарному или же народный в различных его фонетических модификациях (*Герасимка – Горасимко; Никитка – Микитка; Матфейецъ – Матвейко; Титка, Титко – Китай; Лутко, Лутьяно – Лукьяно; Осипко – Еска* и др.).

Таким образом, многочисленные фонетические и словообразовательные процессы, как общерусские, так и диалектные, взаимодействуя между собой, именно в своей взаимосвязи создают своеобразие системы форм ХЛИ и образуют совершенно неповторимый антропонимический узор, свои локально ограниченные именные гнезда (ср.: *Михаило, Михалка, Михалко, Михолко, Михаль, Михель, Михалец, Михоня, Миша, Мишка, Мишко, Мишук, Мишута, Мишеня, Миня, Минка, Минко, Михно* < *Михаил; Олексейко, Олексеик, Олексеец, Олекса, Олеша, Олешка, Олешко, Олех, Лешка, Лешица, Ленка, Леня* < *Алексей* и т. п.). Тверские документы, как, вероятно, и памятники любой другой русской территории, еще раз убеждают в том, что русский язык исключительно богат словообразовательными возможностями производных форм личных имен (как христианских, так и прозвищных), и это позволяет согласиться с мнением В.И. Чернышева о необходимости изучать образование подобных форм «как особый вопрос русской грамматики» [15, с. 319].

Нет никакого сомнения в том, что многие современные модели образования деминутивных и гипокористических форм имен зародились и сформировались еще в донациональный период, и потому тщательное изучение фактов прошлого может не только способствовать решению этимологических загадок в области фамилий или топонимов, но и лучше понять механизмы, действующие в современной словообразовательной системе – и не только антропонимической, но и в диалектном словообразовании в целом.

Анализ вариантов имен собственных может дать многое для развития исторической диалектологии, ареальной лингвистики, а вместе с тем и для пополнения исторических знаний недостающими фактами [3]. В настоящее время актуальным является создание исторического гнездового словаря форм русских личных крестильных имен, поскольку вышедшие из употребления варианты имен и производные от них зафиксированы в бесчисленном множестве современных фамилий и названий населенных мест. В этом отношении создание региональных гнездовых словарей ХЛИ явится важным вкладом в решение этой сложной задачи современной антропонимики.

Список литературы

1. Воробьев В. М. О подготовке исторического гнездового словаря русских личных крестильных имен // Материалы для изучения селений

- России: доклады и сообщения 6-ой научно-практической конференции «Российская деревня: история и современность» / Сост. и отв. ред. З.В. Рубцова : в 2 ч. Ч. 2. Язык российской деревни: Говоры. Лингвофольклористика. Ономастика. М.: Энциклопедия российских деревень, 1997. С. 89–95.
2. Ганжина И.М. О нулевой суффиксации в антропонимическом формообразовании // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. Вып. 4. С. 142–146.
 3. Ганжина И.М. О перспективах изучения диахронного антропонимического словообразования // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2011. Вып. 3. С. 108–114.
 4. Ганжина И.М. Реструктуризация христианских личных имен в преднациональный период: имена на *-ǫ (-ъ, -о) // Вопросы ономастики (Problems of Onomastics). 2015. № 1 (18). С. 165–174.
 5. Ганжина И. М. Реструктуризация христианских личных имён в преднациональный период: имена на -а, -ия // Вопросы ономастики. 2013. № 2 (15). С. 128–136.
 6. Данилина Е.Ф. Категория ласкательности в личных именах и вопрос о так называемых «сокращенных» формах имен в русском языке // Ономастика. М.: Наука, 1969. С. 149–161.
 7. Никонов В.А. Северные фамилии // Этимология 1978. М. : Наука, 1980. С. 134–152.
 8. Полякова Е.Н. Словарь имен жителей Пермского края XVI–XVIII веков. Пермь : Изд. дом Бывальцева, 2007. 464 с.
 9. Роспонд С. Перспективы развития славянской ономастики // Вопросы языкознания. 1962. № 4. С. 9–19.
 10. Сальмон Л. Личное имя в русском языке: Семиотика, прагматика перевода. М. : Индрик, 2002. 160 с.
 11. Суперанская А.В. Народные разговорные формы русских имен // *Onomastické práce*. S. IV. Praha, 2000. С. 446–459.
 12. Суперанская А.В. Словарь народных форм русских имен. М.: Либроком, 2010. 368 с.
 13. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград: Перемена, 2000. 172 с.
 14. Тихонов А.Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. М. : Школа-Пресс, 1995. 736 с.
 15. Чернышев В.И. Русские уменьшительно-ласкательные личные имена // Чернышев В. И. Избранные труды: В 2 т. Т. 1. М. : Просвещение, 1970. С. 318–330.
 16. Superanskaja A.V. Suffixe und endelemente russischer Vornamen. Leipzig, 1999. 116 s.

СЛОВАРЬ ЯЗЫКА МНОГОПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКИХ ОНЛАЙН-ИГР И ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

О. С. Козлова

Тверской государственной университет

В данной статье предпринята попытка выявить причины появления геймерского сленга, его переход в язык реального общения. Значительное внимание уделяется опыту классификации данных сленгизмов для создания словаря игровых терминов.

Ключевые слова: сленг, игровая терминология, киберспорт.

При появлении первых компьютерных игр и популяризации их в мире это явление не породило своего особого языка. Игровые автоматы, популярные в 1970-х («Золотой век аркад»), были не более чем развлечением, да и не всем доступным. Появившиеся первые игровые приставки в 1972 году тоже были не общедоступным развлечением. Лишь в 1982 году, когда продажи приставок и компьютерных систем достигли своего пика для того времени, начали появляться первые печатные издания об играх, телевизионные программы, мультфильмы, где героями являются герои видеоигр. После кризиса игровой индустрии в 1984 году многие компании, производившие игровое оборудование и игры, начали закрываться. «Вырваться» из кризиса смогли *Nintendo*, которые после неудачного старта своей консоли решили перезапустить выпуск в Японии, разработав несколько эксклюзивных игр для своей консоли. Они выпустили культовую и до сих пор популярную игру *Super Mario Bros*, которая вошла в книгу рекордов Гиннеса как самая продаваемая игра в истории. Главный герой игры Марио стал символом компании *Nintendo* и одним из самых известных вымышленных персонажей в мире, а сама игра в 2005 году признана сайтом *IGN* «лучшей игрой всех времён» [4]. Но, несмотря на такой подъем одной компании, кризис давал знать о себе многие годы.

Появившиеся новые игры, по большей части однопользовательские, опять же не могли образовать своего особого языка, но уже обращали внимание на то, что игрок должен знать хотя бы несколько слов на английском языке. Первыми на важность знания языка обратили внимание игры жанра *Quest*: «Ключом для успешной игры в таких версиях служит достаточный словарный запас. Поскольку игры *Quest* пришли к нам из англоязычного мира, то нужно знать хотя бы основные английские слова, необходимые в игре» [2, с. 13] Свою окончательную терминологию игры начали приобретать с появлением первой многопользовательской ролевой онлайн-игры *Ultima Online* в 1997 году. Авторство термина «MMORPG» приписывается Ричарду Гэрриоту, автору игры. Появление *MMORPG* позволило продвинуть изучение других наук, например, психологии. Клинический психолог Шерри Теркл (*Sherry Turkle*)

провела опросы пользователей компьютеров, включая любителей компьютерных игр. Она обнаружила, что многие из этих людей наделены большей способностью к эмоциональному восприятию, поскольку освоили множество разных ролей (включая половую идентичность), которые предлагаются во многих MMORPG. Вслед за *Ultima Online* начали появляться другие игры этого жанра: *World of Warcraft*, *Perfect World* и другие.

Окончательно сформировать свой язык компьютерные игры смогли с появлением игр жанра MOBA – (*Multiplayer Online Battle Arena*, «многопользовательская онлайн боевая арена»). Жанр берёт свое начало с карты под названием *Aeon of Strife* для *Star Craft*, но окончательно сформировала этот жанр в том виде, в котором он сейчас есть, пользовательская карта для *Warcraft III – Defense of the Ancients*. Карта *Defense of the Ancients* была создана разработчиком с псевдонимом *Eul* в 2003 году. Он взял за основу упомянутую ранее карту *Aeon of Strife*. Далее над ней работал *Ice Frog*, который стал добавлять новых героев, новые предметы и аспекты игры. Осенью 2009 года компания *Valve* приняла на работу основного разработчика *Dota*, *Ice Frog*'а, летом 2010 подала заявку на регистрацию этой торговой марки, а 13 октября анонсировала *Dota 2* [3]. Игра приобрела большую популярность, и почти одновременно с ней возникла игра *League of legends*, которая была анонсирована 7 октября 2008 года и выпущена 27 октября 2009 года [5]. Лига Легенд была в целом хорошо принята игровой общественностью, и её популярность за прошедшие годы заметно выросла. Согласно статье *Forbes* от 2012 года, Лига Легенд стала самой популярной компьютерной игрой в Северной Америке и Европе с точки зрения количества сыгранных часов. По состоянию на январь 2014 года, более 67 миллионов человек играют в Лигу Легенд в месяц, 27 млн в день, и более 2 млн одновременно в часы пик [5].

Все термины, использующиеся в этих играх, одинаково понимаются игроками всего мира, так как все они на английском языке. В русском языке произошла трансформация этих терминов, которая привела к появлению новых словоформ. И вопреки мнению о том, что выделяются субкультуры, базирующиеся на виртуальной (хакеры, геймеры, падонки) или на реальной коммуникации – так называемые «уличные субкультуры» (панки, гопники, футбольные фанаты, байкеры и др.) [1, с. 95]. В последнее время наблюдается тенденция перехода игровых терминов в язык реального общения между людьми, которые не затрагивают в разговоре компьютерные игры. При этом исходный смысл терминов сохраняется. Поэтому геймеров уже нельзя называть субкультурой, в которой общение между ее представителями базируется только на виртуальной коммуникации. Язык этой молодежной субкультуры уже не является средством общения только в рамках сообщества. И так как эти слова уже не являются привилегией одной узкой социальной группы, то их уже мы далее будем называть терминами. В работе будем опираться на более точное определение форм английских игровых терминов, возникших в русском языке (сленг). Слова, данные самой игрой, будем называть терминами.

На различных интернет-сайтах приводятся значения некоторых игровых терминов. Но эти словари неполны, так как на одном сайте не охватываются все фигурирующие в игровом общении слова, не дается понятная трактовка терминов для человека, не знакомого с компьютерными играми, не указываются языковые уровни и переход данных языковых единиц из одной сферы в другую, не раскрываются особенности функционирования терминологии в текстах, далеких от среды геймеров.

Предлагаемый проект словаря позволит продемонстрировать новые словарные модели, приемлемые для дальнейшего изучения данной словарной группы, показать их применение в других сферах, особенности перехода русского геймерского сленга и игровой терминологии в литературный язык, а также рассмотреть словоформы и коннотации, которые приобретают эти слова на русскоязычной почве.

Общение в игровых чатах в процессе самой игры – самый показательный момент в общении геймеров. Так как игра подбирает вам противников и товарищей по команде совершенно случайным образом (за исключением групп людей, предпочитающих создавать лобби для игр или собирать команды), все десять человек, присутствующих в игре, совершенно не знают имен, пола, возраста друг друга. Общение происходит на игровых терминах и сленге, понятном всем игрокам.

Пример 1:

- (1) – Уйди с топа. Видишь же, что нас спушили.
- (2) – Не спущат.
- (3) – А я буду дальше сливать гейм.

Судя по материалам данного чата, все участники игры поняли, что игрок 1 хочет, чтобы игрок 2 ушел с верхней линии на базу, на которой почти не осталось важных для команды объектов. Игрок 2 утверждает, что до конца база разрушена не будет. А игрок 3 заявил, что будет специально поддаваться противнику или же вообще ничего не делать.

Пример 2 (ситуация в чате на этапе выбора персонажей):

- (1) – Топ или мид.
- (2) – Иди топ, а я бот.
- (3) – А ты лес уступишь?
- (4) – Нет, он пикнул уже.

Первый игрок указывает на то, что он может пойти играть на верхней или средней линиях, игрок 2 говорит игроку 1 идти на верхнюю линию, а сам он пойдет на нижнюю. Игрок 3 просит уступить игрока 4 ему роль лесника в игре. Игрок 4 говорит, что не уступит, потому что уже выбрал себе персонажа – лесника, а переВыбор персонажа невозможен.

Действия, выполняемые после того, как игроки отдадут друг другу команды, показывают, что совершенно незнакомые люди понимают друг друга, используя игровые термины, пусть даже иногда в немного измененной форме.

Представим опыт классификации игровой терминологии, который позволил выделить слова следующих категорий.

1. Непосредственно термины компьютерных игр (то есть слова, внесенные в программу самими разработчиками игры) и их трансформация в личном общении. В этой группы следует обозначить подгруппы:

А) Термины, использующиеся только в игре.

Б) Игровые термины, выходящие в язык реального общения.

2. Слова, основанные на жанровых обозначениях компьютерных игр.

3. Слова и выражения, пришедшие в игровой сленг из других сленгов (социальные сети, интернет-мемы).

4. Слова, употребляемые только русскоязычными игроками.

У каждого слова из каждого пункта далее указываем словоформы и коннотации с примерами из игровых чатов, общения по скайпу во время игры и в разговорах, не затрагивающих компьютерные игры.

Первая группа: непосредственно термины компьютерных игр (то есть слова, внесенные в программу самими разработчиками игры) и их трансформация в личном общении. Подгруппа: термины, использующиеся только в игре.

1. *Деф* (от англ. *defence* 'защита'):

1) характеристика персонажа, отвечающая за уменьшение наносимого ему урона;

2) призыв защищать что-либо, например: *дефаем базу*, то есть защищаем базу. Команда защищать объект в игре от противника может быть отдана просто словом *деф*. Также имеет формы: *дефайся*, то есть защищайся, *дефай* – защищай.

2. *Имба* (от англ. *imbalance* 'дисбаланс'):

1. Обозначение несбалансированно сильного аспекта игры.

2. Обозначение персонажа, которого по каким-то причинам сложно победить. Например: «Джакс [персонаж League of legends] как был, так и остался имбой», то есть Джакса никогда нельзя было победить; «Для меня Инвокер – это имба», то есть лично для данного игрока персонаж под именем Инвокер остается непобедимым в бою с ним один на один.

3. В MMORPG «имбой» могут называть игрового босса, которого сложно победить.

4. В игровых русских чатах слово *имба* может использоваться как ругательство. Например: «Ты уже третий раз меня убиваешь, имба хренова».

3. *Пуш*, *Push* (от англ. *push* 'давить'):

1. Наступательные действия, направленные на подавление врагов, оттеснение их к собственной базе.

2. В MOBA-играх наступательные действия команды или одного героя, направленные на быстрое уничтожение башен или других построек противника на какой-либо линии. Отсюда *пушер* – герой, способный быстро на-

ступать по линиям и ломать башни. *Пропушить* – в *МОВА*-играх убить большое количество вражеских крипов и разрушить вражеские башни. Например: «Нужно быстро пропушить мид», то есть нужно быстро разрушить башни на центральной линии. «Прекрати пушить» чаще употребляется в значении «прекрати убивать вражеских крипов».

3. Употребляется с приставкой *с-*: *спушить, спушили, спушал, спушали*. Тогда слово приобретает значение завершеного действия: «Они спушили» – у нас уже уничтожены башни и важные объекты на карте; «Мы спушили» – мы уже уничтожили вражеские башни или важные объекты на карте; «Я спушил» – уничтожил вражеские башни или другие объекты на карте.

Вторая подгруппа: игровые термины, переходящие в язык реального общения.

Лив (от англ. *leave* ‘уходить’):

1. Выход игрока из матча до его окончания – *сливаться*. Например: «Я сливаюсь», то есть «Я выхожу из игры».

2. Используется в чате команды для признания поражения. Например: «Ливаем на двадцатой минуте» – сдаемся после двадцати минут матча.

3. В реальном общении используется как констатация факта при рассказе об игре: «Мы ливнули» или «Я ливнул», «Мы почти сразу же ливнули» – возникает два значения: «Мы проиграли» и «Мы просто вышли из игры».

4. В языке реального общения слово *ливнуть* приобретает новые значения: либо внезапный уход откуда-нибудь, либо неудавшееся действие. Например: «Я ливнул с пар» – «Я ушел с пар»; «Я ливнул на экзамене» – «Я завалил экзамен».

Русскоязычные игроки чаще всего пишут английские термины русскими буквами или используют сокращения русских выражений: МБ – может быть, спс – спасибо.

Исходя из сказанного, делаем следующие выводы:

1. Изучение современных сленгов, появившихся в результате развития компьютерных игр, является актуальной задачей.

2. Принимая во внимание тот факт, что по играм жанра *МОВА* проводятся мировые чемпионаты, можно сказать, что большая часть игровых терминов является профессиональными терминами киберспорта.

3. Важно изучить и классифицировать игровые термины, так как они уже вышли за пределы компьютерной реальности и входят в повседневную жизнь и общение современной молодежи.

Список литературы

1. Андреев В.К. Лингвистические параметры типологизации современных молодежных субкультур. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2011. № 1(13). С. 92-98.
2. Попов А.А., Эпштейн В.Г. Компьютерные игры для IBMPC ‘93-94’ Сборник 3. СПб.: Пергамент, 1995. 400 с.

3. Dota 2 [Электронный ресурс] // Официальный русскоязычный сайт игры. URL: <http://dota2.ru/>. (Дата обращения: 16.09.2015.)
4. IGN. Новостной и информационный веб-сайт, освещающий тематику компьютерных игр [Электронный ресурс] // Новостной сайт. URL: <http://www.ign.com/>. (Дата обращения: 03.09. 2015.)
5. League of Legends [Электронный ресурс] // Официальный русскоязычный сайт игры. URL: <http://ru.leagueoflegends.com/>. (Дата обращения: 01.10.2015.)

ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКИЕ СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ КАК СРЕДСТВО СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ УЧАЩИХСЯ¹

Т. Г. Никитина, Е. И. Роголёва

Псковский государственный университет

кафедра теории и методики гуманитарного образования

Статья знакомит с лингвокраеведческими словарными проектами, созданными сотрудниками Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии Псковского государственного университета. Дается краткая характеристика словарей, показаны возможности их использования в работе по адаптации иноязычных учащихся в регионе обучения

Ключевые слова: лексикография, лингвокраеведение, учебные словари, социокультурная адаптация, русский язык как неродной.

Проблемы социокультурной адаптации иноязычных учащихся приобретают все большую актуальность для Псковского региона, как и для многих полиэтнических приграничных регионов России с усилением миграционных процессов. Интегрироваться в учебный коллектив, освоиться в топографическом пространстве города, найти друзей-сверстников – такие задачи стоят перед иноязычными учащимися разных возрастных категорий.

Эффективным средством лингвометодической поддержки процесса социокультурной адаптации иноязычных школьников и студентов в регионе обучения являются лингвокраеведческие словари, используемые в рамках аудиторных занятий и внеаудиторных мероприятий учителями полиэтнических классов и вузовскими преподавателями русского языка. Именно поэтому создание лингвокраеведческих словарей и словарных учебных пособий является одним их приоритетных направлений работы Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии Псковского государственного университета.

¹ Статья выполнена в рамках гранта РГНФ № 15-16-60001, а(р), 2015 г.

Лаборатория была создана при кафедре теории и методики гуманитарного образования ПсковГУ в 2008 г. и за семь года своего существования выдала впечатляющий по объему научный продукт – более 30 словарей и паремиологических сборников, среди которых словари молодежного сленга и языка молодежных субкультур Т.Г. Никитиной [6; 7], В.К. Андреева [1], словарь сленга футбольных фанатов Т.Г. Никитиной и Е.И. Рогалевой [9; 10]. Лингводидактические разработки воплощены в био-библиографическом словарном пособии по детской литературе В.Н. Бредихиной [2] и школьном словаре терминов православной культуры Т.Н. Кабинетской [4]. Фразеографические проекты лаборатории – исключительно учебные, коммуникативно ориентированные. Во фразеологическом словаре «Занимательные этимологические истории для детей» [14] авторы ставят школьника в позицию соавтора словаря, предлагают ему продолжить общение по электронной почте. Словарем интерактивного типа является и детский фразеологический словарь «Ума палата» [12], изданный в серии «Научные развлечения». Здесь помимо истории происхождения фразеологизма юным читателям предлагаются интеллектуально-развивающие задания, помогающие осмыслить этимологическую версию, а заодно и поупражняться в рукоделии, ритмике, рисовании и даже математике. Детский фразеологический словарь-тренажер [13], завершающий фразеографическую «трилогию», снимает трудности и восприятия и употребления фразеологических единиц (ФЕ) в современной речи). Двухязычная учебная словарная репрезентация русской фразеологии представлена в совместных проектах. Так, с коллегами из Западночешского университета (г. Пльзень) создан «Учебный словарь русской фразеологии на русском и чешском языках. *Zabavni slovník ruske frazeologie*» [16]. В учебные словари «Фразеологизмы в русской речи» с комментариями на эстонском [15] и французском языке [17], разработанные при участии эстонских и французских коллег, включены фразеологизмы, связанные с русской культурой и русской историей. Этимология фразеологизма излагается здесь в форме занимательного учебного текста. Задания и упражнения помогают освоить особенности современного функционирования фразеологизмов.

«История и культура Псковского региона в лингвокраеведческих словарях» – так называется новый масштабный проект лаборатории, в рамках которого разработаны теоретико-методологические основы лингвокраеведческой лексикографической репрезентации слов-регионализмов [5], а практическим воплощением концепции стали словари и лексикографические пособия, в которых разработан в основном ономастический материал – городская топонимика. Статьи лингвокраеведческого словаря «О чем рассказывают городские названия» [11] представляют расположение псковских улиц на карте города, раскрывают социокультурный фон их названий, знакомя иноязычных читателей с фактами русской истории, культурными ценностями, историческими личностями, деятелями культуры, связанными с Псковским краем. Словарь

снабжен и комментариями на английском языке, что делает социокультурную информацию доступной для читателей, осваивающих русский язык на начальном этапе. Своеобразным словарем-путеводителем по Пскову является пособие «Русское путешествие англоязычных студентов» [3], также включающее англоязычные комментарии, а в качестве текстовых иллюстраций – реплики диалогов, которые могут использоваться учащимися в актах реальной коммуникации на улицах города или в городском транспорте. Для младших школьников-билингвов составляется детский этимологический словарь «Имя твоей улицы». А старшие школьники и студенты, владеющие русским языком на уровне В1-В2, при желании могут ознакомиться с молодежной интерпретацией псковских урбанонимов в словарях «Молодежный лексикон г. Пскова» [8], «Региональный словарь сленга: Псков и Псковская область» [9].

Лингвокраеведческий подход к лексикографической учебной репрезентации фразеологизмов предполагает разработку комплексных словарей с рабочим названием «Фразеология для маленьких псковичей»: толково-этимологический, фразеологический словарь в рассказах, фразеологический словарь-практикум. (Целесообразность аспектной репрезентации фразеологизма обоснована нами с лингводидактической точки зрения в монографии «Современная учебная фразеология: теоретические основы и конструирование словарей» [18]).

Лексикографический замысел толково-этимологического словаря заключается в гарантированной успешности понимания ребёнком, в том числе и ребёнком-билингвом, механизма фразеологизма через особую организацию историко-этимологического и краеведческого материала. Читая словарную статью, младший школьник как бы сам «проращивает» все «потенции» фразеологизма (этнокультурный фон прототипа, образность, семантическую двуплановость) и тем самым становится непосредственным участником процесса «рождения» фразеологизма. Этот процесс представлен в увлекательной форме на фоне псковских культурно-исторических и современных реалий, что, помимо формирования фразеологической компетенции, расширяет лингвокраеведческий кругозор ребенка.

В словаре «Фразеологические рассказы о Пскове и псковичах» этимологическая информация вплетена в сюжетную линию истории, которую излагают «авторитетные» рассказчики – жители города Пскова: кузнец Евгений Вагин (фразеологизмы, происхождение которых связано с различными профессиональными сферами), инженер Николай Плеханов (ФЕ, с наименованиями метрических мер), историк Людмила Аркадьевна Холод (ФЕ, отражающие русскую историю), повар Роман Рябов (ФЕ с наименованиями блюд русской кухни) и т.п.

Во фразеологическом словаре-практикуме (его рабочее название - «Фразеологизмы в речи псковичей») для активизации фразеологизма и введения его в практику речевого общения мы предлагаем маленькому псковичу

«принять» ту или иную роль (библиотекарь из Псковской областной библиотеки для детей и юношества имени В.А. Каверина, экскурсовод по памятным местам Пскова, конюх, катающий детей на лошадях в псковском «Детском парке» и др.).

Таким образом, описанные выше лингвокраеведческие словарные проекты могут быть адресованы самому широкому кругу читателей-билингвов и использованы преподавателями-русистами в ходе адаптационной работы, сопровождающей процесс обучения русскому языку как неродному, а также (прежде всего это касается фразеологических словарей для младших школьников) могут быть рекомендованы для семейного чтения.

Список литературы

1. Андреев В.К. Лексикон молодежных субкультур. Опыт словаря. Псков: Логос, 2009. 332 с.
2. Бредихина В.Н. Детская литература: забытые и возвращённые имена. Учебное пособие. Псков: Псковский гос. пед. университет, 2010. 172 с.
3. Варламова М.П. Русское путешествие для англоязычных студентов. Пособие по чтению. Псков: Логос, 2011. 150 с.
4. Кабинетская Т.Н. Основы православной культуры. Словарь. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 136 с.
5. Культура страны и региона в языке и словаре: Коллективная монография / Под ред. Т.Г. Никитиной. Псков: Логос, 2012.
6. Никитина Т.Г. Ключевые концепты молодежной культуры: тематический словарь сленга. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2013 г. 864 с.
7. Никитина Т.Г. Молодежный сленг. Толковый словарь. Ок. 20 000 слов и фразеологизмов. М.: Астрель, 2009. 1102 с.
8. Никитина Т.Н., Рогалева Е. И. Молодежный лексикон г. Пскова. Толковый словарь. Псков: Логос, 2011. 216 с.
9. Никитина Т.Г., Рогалёва Е. И. Региональный словарь сленга: Псков и Псковская область. М.: ЭЛПИС, 2006. 380 с.
10. Никитина Т. Н., Рогалева Е. И. Словарь футбольного болельщика. Олеле-оле!!! М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 384 с.
11. О чем рассказывают городские названия: учебный лингвокультурологический словарь / Сост. М.П. Варламова, Г.В. Галактионова, Л.С. Головина и др. Псков: Логос, 2012. 144 с.
12. Рогалёва Е.И., Никитина Т. Г. Ума палата. Детский фразеологический словарь. М.: Изд. дом Мещерякова, 2012. 172 с.
13. Рогалёва Е.И., Никитина Т. Г. Фразеологический практикум. 3-4 классы. М.: ВАКО, 2012. 96 с.
14. Рогалёва Е.И., Никитина Т.Г. Фразеологический словарь. Занимательные этимологические истории для детей. М.: ВАКО, 2010. 96 с.

15. Рогалёва Е.И., Никитина Т.Г., Ая У. Фразеологизмы в нашей речи. Учебный словарь с комментариями на эстонском языке. Псков: Логос, 2013. 178 с.
16. Рогалёва Е.И., Никитина Т.Г., Бурешова Б., Рыковска М. *Zabavný slovník ruské frazeologie*. Учебный словарь русской фразеологии на русском и чешском языках. Praha: Fraus, 2013. 272 с.
17. Рогалёва Е.И., Никитина Т.Г., Желибтер Т., Пёшо М.-П Фразеологизмы в нашей речи. Учебный словарь с комментариями на французском языке. Псков: Логос, 2015. 200 с.
18. Рогалёва, Е.И. Современная учебная фразеография: теория и практика. Псков: ЛОГОС Плюс, 2014. 344 с.

ПРОЕКТ СЛОВАРЯ РУССКОЙ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ «ГОРОДСКОЕ ОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО»

Р. В. Разумов

Ярославский государственный педагогический университет
кафедра русского языка

В статье предложен проект словаря русской ономастической терминологии «Городское онимическое пространство» Цель его создания – описание и упорядочение существующей системы терминов, заполнение существующих лакун. Автор указывает типы терминов, которые будут включены в словарь, приводит примеры их толкования.

Ключевые слова и фразы: ономастика, топонимика, городское онимическое пространство, урбаноним, ойкодомоним, эргоним.

Одной из актуальных задач российской ономастики является упорядочение существующей терминологии. По мнению В.И. Супруна, она «нуждается в теоретическом осмыслении и практическом лексикографическом изложении» [5, с. 138]. Со времени публикации 2-го издания «Словаря русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской [1] прошло уже более двадцати пяти лет, отмеченных появлением новых терминов, употребление которых необходимо привести в систему. Особенно проблемными являются ономастические направления, развитие которых активизировалось в течение последних нескольких десятилетий. Одним из них является исследование городского онимического пространства.

Подготовка нового словаря русской ономастической терминологии может быть начата с издания серии справочников, содержащих описание терминов проблемных зон науки. Подобные словари могли бы включать не только

термины, получившие широкое распространение, но и малоизвестные термины, возникшие в последние десятилетия, а также термины-футуронимы, способные закрыть существующие лакуны. Указанные справочники, на наш взгляд, целесообразно издавать не только в печатном, но и в электронном виде, чтобы с ними могло ознакомиться как можно больше ученых, высказать свои замечания и предложения. Впоследствии обсужденные подобным образом словарные материалы могли бы быть включены в единый словарь русской ономастической терминологии.

Реализуя указанные задачи, мы начали работу над подготовкой словаря русской ономастической терминологии «Городское онимическое пространство». **Цель словаря** – описать систему терминов, используемых в отечественной ономастике при исследовании собственных имен, функционирующих в городском пространстве. **Задачами словаря** являются: анализ существующей системы терминов, выработка критериев ее упорядочения, разработка и описание новых терминов, закрывающих существующие терминологические лакуны.

При подготовке словаря мы опираемся на исследования, опубликованные в Российской Федерации. В то же время мы считаем необходимым включить в него и термины, используемые в украинской и белорусской ономастике. Работы ономастологов этих стран хорошо известны российским ученым, исследователи из Украины и Белоруссии участвуют в российских научных конференциях, поэтому их терминологические поиски, безусловно, оказывают влияние на развитие ономастики в нашей стране.

Словарь русской ономастической терминологии «Городское онимическое пространство» будет включать следующие типы терминов.

Во-первых, в него будут включены термины, зафиксированные во 2-м издании «Словаря русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской и получившие широкое распространение у исследователей. По нашим подсчетам, он содержит описание 14 терминов, обозначающих различные ряды городских онимов, а также смежные с ними явления: *агороним, годоним, годонимия, годонимный, некроним, ойкодомоним, урбаноним, урбанонимизация, урбанонимика, урбанонимия, городской хороним, экклезионим, эргоним, эргонимия*. Также в создаваемый словарь будут включены термины, необходимые для описания особенностей городских онимов: *акт деривации, акт номинации, ансамбль названий, вариант [имени], генитивное имя, искусственное имя, меморатив, метафорическая онимизация, метафорическое имя, метонимическое имя, микротопоним, мотив номинации, номинация, переименование; принцип номинации, трансонимизация* и др. Большинство перечисленных терминов будут воспроизведены в тексте словаря без каких-либо изменений, так как их словарные дефиниции не требуют корректировки и уточнения.

В ряде случаев необходимо изменить формулировки, устранить в них существующую двусмысленность. Например, подобную корректировку необхо-

димо произвести для словарного описания термина *ойкодомоним*. Основная часть этого определения не вызывает вопросов: «Ойкодомоним – Имя собственное здания <...> *Происх.*: греч. οἰκοδομίη ‘здание, строение’ + оним» [1, с. 88]. Однако следующий далее комментарий создает очевидную двусмысленность, позволяя отождествлять эргонимы и ойкодомонимы: «...обычно это имя здания в городе, которое известно не только как памятник зодчества, но и как учреждение, в этом случае это вид эргонима (см.)...» [Там же, с. 88–89]. Похожий текст приведен и в примечании к словарной статье термина *эргоним*: «...здания, в которых размещаются постоянно многие крупные организации, носят то же ИС, что и сама организация. Эту особую группу ИС предлагается называть ойкодомонимами...» [Там же, с. 151]. Прочитанные определения и комментарии, на наш взгляд, не являются удачными: с одной стороны, автор словаря подчеркивает самостоятельность данного типа собственных имен, а с другой, вводит комментарий, который включает его в ономастический разряд, имеющий иные характеристики. Мы не будем подробно останавливаться на различиях двух типов собственных имен, поскольку это уже делали ранее [4]. Словарное описание данного термина могло бы выглядеть следующим образом:

Ойкодомоним (название здания) – Вид урбанонима. Имя собственное здания.

Примеч.: обычно это название здания в городе или пригороде, известное как памятник истории и архитектуры; в настоящее время индивидуальные названия получают жилые комплексы и торговые центры; собственные имена деловых объединений людей (организаций, учреждений, предприятий, обществ, заведений и т.п.) составляют самостоятельный тип собственных имен – *эргонимы* (см.); не относятся к ойкодомонимам неофициальные названия зданий (*Китайская стена, Кривой*) относятся к микроурбанонимам (см.).

Пр.: *Кремль* (Москва), *Дом Пашкова* (Москва), *Дом Мельникова* (Москва).

Во-вторых, в словарь будут включены производные образования от двух базовых терминов внутригородского онимического пространства – *урбаноним* и *эргоним*, построенные по словообразовательным моделям, описанным в предисловии к словарю Н.В. Подольской [1, с. 12]. В словаре Н.В. Подольской для первого из них автором указано всего три производных термина (*урбанонимизация, урбанонимика* и *урбанонимия*), а для второго – всего один (*эргонимия*). Безусловно, образование производных терминов с помощью типовых морфем не вызывает у исследователей трудностей, однако любой словарь предполагает полноту представления описываемого явления. По этим причинам в создаваемый справочник должны быть включены такие термины, как *эргонимика* – раздел ономастики, изучающий эргонимы; *эргонимист* – ученый, изучающий эргонимы; *эргонимикон* – словарь или список эргонимов определенного периода или набор эргонимов в определенный период; *эргонимизация* – процесс перехода апеллятива, словосочетания или

предложения или имени собственного другого разряда в эргоним; *эргонимная модель* – схема строения и образования эргонима; *эргонимический термин* – слово, обозначающее определенную реалию, отражающее сведения о типе предприятия, профиле его деятельности и т.д.

В-третьих, в словаре будут представлены новые ономастические термины, предложенные ономатологами в 1990–2000-х гг. Они сопровождаются указанием автора и места первого употребления термина, развернутым комментарием о целесообразности его использования исследователями.

При подготовке комментариев мы опираемся на требования, сформулированные Н.В. Подольской в Предисловии к словарю. Например, этим критериям не отвечают многие термины, предложенные для обозначения названий деловых объединений людей в 1990–2000-е гг. Так, термины *бизнесоним*, *фирмоним* и *эргорекламоним* не отвечают такому критерию, как интернациональность понимания (ср. «желательно, чтобы основу термина составляли преимущественно греческие и латинские терминоэлементы») [Там же, с. 11], а термины *название коммерческого предприятия* и *рекреационно-деловые названия* являются многословными (ср. «предпочтительнее однословный (одно-, дву- или даже трехсловный) термин <...>». Такой термин лаконичен и лучше входит в свой ряд» [Там же]).

В комментариях будет указано на допустимость использования ряда авторских терминов, не получивших широкого распространения у исследователей, но важных для современной ономастики. Например, целесообразно сохранить термин *темоним*, предложенный Н.В. Шимкевичем для обозначения названий предприятий как субъекта права [6, с. 9]. Его включение в словарь необходимо в связи с тем, что в современной эргонимической практике часто различаются названия, помещаемые на вывеску и используемые в рекламных целях («*Магнит*» и «*Перекресток*», «*Карусель*», «*Пятерочка*»), и юридические названия собственников в органах государственной регистрации (соответственно *ЗАО «Тандер»* и «*X5 Retail Group*»).

В-четвертых, в словарь будут включены термины, призванные заполнить существующие лакуны в обозначении ряда разновидностей внутригородских онимов. Включение подобных терминов в словарь, на наш взгляд, оправданно, так как оно может способствовать ликвидации белых пятен в описании отдельных разрядов собственных имен. Данные термины будут сопровождаться особой пометой (†), указывающей на их отнесение к группе терминов-футуронимов.

Приведем ряд терминов, которые, на наш взгляд, необходимо ввести в словарь.

В настоящее время отсутствуют термины для многих типов названий внутригородских топографических объектов. Т.В. Шмелева указывает, что «описать значимые и поименованные городские сооружения с помощью этих двух терминов – *ойкодомоним* и *экклезионим* – невозможно» [7, с. 8]. Далее

автор перечисляет группы онимов, для обозначения которых отсутствуют специальные термины: названия мостов, вокзалов, станций метро, рынков, кладбищ, парков, городских садов [Там же]. Перечень Т.В. Шмелевой, на наш взгляд, необходимо дополнить названиями памятников, фонтанов, остановок общественного транспорта. Мы предлагаем ввести для обозначения названий мостов термин *гефюроним* (от греческого γέφυρα – ‘мост’), любезно подсказанный нам В.И. Супруном. Поскольку мосты являются принадлежностью не только городского пространства, термин для них может быть представлен двумя вариантами: *городской гефюроним* или *урбогефюроним*. Для названий памятников, монументов и мемориальных комплексов может быть введен термин *монументоним* (от латинского *monumentum* – ‘памятник’).

Требуется ввести и термины для обозначения различных типов эргонимов. В настоящее время к этому разряду собственных имен относят очень широкий круг онимов: названия коммерческих объектов, корпораций, предприятий, государственных и муниципальных, образовательных и дошкольных, медицинских учреждений, организаций сферы культуры и др. На наш взгляд, для обозначения подразрядов эргонимов в словарь должны быть включены следующие термины:

- *социальный эргоним* или *социоэргоним* – собственное имя учреждения или объединения, обслуживающего социальную сферу человеческих отношений, в том числе название общественного объединения, федерального, регионального или муниципального органа управления;
- *медицинский эргоним* или *медэргоним* – собственное имя организации, оказывающей медицинские услуги населению;
- *артиэргоним* – собственное имя организации, осуществляющей деятельность в области искусства (живописи, графики, музыки, кино, театра и т.д.), в том числе название музея, галереи, выставочного зала, театра, концертного зала, кинотеатра и т.д.;
- *образовательный эргоним* – собственное имя организации, осуществляющей деятельность в области образования.

Таким образом, предлагаемый словарь, продолжающий традиции словаря Н.В. Подольской, будет содержать теоретическое осмысление существующей ономастической терминологии, используемой при описании собственных имен, функционирующих в пространстве города. Он поможет сделать городскую ономастику более понятной и доступной для исследователей-нономатологов, унифицировать используемую учеными терминологию.

Список литературы

1. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 192 с.

2. Разумов Р. В. К вопросу об упорядочении терминологии в области эргонимии // Ономастика Поволжья: материалы XIII международной научной конференции. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2012. С. 46–51.
3. Разумов Р. В. Об упорядочении терминологии в области урбанонимии // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 2.
4. Разумов Р. В. Ойкодомонимы как разновидность городских онимов // Имя собственное в жизни и литературе : мат-лы IX Междунар. Святогорских ономастических и IX Междунар. Михайловских литературно-ономастических чтений. Киев : Изд. дом Дм. Бурого, 2015. С. 115–123.
5. Супрун В. И. Размышления над ономастической терминологией // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 8. С. 133–138.
6. Шимкевич Н. В. Русская коммерческая эргонимия: Прагматический и лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 22 с.
7. Шмелева Т. В. Ономастикон российского города. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 137 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ В ШКОЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Н. М. Сергеева

Тверской государственный университет

кафедра русского языка

Обладают ли действующие в современной школе учебники целым рядом дидактических функций, возложенных на них, в частности, стимулируют ли они познавательный интерес школьников, формируют ли умения, необходимые для самообразования, интеллектуального труда, помогают ли познакомиться с другими источниками знаний, способствуют ли овладению методами логического мышления и самостоятельной творческой деятельности учащихся? В определенной мере может помочь школьная лексикография, тем более что разнообразных словарей со словом «школьный» в названии издано немало.

Ключевые слова и фразы: Единый государственный экзамен, школьная лексикография, словарные упражнения.

В последних вариантах КИМов на ЕГЭ (более подробный обзор см.: [8]) присутствует задание, проверяющее умение выпускников пользоваться толковым словарем: требуется выбрать правильное толкование слова, использо-

ванного в определенном контексте, из числа пяти предложенных фрагментов из словарной статьи. Выпускникам девятых классов разрешается пользоваться словарями во время написания экзаменационного сочинения и изложения, но словари помогут только в том случае, если школьника познакомили с содержанием словарей, научили ими пользоваться, убедили, что словари – это действительно наши друзья и помощники. С этой задачей нелегко справиться: действующие учебники в большинстве случаев не ориентируют на использование справочной литературы; словарей в школах не хватает для того, чтобы организовать с ними индивидуальную работу; не используются в должной мере возможности Интернета; наконец, далеко не каждый учитель считает необходимым тратить учебное время на задания по словарям.

Огромное количество речевых ошибок в текстах, созданных выпускниками школ на ЕГЭ, убеждает в весьма приблизительном знании внутренней формы как заимствованных, так и исконно русских слов. Вот несколько примеров из работ участников ЕГЭ – выпускников школ Твери: *Книга даёт гормональное развитие человеку; Прокурор обязан быть официальным, неподкупным и беспринципным; Обогащая свой словарный запас, я становлюсь более элитарной, пунктуальной и общительной; Автор показывает Дзержинского кристаллически честным человеком.* В ошибках такого типа наглядно проявляется недостаточное понимание взаимосвязи словообразования с лексикой [1], наличия в системе языка явных и неявных словообразовательных закономерностей [2], недостаточная отработанность типовых заданий Единого государственного экзамена [7], в конечном счете – невысокий уровень сформированности языковой личности выпускника [3].

В ноябре 2015 г. на муниципальном этапе Всероссийской олимпиады школьников по русскому языку учащимся 10–11 классов предложили указать толкования отдельных слов из Пушкина, Толстого и Некрасова. Участники олимпиады примерно в 80 работах из 100 привели следующие значения последнего слова из фразы «Как рано мог уж он тревожить сердца кокеток *записных...*»: «красивый», «загадочный», «вульгарный», «расписной», «светский», «удобный для записи», «девушки, с которыми переписываются» и даже «ученик гимназии». А ведь на олимпиаду принято посылать лучших...

Еще хуже, как показывают многочисленные опросы, обстоит дело с пониманием заимствованной лексики, причем это слова, довольно часто мелькающие на газетных страницах и в речах говорящих с экранов телевизоров. Вот какие толкования современных иноплеменных слов, например, привели учащиеся 9–11 классов из тверских школ: *имидж* – занятие, спрайт, жажда, реклама, связано с хобби; *альма-матер* – дом культуры, дом престарелых, хорошее решение; *спонсор* – вожак, человек, который говорит, производство какой-то вещи; *электротат* – учеба; тот, кто чинит свет; *бартер* – бармен, бар, инструмент для ремонта машин; *тинейджер* – человек, работающий с музыкой; он сообщает новости, телефон.

Замкнутый круг: подростки очень мало читают, в узнавании значений незнакомых слов им не помогает контекст (его справедливо называют лучшим толкователем), непонимание смысла прочитанного ведет к отказу от чтения вообще. В результате – весьма приблизительное знание классических произведений художественной литературы.

В соответствии с тремя основными важнейшими компонентами обучения – накоплением знаний, овладением способами их добывания, использованием усвоенных знаний в практике – на лексикографическом материале можно выстроить систему заданий для освоения русского языка. Эта работа должна быть планируемой, проходить красной нитью через процесс обучения русского языка в школе, сочетаться с изучением любого раздела учебного курса.

Так, при изучении раздела «Морфемика и словообразование» учитель может представить шестиклассникам не только «Школьный словообразовательный словарь» А.Н. Тихонова, но и «Тематический словарь говоров Тверской области» [9], обратиться к региональному диалектному материалу [6], побудить к решению лингвистических задач [5]. Обращение к словарям позволит значительно расширить объем учебного материала, превратит обычные занятия в поисковую деятельность, привлекающую своей нетрадиционностью. Незнакомая школьникам лексика, и прежде всего диалектная, при анализе морфемного состава слов способствует активизации морфемного канала восприятия слова [4, с. 31]. В психолингвистике установлено, что этот канал особенно активно работает в нестандартной речевой ситуации, когда требуется понять незнакомое слово, анализируя его структуру, опираясь на его структуру, когда концентрируется внимание на семантике морфем.

Морфемно-словообразовательные задания, которые могут выполняться с использованием словообразовательных словарей.

1. Какое слово в каждой паре более древнее и как это доказать?

Румяна – румяный. Пряник – пряный. Спорить – спор. Звон – звонить.

2. Укажите, от каких слов и какими способами образованы следующие тверские диалектизмы.

Полушалычк (головной шерстяной платок), подьеловыш (желтый груздь), наливашка (маленький блин), возилка (неполный мешок с содержимым), рукотёрка (полотенце для рук), приболотье (место около болота), выгарь (место после пожара), закутать (утеплить дверь)

3. Какие признаки положены в основу названий предметов и явлений в приведенных здесь диалектизмах?

Обжора – лОпала, едУн, мЯло, трескУн, живоглОт, рОзорва, уберИха.

Лентяй – куропас, баклушник, валЮга, валЯх, нерабОть, слоняй, печужник

Петух – певун, кочет, кукко, клохтун, кур, горластик

4. Эти ветры дуют на Селигере. Чем, по-вашему, они различаются? Какие словари рассказывают об этом?

Север, полудень, восток, запад, меженец, зимняк, мокрик, крестовый запад.

5. Какие болота жители Тверского региона называются следующими словами?

Вязель, грЯзи, зЫбель, пучИна, тОпка, тряЕль.

6. Что, на ваш взгляд, обозначают следующие тверские диалектизмы? Соедините выражения из первого и второго списка.

ВЕТреница, вЕТряница, ветробОй, ветроГАр, ветролёт, ветроПЛЯс, ВЕТрЯнка, ветрИло; ветроГОн, ветрУшка, вЕТрельник, вЕТренка

Загар на лице и руках при ветре; парус; сушильня для вяленья рыбы, для сушки белья; легкомысленная женщина; непостоянный, ненадёжный человек; бурелом, то есть лес, поваленный ветром; мельница; парусное судно; вертопрах, шаркун, шатун; детская игрушка, флюгер, форточка

7. Какие родственные слова существуют у следующих диалектизмов в литературном языке?

Научник (учитель), набирка (кузовок), угибистый (прихотливый), ярый (вспыльчивый), личник (полотенце для лица), базарка (корзина с двумя ручками), перегрыза (отвечающий бранью на брань), покорчивый (покорный)

8. Подчеркните слова, в которых нет и не было суффикса -от-.

Лепота, забота, суббота, шпрота, пехота, квота.

9. Восстановите словообразовательную цепочки, начиная с непроезженных слов.

Искать – поисковый, грамота – безграмотность, жить – пожизненно, гнать – изгнанник.

10. Дойдите до корня, то есть восстановите словообразовательную цепочку до непроезженного слова.

Бешумно, привинчивание, по-пороссячи, неусидчивость, растроганно.

11. Составьте ряды слов с историческими чередованиями в корнях слов ЖЕЧЬ, ЗРАК, ЖАТЬ, ШИТЬ, СПАТЬ.

12. В словообразовательном словаре А.Н. Тихонова от числительного ДВА образовано 547 слов. Каким способом, по-вашему, образовано большинство этих слов?

13. Может ли быть в одном слове два одинаковых корня? две одинаковых приставки? два одинаковых суффикса? два одинаковых окончания? Докажите.

14. В чем особенность строения следующих слов? В чём проявляется явление наложения морфем?

Одесский, приду, подъячий, розоватый, тарификация, лермонтовед, хоккеист, отворить, встать.

15. В сказке Л. Петрушевской «Пуськи бятые» есть придуманный автором глагол СТЯМКАТЬ. Что он, по-вашему, обозначает? Образуйте от данного глагола слова других частей речи, укажите их значение.

16. Опишите неведомое существо, которое придумала поэтесса Юнна Мориц: *Любили смеяницы веселье и танцы, и просто смеяться любили смеяницы.*

17. Разбейте следующие слова на морфемы. При затруднении обращайтесь к «Словарю уникальных морфем» Л.В. Рацибурской (М., 2009).

Почтамт, павлин, скупердяй, бедолага, маскарад, алхимия, француз, детвора, мусор, жених, иконостас, попададя, казначей, колодец, прайм-тайм, за-коулок, шиворот, радуга, бахвалиться, комбинезон, обоюдный, чертёж, апплодисменты, флотилия.

18. Слово *демократия* значит «власть народа». О чьей власти говорят следующие слова?

Технократия, теократия, бюрократия, плутократия, автократия, аристократия, охлократия, геронтократия.

19. Найдите четвёртое лишнее.

Кровля, ловля, купля, травля.

Бородатый, женатый, горбатый, носатый.

Торговец, жилец, любимец, кормилец.

Подлокотник, пододеяльник, подкаблучник, подзатыльник.

Облесье, полетье, нелюдь, жнивья.

Лексико-семантические и лексикографические задания, которые могут выполняться с использованием различных лингвистических словарей как на уроках, так и в процессе внеклассной работы.

1) Перечислите виды лингвистических словарей.

2) Составьте предложение с однородными членами, в качестве обобщающего слова используйте словосочетание *авторы школьных словарей*.

3) Укажите авторов следующих высказываний:

а. «Словарь – это вся вселенная в алфавитном порядке».

б. «Усердней с каждым днём смотрю в словарь. В эго столбцах мерцают искры чувства. В подвалы слов не раз сойдёт искусство, держа в руке свой потайной фонарь».

в. «Словарь отечественного языка есть одна из самых необходимых настольных книг для всякого образованного человека».

г. «В словаре находятся все другие книги: суть лишь в том, чтобы извлекать эти книги из него»

4) О ком и почему современный писатель Андрей Битов сказал: «Это наш Магеллан, переплывший русский язык от аза до ижицы»?

5) Какая смысловая разница между словосочетаниями *словарный запас* и *словарный состав* ?

6) В словарях современного русского языка слова ТУШ и ТУШЬ разделены многими другими словами. Почему в словаре Даля они стояли рядом?

7) Почему в словаре Даля за словом СЕМЬ стоит СЕНАТ, а не СЕМЯ?

8) В каком словаре современного русского языка слово МАЙ приводится раньше, чем АВГУСТ? С какой целью создаются такие словари?

9) В каких словарях можно найти ответы на следующие вопросы?
Что общего в выражениях «ПОДЛИННАЯ ПРАВДА» и «ПОДНОГОТНАЯ ПРАВДА»?

Являются ли синонимами слова БУДУЩЕЕ и ГРЯДУЩЕЕ?

Что общего в происхождении названий БОЙКОТ, НАГАН, ГАЛИФЕ, ШРАПНЕЛЬ?

Чем различаются ФРАНТ, ЩЁГОЛЬ, МАЧО, СТИЛЯГА?

Как изменилось морфемное строение слов НЕГОДЯЙ, ЛЬГОТА, КРУЖЕВО?

Как правильно: КОСТЮМ ИНДИЙСКИЙ или ИНДЕЙСКИЙ?

Что обозначают слова НУВОРИЩ, ПРАЙМ-ТАЙМ, БАКСЫ, НЕЙМИНГ, БАРТЕР?

Каков рост героя пословицы «От горшка два вершка, а уже указчик»?

Что общего и различного в словах ДОКТОР, ЛЕКАРЬ, ВРАЧ, ЭСКУЛАП?

10) Самый большой словарь современного русского языка включает 17 томов. Слова на какую начальную букву занимают в нём целых три тома? Почему этих слов так много?

11) Что означает в словарях следующий ряд пар слов: ПАЛ – ПАР, ПОЛ – ПОТ, РАБ – РАЗ, САД – САМ?

12) Что общего у приведенных здесь глаголов? В каком словаре их стоит поискать?

Пиарить, кошмарить, бомжевать, грантовать, омикрофонить, крышевать, эсесемить, юморить, звездить.

13) Создайте полный портрет слова или фразеологизма (требуется, обратившись к разным лингвистическим словарям и другим источникам, привести значение слова, его этимологию, однокоренные слова, указать особенности грамматической формы, синонимы, антонимы, омонимы, оттенки значения, связанные с временной, стилистической, экспрессивной окраской, фразеологизмы, включающие данное слово, привести примеры употребления слова или фразеологизма в текстах разных стилей, сделать вывод об активности слова в современном русском языке).

Слова и фразеологизмы: ЗАПЯТАЯ, ТАЛАНТ, ВРЕМЯ, ЭЗОПОВ ЯЗЫК, СЖЕЧЬ КОРАБЛИ, ЗАРЫТЬ ТАЛАНТ В ЗЕМЛЮ.

14) К прилагательному КРУТОЙ составьте словарные статьи для толкового словаря, словаря синонимов, словаря антонимов, а также для толкового словаря к подобранному вами устойчивому выражению с данным словом.

15) Для каких иностранных слов, вошедших в литературный язык и ставших общеупотребительными, В.И. Даль предложил свои синонимы ВСЕЗНАЙКА, НАСЫЛ, ЖИВУЛЯ, ЛОВКОСИЛ, ОГЛЯДЬ, ХОРОШУХА, САМОДВИГА? Каким словом Даль называл заимствованную лексику?

16) Какими словами В.И. Даль предлагал заменить иноплеменные слова АТМОСФЕРА, ГОРИЗОНТ, КОКЕТКА, КДИМАТ, ПСИХОЛОГИЯ, ГИМНАСТИКА?

17) Какую словарную статью в словаре В.И. Даля иллюстрируют следующие пословицы?

Лежебоку и солнце не в пору всходит. Лежач камень мохом обрастает. Под лежачий камень и вода не течёт.

18) Почему в романе Пушкина «Капитанская дочка» много архаической лексики? Выпишите из текста романа 10 примеров устаревших выражений, укажите их лексические значения. К какому словарю вы обратитесь?

19) Что обозначают в тексте «Капитанской дочки» выражения НАПЕРСНИК, КРИВОЙ СТАРИК, ХОДАТАЙ, СУПОСТАТ, КОЛОДНИК, ПРИСЯЖНЫЕ ЗАСЕДАТЕЛИ, РАЧИТЕЛЬ?

20) В рамках олимпиады школьников «Глаголица» в 2015 году учащиеся тверской школы № 46 под руководством учителя Е.И. Кравченко работали над проектом «Понимание современными школьниками лексики классической литературы». Они выбрали из текста поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» более 150 малопонятных слов, установили по разным словарям их значения, составили глоссарий. Знаете ли вы слова из этого списка: *форейтор, капот, жандарм, пестрядь, пенька, однокорытник, машина, руло, шемизетка, ассигнация, приперть?*

21) Чем занимались в XIX веке люди следующих профессий?

Столоначальник, целовальник, исправник, повытчик, урядник, откупщик, стряпчий, подьячий, коллежский секретарь, титулярный советник, экзекутор.

22) Чем занимаются представители следующих профессий сегодня? Найдите ответы в Интернете на сайте «Новые профессии XXI века».

Спичрайтер, титестер, сюрвейер, визажист, кутюрье, имиджмейкер, шоппер, менеджер, сомелье, риэлтер, нейл-дизайнер, шоумен, тестолог, синергетик, рокер, брокер, хостес, копирайтер, лайф-коуч, галерист.

23) Какой словарь поможет доказать наличие исконного родства между следующими словами?

Клад – колода, дуть – надменный, горло – ожерелье, врач – вор, горе – горечь, печаль – печать, грех – грелка, мерзкий – мороз, середина – сердиться.

24) Почему так названы? В случае затруднения обращайтесь к этимологическим словарям.

Немцы, портной, врач, подноготная, прачка, ошеломить, стрелять, опешить, негодяй, неделя, рубль, невеста, почва, спасибо, копейка, сверстник.

25) Какие современные слова образованы от следующих устаревших слов?

Мытарь (сборщик налогов), тук (жир), коло (круг), ула (улица), туга (печаль), зреть (смотреть), гривна (монета, украшение), чело (лоб), перст (палец), ведать (знать)

26) В болгарском языкознании существуют словарь ПРАВОПИСЕН и словарь ПРАГОВОРЕН. А как называются такие словари у нас?

27) Много ли здесь денег? Какой словарь поможет их сосчитать?

Двугривенный + пятиалтынный + семишник + грош + полушка = ?

28) Обратившись к этимологическому словарю, объясните происхождение необычных для современного языка форм.

На миру и смерть красна. Притча во языцех. Поделом вору мука. Чего тебе надобно, старче? Мертвые сраму не имут. Своя своих не познаша.

29) Какие новые значения появились у следующих слов в последние десятилетия?

Смотреть по ящику, слинять, разменять двушку, пилить, бумага, шишка, зебра, резина.

30) Что общего и различного в словах каждой пары? В каких словарях можно найти ответ на этот вопрос?

Греческий – грецкий, дворовый – придворный, крепостник – крепостной, пребывать – прибывать, здравница – здравица, приемник – преемник, эффектный – эффективный, искусный – искусственный.

31) Соедините слова первой и второй части списков, запишите словосочетания.

Ветренный, ветряный, ветряной, подветренная – день, сторона, юноша, оспа, мельница, поступок, болезнь, двигатель, сезон.

Масленный, масляный, промасленный – блин, живопись, руки, каша, неделя, краска, крем, бумага.

Расчётный, расчётливый – бланк, игрок, сознание, данные, счёт, хозяин, стоимость, человек.

32) Приведите паронимы к данным словам, укажите значение каждого слова, составьте с ними словосочетания.

Каменистый, конский, занизить, злой, двойной, годовой, плата, безоглядный.

33) К каким словарям следует обратиться, чтобы объяснить ошибки в следующих фрагментах из сочинений абитуриентов?

Ольга Ларина – прототип Татьяны. Чтобы не утонуть, Пьер уцепился за Каратаева, как за балласт. Эти герои только пустословят и болтают. Горький показал борьбу рабочего пролетариата за свои права. Павел Петрович Кирсанов – это дворянин от мозга до костей. Лиза была домработницей в доме Фамусова, но Софья доверяла ей свои секреты. Образ Обломова – вопиющее достижение писателя. Шариков, получив некоторую власть, стал беспредельщиком. Разъяренные бабы осыпали Давыдова градами ударов. Когда на престол вошёл Александр I, он стал проводить либеральную политику.

34) Какой словарь поможет ответить на вопрос «Как правильно: У рыб нет зуб. У рыбей нет зубов. У рыбов нет зубов. У рыб нет зубов?»

35) Пользуясь толковыми словарями, составьте кроссворд, отгадками в котором будут следующие слова: пререкания, приватизация, приоритет, президиум, престиж, привилегия, претендент, престол, приключение, преграда,

пребывание, прибежище, прегрешение, прецедент, преамбула, преклонный, приемлемый, привередливый, презрительно, приданое, приверженец.

36) Подберите к данным словам синонимы-фразеологизмы.

Хитрый, молчать, обмануть, плаксивый, близко, неподвижно, неохотно, очень много, маленький, спать,

37) В «Словаре эпитетов русского языка» К.С. Горбачевича и Е.П. Хабло приводятся обширные списки эпитетов из произведений русских писателей XIX–XX веков. Например, к слову *ветер* – более 200 определений: *бродячий, буйный, непогодный, приветный (Баратынский); злой, дикий, буйный, черный (Блок); широкий, парусный, гулевой, мохнатый, упругий, тяжелый (Луговской), неумный, резвый, желтый (Есенин) и т.д.*

Приведите свои образные, художественные определения к словам *улыбка, взгляд, воздух*.

38) Какие явления и почему называются *черным золотом, мягким золотом, голубым золотом*; о ком или о чём говорят, используя следующие выражения: *туманный Альбион, каменные джунгли, второй хлеб, маленький корсиканец, вечный город, тихая охота, презренный металл, холмогорский мужик, тертый калач, рыцарь печального образа, синий чулок, голубые береты, чёрный континент, яснополянский мудрец?*

39) Приведите перифразы к следующим словам: *буревестник революции, Интернет, лев, Куба, Япония, тигр, луна, лес, женьшень, Крылов, сенокос, Голландия*.

40) Напишите текст похвального слова одному из словарей.

Лингвистические словари для школы

1. Алабугина Ю.В. и др. Новый орфографический словарь русского языка для школьников. М., 2012.
2. Александрова Л.П. и др. Учебный словарь синонимов русского языка. М., 1994.
3. Баранов М.Т. Школьный орфографический словарь русского языка. М., 1995.
4. Баранов М.Т. Школьный словарь образования слов русского языка. М., 2000.
5. Быстрова Е.А. и др. Школьный толковый словарь. М., 1999.
6. Введенская Л.А. Учебный орфографический словарь русского языка. М., 2009.
7. Введенская Л.А. Учебный словарь антонимов русского языка. М., 2011.
8. Введенская Л.А., Колесников Н.Н. Новый орфографический словарь русского языка: Для средней школы. М., 1995.
9. Введенская Л.А., Колесников Н.П. Учебный словарь омонимов русского языка. М., 2011.

10. Гайбарян О.Е. Учебный словарь синонимов русского языка. М., 2011.
11. Горбачевич К.С. Русский синонимический словарь. СПб., 1996.
12. Горбачевич К.С. Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке. М., 2004.
13. Горбачевич К.С., Хабло Е.П. Словарь эпитетов русского языка. М., 1979.
14. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М., 2005.
15. Жуков В.П., Жуков А.В. Школьный фразеологический словарь русского языка. М, 2013.
16. Клюева В.Н. Краткий словарь синонимов русского языка. М., 1956.
17. Крылов Г.А. Школьный этимологический словарь. М., 2014.
18. Крысин Л.П. Школьный словарь иностранных слов. М., 2010.
19. Кузнецова А.И., Ефимова Т.Ф. Словарь морфем русского языка. М., 1986.
20. Лапатухин М.С. Краткий этимологический указатель к «Школьному толковому словарю русского языка». Тверь, 1984.
21. Лапатухин М.С., Скорлуповская Е.В., Снетова Г.П. Школьный толковый словарь русского языка. М., 1999.
22. Лекант П.А., Леденева В.В. Школьный орфоэпический словарь русского языка. М., 2009.
23. Львов М.Р. Школьный словарь антонимов русского языка. М., 1999.
24. Максимов В.И. и др. Школьный словарь новых слов и значений. М., 2000.
25. Малый толково-этимологический словарь иностранных слов / Под ред. Н.С. Арямовой. М., 1994.
26. Одинцов В.В. Школьный словарь иностранных слов. М, 1983.
27. Панов Б.Т., Текучев А.В. Школьный грамматико-орфографический словарь. М.,1991.
28. Поспелов Е.М. Школьный топонимический словарь. М., 1988.
29. Потиха З.А. Школьный словарь строения слов русского языка. М.,1999.
30. Резниченко И.Л. Орфоэпический словарь русского языка. М., 2008.
31. Рогожникова Р.П., Карская Т.С. Школьный словарь устаревших слов русского языка. М.,1999.
32. Семенюк А.А., Матюшина М.А. Школьный толковый словарь русского языка. М., 2000.
33. Снетова Г.П., Власова О.Б. Словарь трудностей русского языка. Паронимы. М., 2008.
34. Степанова Л. Школьный словарь перифраз // Русский язык. 2002. № 2.
35. Тихонов А.Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка. М., 1991.
36. Успенский Л. Почему не иначе? Этимологический словарик школьника. М., 1967.

37. Ушаков Д.Н., Крючков С.Е. Орфографический словарь. М., 1995.
38. Шанский Н.М. и др. Школьный фразеологический словарь русского языка. 5–11 классы. М., 2000.
39. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка. М., 2000.
40. Ширшов И.А. Толковый словообразовательный словарь русского языка. М., 2004.
41. Школьный словарь иностранных слов / Под ред. В.В. Иванова. М., 2000.

Список литературы

1. Волков В.В. Аспекты изучения русского словообразования // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2004. № 1. С. 84–88.
2. Волков В.В. Закономерности русского словообразования: лингвистический, психолингвистический и лингвометодический аспекты // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 1. С. 174–178.
3. Волков В.В. Основы филологии. Антропоцентризм, языковая личность и прагматилистика текста: курс лекций. Тверь, 2013. 147 с.
4. Львова С. И. Активизация морфемного канала слова // Русская словесность. 1995. № 2. С. 29–32.
5. Норман Б.Ю. Русский язык в задачах и ответах: Сборник задач. М.: Флинта : Наука, 2011. 384 с.
6. Сергеева Н.М. Диалектная лексика тверского края на уроках русского языка // Русский язык. Приложение к газете «Первое сентября». 2010. № 14. С. 2–8.
7. Сергеева Н.М. Лингвометодические проблемы школьного словообразования в зеркале заданий Единого государственного экзамена // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 3. С. 354–359.
8. Сергеева Н.М. Обсуждаем КИМы ЕГЭ по русскому языку // Русский язык в школе. 2015. № 2. С. 17–19.
9. Тематический словарь говоров Тверской области. Вып. 1–5. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2002–2006.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, ЛИНГВОКОНЦЕПТОЛОГИЯ И КОНЦЕПТОГРАФИЯ. АВТОРСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

**ГИПЕРКОНЦЕПТ «СЕМЬЯ»
В «ЛЕТОПИСИ О СОБЫТИЯХ В ТВЕРИ 1762-1823 гг.»
ТВЕРСКОГО КУПЦА МИХАИЛА ТЮЛЬПИНА**

Е. Н. Арефьева

Санкт-Петербургский военный институт физической культуры
кафедра русского языка

Настоящая статья посвящена выявлению и анализу основных средств репрезентации гиперконцепта СЕМЬЯ в «Летописи о событиях в Твери 1762-1823 гг.» тверского купца Михаила Тюльпина. Концептуальный анализ архивного документа позволяет обнаружить взаимосвязь исследуемого концепта с другими концептами, организующими концептосферу «Летописи о событиях в Твери...». Благодаря данному исследованию становится возможным раскрыть особенности картины мира купца Михаила Тюльпина как представителя определенного социокультурного сообщества рубежа XVIII–XIX веков.

Ключевые слова: концептосфера; концепт; гиперконцепт; семья; купец; языковая личность; картина мира.

Концепт СЕМЬЯ отражает ценности, играющие в жизни народа существенную роль, и является одним из базовых концептов в русской этнолингвокультуре. Исследуемый концепт относится к числу самых долговечных и значимых в сознании и культуре русского народа и обнаруживает настолько тесные связи с другими концептами, что сферы их понятий пересекаются, конкретизируя и дополняя друг друга. Такие сложные ментальные структуры принято называть гиперконцептами. Под гиперконцептом понимается «ментальная структура, отражающая взаимосвязь концептов, вербализованных в системе текста, фокусирующая его обобщенный смысл, являющийся результатом интерпретационной деятельности адресата (Н.С. Болотнова), в другой терминологии – концепт высшего уровня (С.Г. Воркачев), метаконцепт (Г.Г. Слышкин), то есть такой концептуальный конструктор, который образуется в результате осмысления продуктов предыдущей концептуализации и в котором реализуется рефлексия носителей языка» [3, с. 3]. Итак, в силу «тесных ассоциативных и дифференциальных связей между родственными компонентами» [4, с. 51] концепта, СЕМЬЯ характеризуется нами как гиперконцепт. Настоящее исследование посвящено анализу основных средств репрезентации гиперконцепта СЕМЬЯ в «Летописи о событиях в Твери 1762–1823 гг.» [5] тверского купца Михаила Тюльпина (о лексической репрезентации концепта см.: [2]). Анализ средств вербализации гиперконцепта СЕМЬЯ позволяет выявить его взаимосвязь с другими концептами, организующими концептосферу рукописного документа.

«Летопись о событиях в Твери 1762–1823 гг.» тверского купца Михаила Матвеевича Тюльпина – документ дневникового характера, который фиксирует определенные периоды в жизни автора и общества. На страницах рукописи описания явлений общественной и социальной жизни, событий общегосударственного масштаба и придворной жизни тесно переплетаются с описаниями быта купеческой семьи. В языковом сознании автора «Летописи...» Михаила Тюльпина, как и в русской языковой картине мира в целом, семья и семейный быт являются важнейшими составляющими жизни человека.

В представлении Михаила Тюльпина семья включает в себя определенное количество близких людей, связанных родственными связями. В семье рождаются и воспитываются дети, которые усваивают от своих родителей основные социальные и культурные знания, нравственные ценности и идеалы.

Средством репрезентации концепта СЕМЬЯ в «Летописи...» становится лексема *семейство*. В «Летописи о событиях в Твери...» встречаем упоминание о страшном пожаре 1763 года, который лишил многие семьи крыши над головой: «Въ сентябре изволила иметь шествие въ Москву государыня Екатерина Алексеевна для коронования, и въ проезде мимо Твери сожалела о случившимся пожаре, повелела пожаловать для милостыни погоревшимъ, въ разсуждении начальства, нисть по 7^{ру}50^{ко} нисть по 12^{ру}50^{ко}, на **домъ** или каждое **семество**, замалолествомъ не упомню, инныя брали а другия не пожелали» [5, л. 6].

Анализ языкового материала позволяет сделать вывод о том, что в языковом сознании Михаила Тюльпина концепты СЕМЬЯ и ДОМ обнаруживают тесную взаимосвязь. В тексте «Летописи...» происходит нейтрализация лексем *дом* и *семья* в силу их понятийной тождественности: «итакъ какъ господския и обывательския **домы** многия были заперты и окна затворены. во иной улице **дома** 3 или 4 оставались съ живущими, ито по одному или человека по 2 оставались для караулу, и думаю половина города не оставалась со всемъ **семействомъ**, страхъ и ужась смотря проходя улицами» [Там же, л. 29]. В представлении Михаила Тюльпина дом – это не только само здание или строение, предназначенное для жилья, дом это и есть семья: «б числа сполдень часу въ 4, съ немалымъ прискорбиемъ и жалостию, забравъ свое **семейство**, нечто получше, выехали изъ твери начетырехъ лошадаехъ, две своихъ да две наемныхъ, а **придоме** остался одинъ никифоръ съ работницею, приехали ночевать въ савино» [Там же, л. 30].

Отождествление понятий «дом» и «семья» характерно для русской концептосферы в целом: «Для русского человека понятие “дом” – не абстрактное, а всегда предметное, точное и личное, что является отражением его индивидуальной концептосферы: та атмосфера, которая есть в каждом доме, те морально-нравственные ценности, которые исповедуются в нем, тот неповторимый уклад и образ жизни, которые передаются из поколения в поколение» [4, с. 56-57]. Ранее нами был сделан вывод о том, что языковое сознание Михаила Тюльпина концептуализирует дом как семейный очаг [6, с. 291]. В языковом сознании тверского купца, так же как и в русской языковой картине мира в

целом, понятийные сферы концептов ДОМ и СЕМЬЯ пересекаются, дополняя друг друга. Однако дом, в котором живет купеческая семья, в представлении автора «Летописи...» наделяется индивидуальными характеристиками. Например, из «Летописи...» мы узнаем, что вторжение французов на русскую землю во время Отечественной войны 1812 года вынудило многие семьи покинуть свои дома. Для семьи Тюльпиных временным пристанищем стала мельница, под крышей которой нашли приют и другие семьи: «7 числа, поехали на голыхинскую мельницу которую имель тогда въ содержании григорий афанасьевич аваевъ, итамъ расположились на стань, **обще наше семейство**, и Ево аваева **семейство**, каняево **семейство**, окурина **жена съ дочерью**, частию ненасень и **дочка** ево какъ мужеское, такъ и женска ималыхъ **детей** которья хотя съ нуждою могутъ для себя употреблять пищу, сщиталось тритцать одинь или два человека» [5, л. 30]. Содержание концепта СЕМЬЯ расширяется: одной семьей становятся люди, потерявшие кров, лишившиеся домашнего уюта, а домом для них становится временное пристанище – мельница.

Значительную часть «Летописи о событиях в Твери...» занимают описания событий Отечественной войны 1812 года. Проанализировав записи, посвященные событиям того времени, мы можем проследить, какой смысл вкладывает Михаил Тюльпин в понятие семьи. Для Михаила Тюльпина понятие кровного родства является определяющим. В представлении автора «Летописи...» семья включает супружескую пару с детьми, а также их родителей – отца и мать. Вторжение французских войск на территорию России стало причиной того, что жители города были вынуждены покинуть свои дома: «соделалась въ городе печальная картина оставляля **отецъ сына, сынъ отца, матеръ дочь, дочь матеръ, мужъ жену, жена мужа** и вътаковомъ смятении истрахе, распрощались другъ содругомъ со слезами аки впоследний день» [Там же, л. 29].

В результате проведенного анализа в «Летописи о событиях в Твери...» были выявлены тесно связанные между собой концепты, сферы понятий которых пересекаются и образуют гиперконцепт СЕМЬЯ. К ним относятся концепты, средствами репрезентации которых являются термины родства и слова, обозначающие членов семьи, связанных родственными связями (ОТЕЦ, МАТЬ, ЖЕНА, ДОЧЬ, СЫН, ДЕТИ, ТЕСТЬ, ТЕЩА).

Для Михаила Тюльпина основной формой семейных отношений является супружеская пара с детьми, а главой семьи является муж.

Средствами вербализации концепта МУЖ в «Летописи о событиях в Твери...» являются лексемы *муж, супруг, сожитель*.

Лексема *супруг*, выступая в качестве средства репрезентации концепта МУЖ, встречается только в тех случаях, когда Михаил Тюльпин пишет об императорской семье: «3 дня, сполдень часу въ 1, Ея императорское высочество Екатерина Павловна и съ **супругомъ** Ея изволили отъ сюда выехать вштербургъ» [Там же, л. 27]; «18 числа, Ея высочество Екатерина павловна и съ **супругомъ** своимъ прибыла сюда [Там же, л. 31 об.].» Концепт МУЖ

репрезентируется словоформами, имеющими различные стилистические оттенки. Выбор различных языковых средств для обозначения главы семьи обусловлен различиями в социальном статусе между купеческой и императорской семьями.

Концепт ЖЕНА вербализуется в «Летописи о событиях в Твери...» одноименной лексемой, однако Михаил Тюльпин употребляет лексему *жена*, только когда пишет о других семьях: «...притомъ еще съ нами въ другой василый почуткинъ съ **женою**» [Там же, л. 9]; «...купили мы лавку въ госниномъ дворе въ солодовомъ ряду, по № 156 упавла яковлевича уединова **жены** Его афимье алексеевны, заплатили 550 рублей, крепость съ вершена въ 22 день по №» [Там же, л. 17].

Об образовании собственной семьи Михаил Тюльпин сообщает следующей записью: «1771 готъ. Сентября 26 дня, **женился** я Михайла матвеевъ заволгоу рекою укупца Петра Федотова подсыпаньена, **на дочери его Евдокии**, венчаны въ церкве владимирския богоматери, священникомъ Василиемъ Андреяновичемъ. Женился я 17 летъ 10 месяцевъ а взять я 18 летъ 6 месяцевъ...» [Там же, л. 10]. Купец Тюльпин фиксирует основные события семейной жизни, стараясь избегать выражения своего к ним отношения. Упоминания о жене Михаила Тюльпина встречаются в «Летописи...» лишь дважды. Интересным является тот факт, что М. Тюльпин не называет Евдокию своей женой. Средствами репрезентации концепта ЖЕНА становятся лексемы *хозяйка* и *сожительница*. Описывая события Отечественной войны 1812 года, Михаил Тюльпин упоминает о моменте воссоединения семьи после окончания войны, когда все члены семьи смогли вернуться в дом: «21 числа, вечеромъ поздно возвратился и привезъ мою **хозяйку**, итакъ все наше семейство собралось, аимщество наше большею частию оставалось при мельнице» [Там же, л. 30 об.]. Второе упоминание о жене купца М. Тюльпина встречаем на последних страницах дневника, где Михаил Тюльпин упоминает о ее смерти: «1820 готъ. марта 29 дня, сполдень часу въ 3 преставися отъ жизни сея **сожительница** моя Евдокея петровна, въ понедельникъ светлыя недели, въ замужестве жила 48 летъ и 6 месяцевъ отъ роду своего имела по кончину свою пидзесять семь летъ сотвори Ей господи вечную память» [Там же, л. 44-44 об.]. Запись краткая, но из этих немногочисленных слов становится понятным, что Михаил Тюльпин глубоко скорбит о своей супруге, хотя и не описывает своих чувств и переживаний. Михаил Тюльпин называет Евдокию Петровну не женой, а именно сожительницей, тем самым подчеркивая, что потерял не просто человека, с которым его связывали узы брака, а женщину, с которой 48 лет и 6 месяцев жил под одной крышей, в одном доме, без которой семья перестала быть полноценной.

Для автора рукописи главная функция семьи – продолжение человеческого рода. Весьма важным для языкового сознания Михаила Тюльпина оказываются концепты СЫН и ДЕТИ. «Летопись о событиях в Твери 1762–1823 гг.» начинается историей «о начальномъ происшествии рода Тюльпина» [Там же,

л. 1]. Для Михаила Тюльпина, как автора рукописи, чрезвычайно важно указать на свое происхождение: «Тверской купецкий **сынъ** Иванъ Дмитрия **сынъ** Тюльпин». В описании родословной по мужской линии частотными являются лексемы *сын* и *дети*: «священник в василій григорьевич – отъ него родился **сынъ** Григорій Васильевич, которой вышелъ въ посадь или купечество» [Там же]; «Отъ него родились **дети**, Иванъ котораго **детей** неосталось, Филипъ которой умеръ холостой, Петра, и Феодора» [Там же].

«Летопись...» представляет собой бесстрастную и объективную констатацию фактов, в ней нет места для выражения личного отношения. Такой характер носят в дневнике даже записи о рождении и смерти близких. У Михаила Тюльпина было семеро сыновей, пятеро из которых умерли в младенчестве, и восемь дочерей, из которых семь умерли в младенческом возрасте. Михаил Тюльпин фиксирует появление на свет и уход из жизни каждого из своих детей следующим образом: «1777 готъ 2, родился **сынъ** илия июля 10 дня, преставися 1786 сентября 12 дня, жития его было 7 летъ и 2 месица и 2 дня. второй **сынъ**» [Там же, л. 11 об.]; «1786 готъ 7. генваря 26 дня родился **сынъ** семень, преставися сентября 27 дня, жития Его было 8 месицевъ и 1 день. седмой мне **сынъ**» [Там же, л. 13]; «1789 готъ 4. марта 15 дня, родилась **дочь** матрена, преставися июля 30 жития Ея было 4 месица и 15 дней. четвертая **дочь** мне» [Там же, л. 13 об.].

Однако со временем автор «Летописи...» меняется психологически, его языковая личность эволюционирует. О смерти своей дочери Дарьи Михаил Тюльпин пишет так: «2 числа, сполдень часу въ 5, преставися **любезнейшая дочь** моя дария михайловна, милостиве господи, всеуმიленно те прошу, сотвори Ей вечную память. 4 числа предали тело земле **любезнейшей дочери** моей дарье михайловне, которая отъ роду своего имела 41 готъ и 2 месица безъ трехъ дней» [Там же, л. 37 об.]. «В изложении данного факта строго безличностная констатация событий уступает место проявлению глубоко личностных чувств» [1, с. 94].

В представлении купца М. Тюльпина, помимо людей, связанных родством по браку, семья обязательно включает родственников по восходящей линии – отца и мать. Средствами репрезентации концептов ОТЕЦ и МАТЬ в «Летописи о событиях в Твери...» выступают лексемы *отец*, *батюшка*, *батюшкин* и *матерь*, *матушка*, *матушка*. Лексемы *отец* и *матерь* встречается в тексте «Летописи...», когда Михаил Тюльпин описывает события Отечественной войны 1812 года [5, л. 29]. Сообщая о своих собственных родителях, Михаил Тюльпин использует существительные *батюшка*, *матушка* и притяжательные прилагательные *батюшкин*, *матушкин*: «После онаго пожара перешли жить <...> ко Алексею Петровичу нечаеву, занимъ была сестра моево **батюшки** Наталья Федоровна. и съ нами Анна Федоровна Махина **батюшкина** сестра <...> и работникъ кобальной на сво **батюшкинымъ** содержаниямъ» [Там же, л. 4]; «Четвертой Покрова богородицы, риза медная позолоченная, отданъ **матушкою** моею, Василью кирилову Коровину» [Там же, л. 3]; «Апожитку одинъ

сундук **матушкин** даларчикъ небольшой» [Там же, л. 3 об.]. Употребление данных лексем при описании значительных событий в жизни семьи передает уважительное отношение Михаила Матвеевича к родителям.

К членам своей большой семьи Михаил Тюльпин причисляет также тещу и тестя. Делая запись о смерти своих родственников, М. Тюльпин называет их *батюшка тесть* и *матушка теща*: «Мая 30 дня, преставися **батюшка тесть** мой петръ федотовичъ подсыпаньень» [Там же, л. 15 об.]; «Марта 13 дня преставися **матушка** прасковья васильевна **теща** моя» [Там же, л. 17]. Такое словоупотребление свидетельствует об особом отношении к родителям жены.

Итак, мы проанализировали средства вербализации тесно связанных между собой концептов, образующих гиперконцепт СЕМЬЯ. Лексические средства репрезентации исследуемых концептов и данные о количестве словоупотреблений приведены в таблице 1.

Таблица 1

Средства репрезентации гиперконцепта СЕМЬЯ

Концепты	Средства репрезентации	Количество словоупотреблений
СЕМЬЯ	семейство	7
МУЖ	муж	2
	супруг	6
	сожитель	1
ЖЕНА	жена	5
	хозяйка	1
	сожительница	1
СЫН	сын	22
ДОЧЬ	дочь	21
МАТЬ	мать	2
	матушка	2
	матушкин	1
ОТЕЦ	отец	2
	батюшка	3
	батюшкин	1
ТЕСТЬ	тесть	3
	батюшка тесть	1
ТЁЩА	теща	1
	матушка теща	1

Анализ содержательных составляющих гиперконцепта СЕМЬЯ показал, что в представлении автора «Летописи о событиях в Твери...» семья – это группа людей, связанных разной степенью родственных отношений: кровным родством по прямой линии, кровным родством не по прямой линии, родством

по браку, а также теми неродственными отношениями, которые попадают в разряд семейных.

Выделенные в концептосфере «Летописи о событиях в Твери...» взаимоотношенными концепты относятся к числу важнейших в сознании и культуре человека. Гиперконцепт СЕМЬЯ в единстве с другими концептами, входящими в его состав, играет важную роль при выявлении особенностей языковой картины мира Михаила Тютлина, отражающей русский национальный менталитет.

Список литературы

1. Бондарчук Н.С., Кузнецова Р.Д. Опыт реконструкции языковой личности рубежа XVIII–XIX веков // Тверской языковой регион в историко-функциональном и лингвогеографическом аспектах. Тверь, 1995. С. 91–119.
2. Ерохин В.Н. Об одном аспекте концепта «государство» в художественном мире М.Е. Салтыкова-Щедрина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2012. № 4. С. 54–60.
3. Калуженина Д.В. Художественный гиперконцепт ПРОСТРАНСТВО в поэзии конца XX века (на материале лирики К. Кинчева, Д. Ревякина, Ю. Кузнецова и А. Кушнера): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Саратов, 2008. 20 с.
4. Кострубина Е.А. Типы концептов: гиперконцепт Семья – Дом // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 6 (12). С. 51–57.
5. Летопись о событиях в Твери 1762–1823 гг. тверского купца М. Тютлина // Государственный архив Тверской области. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1135. 52 л.
6. Смирнова Е.Н. Репрезентация концепта «дом» в «Летописи о событиях в Твери 1762–1823 гг.» тверского купца Михаила Тютлина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2012. № 4. С. 287–292.

ПРОТОПОП КАК ВИТЯЗЬ: КЛЮЧЕВАЯ МЕТАФОРА РОМАНА Н.С. ЛЕСКОВА «СОБОРЯНЕ»

Ю. В. Белоусова

Тверской государственный университет
кафедра русского языка

В статье предпринимается попытка интерпретировать один из ключевых фрагментов романа Н.С. Лескова «Соборяне» (сцена грозы)

на основе метафоры витязя как опорной единицы идиотезауруса центрального персонажа – соборного протоиерея Савелия Туберозова и одновременно как семантической доминанты текста.

Ключевые слова: семантическая доминанта, идиотезаурус, Н.С. Лесков, роман «Соборяне», метафора, номинативная сеть, идеографическая сеть.

Содержание художественного произведения как целого можно реконструировать, отталкиваясь практически от любой использованной в нем языковой единицы – от отдельно взятого слова до законченной главы или даже целого тома. В любом случае базовая единица анализа выступает как *семантическая доминанта* [3, с. 279].

Семантическая доминанта выражает некий лично значимый для автора / персонажа / читателя внутритекстовый смысл и обуславливает логику структуры и *идейного содержания* художественного произведения, придает тексту единство. Внутритекстовые смыслы выявляются путем анализа *номинативных сетей*, выделения акцентируемых семантических компонентов, совокупность которых интерпретируется далее как *идеографическая сеть* [1, с. 70]. Этими компонентами являются семантические доминанты – основные составляющие любого тезауруса, в том числе *идиотезауруса* персонажа как систематизированного набора его представлений о какой-либо области бытия. Основные составляющие тезауруса, в том числе идиотезауруса персонажа: 1) дескриптор (заголовочная единица поля) и/или семантическая доминанта; 2) языковые единицы, составляющие «тело» поля; 3) семантические параметры, связывающие единицы поля с дескриптором и друг с другом [4, с. 202-203].

В качестве материала для воссоздания частного идиотезауруса протопопа Савелия Туберозова в данной работе мы выбираем фрагмент текста – ключевой, на наш взгляд, эпизод – гроза у ручья. Выбор обусловлен тем, что именно этот эпизод становится формальным поводом для произнесения проповеди протопопа, повлекшей за собой отлучение от служения и последующую ссылку, ср. показательный фрагмент его внутреннего монолога:

«Обыденный приступ от вчерашнего моего положения под грозой. Ворон: как он спрятался от грозы в крепчайший дуб и нашел гибель там, где ждал защиту.

Сколь поучителен мне этот ворон. Там ли спасенье, где его чаем, – там ли погибель, где оной боимся?» [6, с. 231].

Незадолго до написания программного поучения утомленный зноем и долгой дорогой из далекого прихода Туберозов решает отдохнуть в холодке лищины у ручья, в воде которого, как гласит поверье, кроется чудотворная сила. Отвлеченный поисками сбежавшего коня дьячок Павлюкан оставляет протопопа в одиночестве. В этот момент его и застаёт гроза, которую приходится пережить в ложбине у самого родника наравне с лесными обита-

телями, полагаясь на милость матушки-природы и божью волю. Стихия пронеслась быстро, отец Савелий остается жив и здоров. Послегрозовая прохлада приносит свежесть и обновление не только вокруг, но и в душу самого Туберозова.

Протопопу приходит на память связанная с этим источником легенда о русском витязе, присутствие которого ощущается у родника: «Это всем ведомо, про это все знают, потому что тут всегдашнее таинственное присутствие Ратаев веры» [Там же, с. 225]. В восприятии Савелия Туберозова, по словам исследователя творчества Лескова, «дождь, гроза являются знаками связи небесного и земного миров» [10, с. 17], однако в этом эпизоде просматривается и связь времен – прошлого и настоящего, а также прошлого, спроецированного на будущее. Удар молнии в два зигзага, свидетелем которого явился протопоп, – почти такой же, как тот, что стал ответом на мольбу изнемогшего в бою витязя. Пересечение временных плоскостей в «наэлектризованном месте» [6, с. 225] рождает ступок энергии – раскат грома, – сливающий витязя и самого Туберозова в образе «ратаев веры» [10, с. 25]. Удар молнии осеняет крестным знаменем жизнь протопопа, соединяя земное и небесное по вертикали и временные пласты по горизонтали, – что Туберозов понимает как ответ на свои сомнения в избранном пути и, овеянный духом былых времен, выбирает, как и витязь, путь подвига, в случае протопопа сопряженного со страданием за истинную веру [7, с. 110]. Иными словами, отца Савелия «вдохновляют на самоотверженное служение вере (а значит, в его понимании – и России) не только пережитая им гроза, но и актуализировавшиеся в его памяти образцы подобных героических деяний» [9, с. 380].

Энергия, словно вырвавшаяся из народного предания, материализуется в грозу и актуализируется возникшим в памяти протоиерея образом витязя, позволяя соприкоснуться душе Туберозова «с милой его сердцу русской сказкой» [8, с. 102], русским духом, чуждым лжи, фальши и формализму, воспринять который и призывал протопоп: «Живите, государи мои, люди русские в ладу со своею старою сказкой. Чудная вещь старая сказка! Горе тому, у кого ее не будет под старость! Для вас вот эти прутики старушек ударяют монотонно; но для меня с них каплет сладких сказаний источник!.. О, как бы я желал умереть в мире с моею старою сказкой» [6, с. 152]. «Старая сказка» – это потерянная в «безмерном умствовании, порабошающем разум» [Там же, с. 231] праведная Русь. В сцене грозы как нигде идея избранности Руси становится ключевой, что особенно подчеркнуто в рукописной редакции романа, где картина природы переключается в символический план: «Здесь сын земли вдыхает в грудь свою земли своей непобедимую, спокойную отвагу. Здесь Русь, в которой несть ни лести, ни киченья. Она, избранница небес, здесь Богу одному послушна, ждет, куда час призванию ее великому ударит. Здесь Русь» [10, с. 20].

Суммируя сказанное выше, приходит к выводу, что **существо метафоры витязя** выглядит следующим образом:

- отвага, доблесть, воинство (по В.И Далю, *витязь* – «храбрый и удачливый воин, доблестный ратник, герой, воитель, рыцарь, богатырь» [5, с. 208]);
- средоточие духовной энергии;
- «старая сказка», «русский дух», связь времен;
- праведная Русь.

Протицируем отрывок-легенду и подчеркнем слова и словосочетания, которые, на наш взгляд, являются ключевыми:

«Тут будто бы некогда, разумеется очень давно, пал изнемогший в бою русский витязь, а его одного отовсюду облегла несметная сила неверных. Погибель была неизбежна; и витязь взмолился Христу, чтобы спаситель избавил его от позорного плена, и предание гласит, что в то же мгновение изпод чистого неба вниз стрекнула стрела и взвилась опять кверху, и грянул удар, и кони татарские пали на колени и сбросили своих всадников, а когда те поднялись и встали, то витязя уже не было, и на месте, где он стоял, гремя и сверкая алмазною пеной, бил вверх высокою струей ключ студеной воды, сердито рвал ребра оврага и серебристым ручьем разбегался вдали по зеленому лугу» [6, с. 225].

Также выделим ключевые слова и словосочетания, описывающие состояние Туберозова во время стоянки у Гремучего ключа, и сопоставим их с выделенными в тексте легенды.

Витязь	Туберозов
изнемогший	утомленный
одного	(застигла) одним-одинешенька
облегла сила неверных	грозовая перепалка
взмолился Христу	поручил душу и жизнь свою богу
стрекнула стрела и взвилась опять кверху, и грянул удар	странный удар! Стрелой в два зигзага он упал сверху вниз и... взвился под небо
витязя не было – бил ключ	отныне он живет вторую жизнь, не свою, а чью-то иную

Кратко пафос двух фрагментов сводится к формулировке **спасение через веру**. Истощенные физически, оба героя в одиночестве противостоят стихии и призывают лишь одного возможного в безвыходной ситуации союзника – Бога. Сила веры настолько велика, что осуществляется прямая связь между небом и землей, вследствие чего происходит «преображение, *трансмутация*, которая может произойти с каждым, кто будет признан достойным» [4, с. 193].

Анализируя выявленные ключевые слова, выстраиваем идеографическую сеть ключевых контекстуальных смыслов: **одиночество – борьба/противостояние – вера – перерождение/трансмутация**. Она применима не только к описанным эпизодам, но и ко всему тексту романа Лескова. На первый взгляд, совпадение неточное, но давайте разберемся. Будучи счастливым в браке, Туберозов идейно остается одиноким, не услышанным даже самыми близкими: «Ему припомнились слова, некогда давно сказанные ему покойною боярыней Марфой Плодомасовой: «А ты разве не одинок? Что же в том, что у тебя есть жена добрая и тебя любит, а все же чем ты болеешь, ей того не понять. И так всяк, кто подальше брата видит, будет одинок промеж своих»» [6, с. 203]. Служение отца Савелия – не что иное, как борьба с атеистическим мракобесием, с одной стороны, и с «лукаво-наемничьей обращенностью к Богу», с другой [2, с. 46]. Оставив попытки донести огонь истинной веры до душ прихожан словом проповеди, Туберозов «жил усиленной и сосредоточенною жизнью самоповеряющего себя духа» [6, с. 274], аккумулируя веру в самом себе. И, наконец, приходит к смерти, сопряженной с Елеосвящением – одним из семи Святых Таинств, – трансмутацией в духовной сфере [4, с. 193].

Таким образом, выстроенная нами идеографическая интерпретационная сеть акцентирует два блока идиотезауруса протопопа: «вера через людей» и «вера через себя».

I. Вера через людей – как сила, направленная во вне; стремление приблизить других к Богу посредством своей личной веры, личным примером, своими поступками и образом жизни:

1) **борьба:**
физически изматывающее, истончающее душевные силы противостояние «я – другие / неверные / неверующие»: *воевал с расколом – не сладил; воевал с поляками – не сладил; не воюю, никоим не беспокою; против рожна прати более не охота;*

2) **одиночество:**
глухая стена непонимания и неприятия дает ощущение, что *одинок промеж своих*, а с уходом из жизни любимой и любящей жены протопоп остается *один-одинешенек*.

II. Вера через себя – сила, направленная внутрь себя; стремление самому приблизиться к Богу путем внутренней работы над собой, самосовершенствование и отсечение всего суетного:

1) **вера:**
жажда истины, непокорная нравность, порицаю и осуждаю – крайняя степень эмоций и оценок, касающихся духовной сферы, сосуществует с *близким к безучастию покоем* в быту и осознанием, что все материальное – *прах*, и как следствие – *равнодушие;*

2) **трансмутация:**

логический финал внутренней работы, переход в новое измерение – *чью-то иную жизнь, житие*, – где Туберозов уподобляется полноводному ручью, от которого разбегаются *благодатные волны веры*, наполнившие смятенную душу Ахиллы.

Во время бури у родника Савелий Туберозов как ответ на свои упования получает благословение через окропление святой водой – после раската грома из родника взвилось облако брызг. Сам же протопоп на краю жизни передает полученную силу усомнившемуся в присутствии Бога, но покаявшемуся Ахилле, который пережил свою бурю – эмоциональную: «Тот Ахилла являлся свежим утром после ночного дождя, а этот мерцает вечерним закатом после дневной бури» [6, с. 281]. Так замыкается круг жизни отца Савелия – победой в борьбе за душу человека. Победой в сражении, но не в войне...

Список литературы

1. Волков В.В. Основы филологии. Антропоцентризм, языковая личность и прагмастистика текста: курс лекций. Тверь, 2013. 147 с.
2. Волков В.В. Роман Н.С. Лескова «Соборяне» как отображение и прообраз информационно-психологической войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 9-2 (59). С. 45-50.
3. Волков В.В., Волкова Н.В. Семантическая доминанта и семантическое поле как опорные единицы анализа художественного произведения // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 3. С. 279-283.
4. Волков В.В. Филология в системе современного гуманитарного знания: учебное пособие. Тверь, 2013. 220 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Т. 1. М.: Рус. яз., 1981. Т. 1. 700 с.
6. Лесков Н.С. Соборяне // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 4. М.: Худож. лит., 1957. С. 5–319.
7. Майдурова Ю.А. Мотив «внутреннего зрения» в романе «Соборяне» Н.С. Лескова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 11 (41). С. 109–110.
8. Столярова И.В. В поисках идеала (Творчество Н.С. Лескова). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. 231 с.
9. Шульга Е.Б. К вопросу об источниках замысла хроники Н.С. Лескова «Соборяне» (на материале ранней редакции произведения) // Вестник Чувашского университета. Серия: Литературоведение. 2012. № 2. С. 376–382.
10. Шульга Е.Б. Метафора воды в хронике Н.С. Лескова «Соборяне» (на материале творческой истории произведения) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2008. Вып. 1. С. 13–26.

«СЛОВАРЬ ЯЗЫКА М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА»: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА²

И. В. Гладилина, А. А. Дударева, В. Н. Ерохин, Е. Г. Усовик

Тверской государственный университет

кафедра русского языка

Предметом настоящей статьи является описание теоретических основ «Словаря языка М.Е. Салтыкова-Щедрина». Определяется общая концепция словаря, структура словарной статьи, лексическое значение слова, его контекстуальные, ассоциативные и сочетаемостные связи. Все это создает особую зону комментария, в которой описывается специфика авторского понимания слова в общем контексте русской литературы.

Ключевые слова: русский язык и литература, лексикография, лексика, семантика, поэтика.

Описание семантики слова в художественном тексте естественным образом должно отличаться от ее анализа в системе языка. Это связано с необходимостью учета места и роли слова в идиолекте писателя и в структуре конкретного художественного текста. Кроме того, при подобном описании невозможно избежать вопросов, связанных с особенностями мировоззрения писателя, его индивидуальной картиной мира.

Традиционное описание семантической системы идиолекта писателя ориентировано, прежде всего, на анализ семантических сдвигов – разного рода тропов в произведениях писателя. В результате должна получиться некоторая семантическая схема, сравнение которой с семантической схемой литературного языка даст в остатке картину собственно авторских семантических преобразований. Однако доля таких преобразований, особенно в идиолекте прозаика, невелика. Более того, такой анализ не может дать полного представления об особенностях мировоззрения писателя, поскольку в данном случае учитываются только «ближайшие» (собственно словарные) значения слова, а не понятия в индивидуальной картине мира, и, конечно, при таком подходе не может быть рассмотрена функция слова в контексте конкретного художественного целого.

Описание мировоззрения и поэтики писателя относится по большей части к литературоведению. Однако подобные исследования, как правило, ориентированы на анализ более высоких уровней организации художественного текста (персонажи, тема, сюжет) и не рассматривают собственно языковой материал произведения.

² Статья создана при поддержке гранта РГНФ, проект № 14-04-00528(а) «Словарь языка М.Е. Салтыкова-Щедрина»

Между тем выход на идеологические уровни организации художественного текста, а от них на вопросы мировоззрения писателя и его индивидуальную поэтику возможен и с собственно языкового уровня, через лексикографическое исследование функции слова в идиолекте писателя. Образцом в данном случае может служить «Словарь языка Достоевского» с четко разработанной структурой словарной статьи, включающей следующие разделы:

1. Адресная зона.
2. Количественные характеристики использования описываемой единицы в текстах Щедрина в целом и отдельно в текстах каждого жанра.
3. Корпус словарной статьи.
 - 3.1. Порядок описания значений.
 - 3.2. Описание каждого из значений лексикографируемой единицы.
 - 3.3. Описание употреблений в составе собственных имен.
 - 3.4. Описание употреблений в составе:
 - 3.4.1 фразеологических единиц;
 - 3.4.2. пословиц и поговорок.
4. Словоуказатель.
5. Комментарий и примечания.
6. Указания на использование описываемого слова в чужой речи.
7. Словообразовательная окрестность.

Наибольшую трудность вызывают выделение и описание значений лексемы, комментарий и примечания (см. об этом: [2]).

В большинстве случаев значения слов в текстах Щедрина совпадают со словарными дефинициями. Однако встречаются исключения. В толковых словарях значение слова **аббатство** описывается следующим образом: *католический монастырь с принадлежащими ему владениями* [16, с. 25]. Однако во всех контекстах «Пошехонской старины» **аббатством** именуется именно помещичья усадьба, точнее, дом в ней. Поэтому в «Словаре языка М.Е. Салтыкова-Щедрина» толкование дано следующее:

Помещичий дом.

*Дело шло уже к осени, сумерки спустились рано; в большой зале **аббатства** было сыро и темно* [15, с. 406].

*Усадьба ее была расположена на высоком берегу реки Вопли, но дом был до того ветх, что ежеминутно грозил развалиться. Соседи называли его старым **аббатством** и удивлялись, как она не боится в нем жить* [Там же, с. 404].

Последний контекст иллюстрирует также автономное употребление слова (**АВТН**), то есть случай авторской рефлексии над значением слова: соседи называли дом аббатством.

В отдельных случаях толкование значения слова в текстах Щедрина незначительно отличается от словарного, например, первое значение у слова **ад**:

Место, в котором царствует сатана с бесами, и где души умерших «грешников» подвергаются вечным мукам.

Оно более мифологично и конкретно, чем дефиниция в МАСе: «Во многих религиях: место, где души умерших «грешников» подвергаются вечным мукам [16, с. 25]. В художественном мире Салтыкова-Щедрина понятие ада традиционно христианское, с бесами и сатаной:

Ей почудилось, что она в ад попала и бесы около нее кружатся [14, с. 219]. Я всем указал путь к спасению, – продолжал воскресший, – но для тебя, предатель, он закрыт навсегда. Ты проклят богом и людьми, проклят на веки веков [Там же, с. 210.]

Последнее, в свою очередь, соответствует дантовскому представлению об *аде*, где в центре вселенной «вмерзший в лыдину Люцифер, верховный дьявол, терзает в своих трех пастях главных грешников (“предателей величества земного и небесного”))» [1, с. 39]

Кроме того, лексема *ад* употребляется в идиолекте Щедрина в составе фразеологизма *ад кромешный*: «Вы чистыми сердцами беззаветно уверовали в меня, потому только, что проповедь моя заключает в себе правду, без которой вселенная представляет собой вместилище погубления и *ад кромешный*» [14, с. 208].

Очень важно в данном контексте определение *ада* как *кромешного*. В евангельской традиции ад «описывается не извне (как зрелище), но изнутри (как боль); упоминание об аде в притчах Иисуса Христа рефреном замыкаются словами: “там будет плач и скрежет зубов” <...>. Ад определяется как “мука вечная”, “тьма внешняя” (по церковно-славянски – “тьма кромешная”))» [1, с. 37].

Еще сложнее и интереснее комментарий и примечания в «Словаре языка М.Е. Салтыкова-Щедрина».

Зона автономного употребления слова уже упоминалась. Приведем еще несколько ярких примеров:

АВТН «В сущности, ответ на этот вопрос очень прост: “**авторитет**” есть тот жизненный идеал, которым в данную минуту руководится общество или отдельный человек, и уровень которого вполне соответствует уровню духовного и нравственного развития того и другого» [10, с. 475]. В этом контексте дано прямое авторское толкование значения слова.

Более сложный случай щедринской рефлексии над смыслом данного слова представлен в следующем контексте: «Возьмем, например, хоть один из этих признаков: неприятие на веру тех или других предположений потому только, что они принадлежат известному **авторитету**. Признак этот в современной положительно-нигилистической литературе известен под именем “неуважения к **авторитетам**”, а в литературе полицейско-нигилистической под именем “неуважения к начальству”» [11, с. 25]. Это означает, что *авторитет* есть *начальство*.

АВТН «Прежде совсем не было **адвокатов**, а были люди, носившие название “ябедников”, “приказных строк”, “крапивного семени” и т. д., которые

ловили клиентов но кабакам и писали неосновательные просьбы за косушку» [12, с. 99]. В данном случае автор не только уточняет значение слова, но и выстраивает даже своеобразную историю этого понятия.

Зона неразличения значений одного слова может быть проиллюстрирована следующими контекстами:

НРЗН «– Но ведь это – позор! – опять наскочил я на Глумова, – пойми наконец: позор! позор!

– А тебе что? – процедил он, бросая на меня косой, почти злобный взгляд.

– Как “что”! Но понимаешь ли... ведь это наконец – ужас! Целый ад там... сатана там... понимаешь ли: сатана!

Я задыхался; картина № 1-й, совсем было исчезнувшая, опять засветилась; сатана, с его немыслим, искони потухшим взором, так и надвигался на меня из глубины...» [13, с. 136].

Эта реплика возникает после того, как автор прочитал утреннюю газету: «Это было утром; я сидел за чаем и читал только что принесенную газету. Ужас, что там было: мужчинам режут носы, уши, живых сжигают, сажают на кол, женщин насилуют и стадами продают в гаремы, детей бросают вверх и принимают на штыки...» [Там же, с. 136].

В результате происходит контаминация двух значений слова *ад*:

1. Место, в котором царствует сатана с бесами, и где души умерших «грешников» подвергаются вечным мукам.

2. Обстановка, условия, пребывание в которых мучительно, невыносимо.

Отметим, что второе значение в большинстве случаев (7 из 10) реализуется в словосочетании *журнальный ад*: «Журнальный ад – самый незлобивый и приятный. В нем горят неугасимые огни, которые никогда никого не опалили; в нем бегают из угла в угол комолые и бесхвостые черти, которые никогда никого не уязвили; в нем раздаётся родительская брань, которая не задевает ни родителей, ни потомков...» [9, с. 497].

Игровое употребление слова (**ИГРВ**) подразумевает допущенное автором сознательное отклонение от существующей языковой нормы – графической, лексической, словообразовательной, грамматической. В текстах Щедрина эта зона может быть представлена таким контекстом.

ИГРВ «[Генерал:] Давно собирался я, братия, побеседовать с вами об отце лжи, но доселе не представлялось удобного к тому случая. Ныне же случай сей, несомненно, представился, ибо между нами появился один из ревностнейших агтелов его. Не думайте, однако, чтоб он имел вид унылый и душепагубный, свойственный дьяволу, обретающемуся в первобытном состоянии <...> Он носит вид обыкновенного человека, с тем лишь отличием, что во внутренностях его сокрыт **ад**. Или прямее: это не человек, но **человекоад**. Человек по наружному виду, но **ад** по виду внутреннему. Воистину **человекоад**, ибо ни о чем другом не мыслит, ничего другого не делает, как только сеет плевелы» [12, с. 194].

Замечательно, что это проповедь, сочиненная генералом против Анпетова, который говорил, что «теперь вот рабов нет», а также:

Землю пашет! – прогремел генерал, вдруг вытянувшись во весь рост, – сам! сам! сам с сохой по полю ходит! Это – дворянин-с! [Там же, с. 193].

В зоне использования в одном контексте двух или нескольких текстоформ с разными значениями (**КОМБ 1**) комментария к словарной статье фиксируются случаи комбинированного употребления описываемой лексемы в двух или нескольких значениях в пределах минимального контекста, например:

КОМБ 1 «История самым очевидным образом свидетельствует, что **авторитет** постепенно утрачивал свою первоначальную грубую форму и приобрел форму более тонкую и сложную и что вообще во всех этих передвижениях, упразднениях и отрицаниях речь шла не об **авторитете** в смысле принципа, дающего жизни известную окраску, а об **авторитете** данном (имярек)» [10, с. 476].

Здесь очевидно комбинируются два значения слова **авторитет**: 1. Общепризнанное значение, влияние; 2. Лицо, пользующееся влиянием, признанием

В зоне **КОМБ 2** комментария к словарной статье фиксируются примеры использования описываемой лексемы в контекстах, содержащих как непосредственно производные от нее, так и однокоренные слова, не входящие в словообразовательную парадигму с вершиной, представленной описываемым словом.

КОМБ 2 «А что, в самом деле, – говорю я себе, – ежели поправки могут быть устранены без **агитации**, то зачем же **агитировать**?» [12, с. 9].

Еще более интересны комбинаторные трансформации у лексемы **адвокат**.

КОМБ 2 «Из нее читатель увидит, что это за **адвокатура** и до какой степени может быть приятна профессия **адвоката**» [8, с. 247]. «В **адвокатском** сословии имеются свои “благородные отцы”, свои “злодеи” (конечно, только по виду), свои “комики”, “любовники”, “чудаки”, “хвастуны”, “легкомысленные”, “гости” и др. Сверх того, есть несколько специальных амплуа, которых ни на каком театре не встретишь и которые составляют исключительную принадлежность **адвокатского** ремесла, каковы например: **адвокат**–“паук”, **адвокат**–“ищейка”, **адвокат**–“libre penseur” и т. д.» [12, с. 493].

Описываемое слово в рамках его контекста может находиться с другими лексическими единицами в синтагматических, парадигматических, тематических и др. отношениях. В соответствии с этими типами отношений определяется круг слов-ассоциаций, включаемых в зону ассоциативного окружения слова (**АССЦ**). Произведения Щедрина дают богатейший и интереснейший материал для этой зоны.

Для слова **аббатство** выстраивается такой ряд:

АССЦ старое, сырое, темное, пугающее.

У лексемы **абориген**:

АССЦ Глупов, акклиматизируемый человек, страна, солидные пороки, мироеды, наезжие.

Любопытнейший ассоциативный ряд связан со словом *ад* (см. об этом: [4]):

АССЦ безобидный, дрянной, жалкий, забавный, картонный, литературный, незлобивый, приятный, сатана, бесы.

Излишне говорить, что в «Русском ассоциативном словаре» большинства этих реакций на стимул *ад* нет. Наиболее частотные реакции там следующие: *рай* (32), *кромеинный* (14), а также *огонь*, *черти*, *Данте*, *дьявол*, *зло*, *костер*, *мучение*, *смерть*, *ужас* (2) [5]

Еще интереснее ассоциации со словом *адвокат* (см. об этом: [5]):

АССЦ молодой, добродетельный, присяжный, судья, мировой судья, посредник, земский деятель, концессионер, прокурор, аристократия, литератор, банкир, купец, буржуа, благородный отец, иезуит, кровопийца, злодей, комик, любовник, чудак, хвостун, легкомысленный, гость, паук, ищейка, *libre penseur* [свободомыслящий. – Авт.], то есть человек, не имеющий никаких предрассудков, действительный статский кокодез, железнодорожный деятель, кабатчик, доброволец, присяжный заседатель, наглое психологическое лганье, директор банка, чиновник, биржевик, сводчик, журналист, бюрократ. Очевидно, что подавляющее большинство ассоциаций связано со словами с резко негативной коннотацией, еще и нарочито усиленной:

Адвокат-«ищейка» – ремесленник по преимуществу. Он прилежен необыкновенно, ведет отшельническую жизнь, днем, покуда светло, ходатайствует о выдаче исполнительных листов и присутствует при описях и продажах имуществ, вечером – рассматривает документы и сочиняет прошения. А всякие свободные минутки, остающиеся от кляузы, он посвящает рассматриванию списка адвокатов и завидует тем из них, которые имеют дел больше его [12, с. 497–498].

Помимо очевидных смыслов «сыщик», «шпион», у слова *ищейка* во втором переносном значении с пометами «разг., пренебр.» [16, с. 693] в данном контексте важно упоминание зависти как одного из смертных грехов.

Остальные же приобретают такую коннотацию в контексте. Например, *благородный отец*: «Амплуа “благородных отцов” не блестящее, но выгодное: из них, по преимуществу, выбирают конкурсных председателей» [12, с. 494]. Здесь имеются в виду председатели коммерческих судов, в которых разбираются торговые и имущественные споры. А это часто связано с большими деньгами. Не случайно «поэтому “благородного отца” нередко называют еще и “иезуитом” и “кровопийцею”» [Там же, с. 495]

Все это определяет особое место слова *адвокат* в художественном мире Щедрина. Ассоциативный ряд к нему включает практически весь набор отрицательных персонажей русского общества в художественном мире писателя.

Прекрасный пример ассоциативных связей слов в художественном мире Щедрина дает следующий контекст:

Представьте себе: в этой стране есть правосудие, но оно отправляется в пьяном виде; есть армии, но они защищают отечество в пьяном виде; есть администрация, но она повелевает в пьяном виде; есть, наконец, администрируемые, но они повинуются в пьяном виде [10, с. 244].

Здесь ряд правосудие, армия, администрация строится за счет того, что они осуществляются в пьяном виде.

В большинстве случаев ассоциативные связи слова выстраиваются из анализа его сочетаемости (СЧТ 1, СЧТ 2).

В зоне морфологических особенностей употреблений слова (МРФ) комментария фиксируется авторская игра с морфологией лексемы, например, у слова *автономный* – как прилагательного к *автономия*:

МРФ «Поэтому-то он из всех сил хлопотал и бился о том, чтобы как-нибудь согласить несколько старческий скептицизм папаша, по какому-то странному обстоятельству легко мирившийся и с авторитетом и с субординацией, с автономическими стремлениями школьного кружка, в котором он поневоле вращался» [7, с. 301].

Зона тропического употребления слова (ТРП) в «Словаре языка М.Е. Салтыкова-Щедрина» представлена, например, следующим примером употребления лексемы *автомат*:

ТРП в сравнении «Происходит это оттого, во-первых, что никакими мерами нельзя вложить душу живую в человека, который может действовать только как автомат, и, во-вторых, оттого, что всякая дисциплина представляет машину, столь сложную, что строгое применение ее непременно увлечет патриотов-руководителей совсем в другую сторону от главных целей» [8, с. 172].

Лексикографическое описание слов на букву *А*, конечно, не является в полной мере репрезентативным для анализа идиолекта и художественного мира писателя: круг лексем достаточно узок, кроме того, они не исконно русские. Однако некоторые словарные статьи (*ад*, *адвокат*, *административный*, *администратор* и др.) представляют существенный интерес для литературоведения, лингвокультурологии и практики преподавания русского языка, в том числе в иностранной аудитории [3], позволяют выявить специфику щедринского словоупотребления и функционирования слов в его художественных текстах.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Ад // Мифы народов мира: В 2 т. Т. 1 / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия. 1987. С. 37–39.
2. Алексеева Я.В., Ерохин В. Н. Теоретические основы создания «Словаря языка М.Е. Салтыкова-Щедрина» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 3. С. 154–159.
3. Волков В.В., Гладилина И.В. Художественный текст в преподавании русского языка как иностранного: Учеб. пособие. Тверь, 2014. 156 с.

4. Ерохин В.Н., Алексеева Я.В., Дударева А.А. Лексикографическое описание слова *Ад* в «Словаре языка М.Е. Салтыкова-Щедрина». Предварительные замечания к зоне комментария // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 1. С. 124–129.
5. Ерохин В.Н., Алексеева Я.В., Дударева А.А. Лексикографическое описание слова *Адвокат* в «Словаре языка М.Е. Салтыкова-Щедрина». Предварительные замечания к зоне комментария и примечания // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 3. С. 162-167.
6. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции. М.: Астрель АСТ, 2002. 784 с.
7. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1970. 526 с.
8. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т. Т. 5. М.: Худож. лит., 1972. 526 с.
9. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т. Т. 6. М.: Худож. лит., 1974. 473 с.
10. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т. Т. 7. М.: Худож. лит., 1974. 528 с.
11. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т. Т. 9. М.: Худож. лит., 1974. 523 с.
12. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т. Т. 11. М.: Худож. лит., 1974. 516 с.
13. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т. Т. 12. М.: Худож. лит., 1974. 529 с.
14. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т. Т. 16. Кн. 1. М.: Худож. лит., 1974. 526 с.
15. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т. Т. 17. М.: Худож. лит., 1974. 526 с.
16. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. / Гл. ред. А.П. Евгеньева. М.: Рус. яз., 1986. 736 с

КОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ ПОСЛОВИЦ С ГЕОГРАФИЧЕСКИМИ НАЗВАНИЯМИ

Л. Ю. Кодынева

Гуманитарный институт Новгородского государственного университета

В статье представлен компонентный анализ новгородских топонимов в составе пословиц, которые являются неотъемлемой частью

фразеологической картины мира русского человека. Анализ топонимов ведётся с опорой на Новгородский областной словарь.

Ключевые слова: интерпретационное поле, географическое название, фразеологическая и топонимическая картина мира, семиотический знак, ассоциации, компонент пословицы.

Первый опыт успешного отхода от структурности и выхода в ментальность при анализе топонимических фактов осуществила Е.Л. Березович: «Такой переход для лингвиста представляет собой почти в буквальном смысле выход в открытый космос, поскольку заранее неизвестны ни инвентарь, ни структура единиц “космического” мировоззренческого уровня, ни способы их сцепления с языковыми единицами. Эта неизвестность создает необычайно широкое для лингвистического исследования *интерпретационное поле*» (выделено мною. – Л.К.) [1, с. 23]. Проблемы когнитивной топонимики открывают антропоцентрическое направление топонимических исследований и вводят новый аспект – «фактическое современное восприятие географического названия членами конкретного языкового коллектива, функционирование названия в сознании личности» [2, с. 10].

Как известно, «под топонимической системой понимается единство построения топонимов той или иной территории, обусловленное общностью психологии населяющего ее коллектива, своеобразным направлением его мышления, общностью восприятия окружающей действительности» [9, с. 51].

Представленный в данной работе подход носителя языка – это подход не к топониму, а к пословице как *семиотическому знаку*, некоей звуковой и семантической субстанции, порождающей *ассоциации* говорящего.

Топонимическая личность – это личность, ориентирующаяся в географическом пространстве с помощью знаков-ориентиров. Восприятие каждого названия сопровождается ассоциациями, но, в отличие от апеллятивной лексики, топонимы обрастают историческими, социальными и географическими ассоциациями, и изучение таких ассоциаций дает интересные результаты для топонимических исследований.

Когнитивный подход к топониму существенно углубляет и представления о семантике его внутренней формы. Бесспорно, что топоним является феноменом культуры, *артефактом*, если понимать культуру в узком смысле этого слова как мир искусственно созданных предметов. Именно поэтому возможно провести лингвокультурную интерпретацию пословиц и поговорок русского народа, компонентами которых являются географические названия. Данные языковые единицы представляют взаимодействие пространств русской национальной фразеологической и топонимической картин мира, которые представлены в языковом и ассоциативном мышлении носителей языка.

Приведём примеры из работ лингвистов, которые ранее уже обращались к проблеме взаимодействия фразеологии и топонимики. М.В. Горбаневский

в историческом контексте описывает выражение с ярким национальным колоритом *Язык до Киева доведёт*. «Именно на расспросы рассчитывали в Киевской Руси богомольцы, когда из дальних мест отправлялись в “матерь городов русских”, чтобы поклониться киевским святыням, побывать в Киево-Печерской лавре – древнейшем православном монастыре русских земель. Они считали, что *Киев* всем известен и что можно дойти до него, даже не зная дороги, а только спрашивая о ней у попадавшихся по пути людей» [3, с. 92–93].

Следует дополнить, что топоним *Киев* приобретает обобщённое значение и создаёт ассоциативный ряд места поиска, цели пути, упорства, значения слова в жизни человека, потому что слово *язык* в этой пословице употреблено в значении «речь, способность говорить». Грамматическим центром выступает *язык доведёт*, а топоним *Киев* является средством эмоционально-экспрессивной оценки, интонационным и логическим центром предложения.

Пословицу с яркой национальной спецификой *Москва слезам не верит* говорящий употребляет в том случае, когда чьи-либо жалобы не вызывают сочувствия, ср. пример из рассказа Н.С. Лескова «Воительница»: «Взгляните, – говорит, – на мои слёзы. – Что ж, – говорю, – дружок, слёзы? – слёзы слезами, и мне даже самой очень тебя жаль, да только Москва слезам не верит, говорит пословица».

Это выражение появилось, очевидно, во времена возвышения Московского княжества, объединения русских земель вокруг Москвы. Пополнение государственной казны шло за счёт больших поборов с городов. В различных слоях населения постоянно вспыхивали и шли споры относительно того, кому и сколько платить, кому нести воинскую и иную повинность. Нередко люди не могли разрешить эти проблемы самостоятельно, и поэтому из разных городов ехали челобитчики. По многим историческим свидетельствам, по документам известно, что в слёзных жалобах они просили великого князя, а позже царя восстановить справедливость, установить, на чьей стороне правда. Между прочим, жалобщиков иногда жестоко наказывали: чтобы другим было неповадно.

Необходимо отметить, что пословицы, компонентами которых являются топонимы, всегда историчны, как и топонимия. В настоящее время, помимо прямого значения, пословица употребляется и в переносном смысле, а топоним *Москва*, кроме географического названия, приобретает значение силы, власти, жестокости, безразличия к чужим бедам, желаниям и просьбам. Название является символом отчуждения, холодности. Грамматическим центром пословицы выступает *Москва не верит*, а средством эмоционально-экспрессивной оценки, выражением негативного смысла – компонент *слезам*. Интонационным и логическим центром пословицы является топоним *Москва*.

Имя собственное становится в контексте пословицы идеей, мифом и символом. «Имя есть осмысленно выраженная и символически ставшая определённым ликом энергия сущности» [6, с. 37].

Даль, распределяя собранные пословицы по содержательному принципу, отражающему коллективное сознание всего русского народа, поразительные глубины народной философии, называет пословицу коротенькой притчей, суждением, приговором, поучением, высказанным обвиняком, пущенным в оборот и принятым всеми. По его словам, пословица «...не сочиняется, а вынуждается силою обстоятельств, как крик или возглас, неволью сорвавшийся с души; это целые изречения, сбитые в один ком, в одно междометье» [4, с. 3].

Своевременность и уместность пословицы выражена в высказывании *Пословица не мимо молвится*. Войти в пословицу – значит остаться во времени на века. Понимание власти и силы пословицы передано в высказывании *Для поговорки мужик в Москву пеши шёл*. Компонентом этой пословицы является топоним *Москва*. Кроме названия города, он приобретает значение символическое: дальнего пути, стремления к правде, напряжённого труда в поиске точного слова. Следует отметить, что рядом с топонимом употребляется не стилистически нейтральное наречие *пешком*, а высокое, книжное *пеши* – от *пеший*, «идуший пешком» [8, с. 516].

Рассмотрим семантику топонимов в пословицах, компонентом которых является имя древнего города Новгорода.

Справится дело и без Новгорода. Грамматическим центром пословицы является *справится дело*, а зависимый компонент *без Новгорода* имеет дополнительное значение оценки влиятельности *Новгорода* в древнерусском обществе, сила и власть которого пересматривается во времени.

Характеристика отношений древних городов, расположенных на разных реках, дана в пословице *Душа – на Великой, сердце – на Волхове*. Так, используя приём олицетворения, говорили по поводу братства двух древнерусских городов в XIV веке. Пословица передаёт события исторического прошлого. Древнейшие гидронимы – названия рек указывают на топонимы *Псков* и *Новгород*, создавая метафорическое сравнение и образ единения, как слияния двух рек, двух городов в древнерусской истории.

Известное выражение *Кто против бога и великого Новгорода?* представляет собой вопросительное предложение, в котором власть города приравнивается к власти бога и лежит в основе сопоставления местного, временного, земного явления с силой и властью вечного и незыблемого. Топоним *Новгород* как компонент пословицы употреблён в сочетании с прилагательным *великий*, определяющим роль города в истории.

Известное изречение *Где святая София, там и Новгород* определяет географическое название как место святости. Имя собственное в смысловом отношении является продолжением словосочетания *святая София*. Как известно, в средневековые времена Новгород воспринимался как город святой Софии, а Софийский собор был главным храмом не только Новгорода, но и всей новгородской земли. С этой пословицей связаны легенды об изображении Спаса Вседержителя в центральном куполе храма и о голубе, сидящем на

кресте собора. *Хоть София и пуста, да не Крутицким верста* (София новгородская, духовенство новгородское не хотело подчиниться митрополитам московским на Крутицком подворье).

Характеристика власти города, его исторической роли содержится в выражениях *Новгород судится своим судом; Древний Новгород и Псков – господа*. Топоним приобретает значение места господства и огромной власти, не поддающейся суду окружающих городов. Приём олицетворения из географического названия создаёт образ господина, почитаемого и властного. Имена собственные в этих пословицах выступают грамматическим центром.

В пословице *Новгород древний судит один бог* грамматическим центром является *судит бог*. Инверсионное положение топонима в предложении определяет его логическое и интонационное значение в высказывании. Это выражение создаёт ассоциации величия, свободы и власти города. Пословица *Новгород, Новгород, а постарше старого* интересна соединением антонимов *новый – старый*, объясняющих противоречие названия и роли города в истории государства Российского. Топоним *Новгород* в тексте пословицы доминирует благодаря приёму олицетворения, его семантика обогащается созданием образа человека молодого, но значительного не по возрасту, а по роли в обществе и в истории. Компонент пословицы – топоним *Новгород* находится перед словосочетанием *постарше старого*, которое чаще используется в разговорной и народно-поэтической речи для характеристики человека. В этой пословице обыгрывается внутренняя форма топонима, то есть мотивированная связь звучания с семантикой наименования.

Из Волхова воды не выпити, во Новгороде людей не выбити – пословица из текста былины «Василий Буслаевич и новгородцы». Её лиро-эпическое звучание создаёт обобщённо-образный смысл огромности, величественности города на Волхове. Грамматическим центром выступают компоненты *не выпити – не выбити*. Гидроним и топоним как компоненты пословицы создают ассоциативный ряд непрерывности, древности, величественности и вечности жизни. Эмоционально-оценочные приращения смысла (коннотаций) придают топониму торжественность и величественность. Первоначальные формы глаголов *выпити – выбити*, употреблённые в данном выражении, подтверждают древность текста пословицы.

Названия малых провинциальных городов также встречаются в пословицах: *Город Боровичи – гам город*. Имя собственное входит в грамматический центр пословицы, а определение *гам* – «нестройный гул голосов, гомон», представляющее лексику разговорного стиля, отражает характерную особенность жизни уездного города. *Шатай, болтай, недалечко Валдай*. В этом устойчивом выражении отражается географическое положение города на пути между Петербургом и Москвой. *Крещане (Крестцы) – лапотники*. Также топоним является грамматическим центром. Слово *лапоть* обладает ярким национальным колоритом и разнообразными толкованиями, представ-

ленными в Новгородском областном словаре: «ЛаПОТЬ, –я, м. 1. Народная игра. *Они в лапоть играли: кляли лапоть, забежали за угол дома, кто раньше занял лапоть, тот вышел, а последний водит.* Дем. 2. Только мн. Измена кому-либо. *Лапти ей.* Под. *Говорят, девочки, лапти поскребите по трубах, своему дроле со сваячкой всё равно гулять не дам.* Холм. + Новг. Ст. В ЛаПОТЬ. Много. *При косьбе захватываешь много травы, что махнёшь, то в лапоть; в лапоть – значит много берёшь.* Мош. ИЗ ЛАПТЕЙ НЕ ВЫХОДИТЬ. Жить бедно. *Ране мы из лаптей не выходили.* Мош. ИЗ САПОГ В ЛАПТИ. 1. Обеднеть. Дем. 2. Перехитрить. Сол. КАК В ЛАПОТЬ ГОТОВЫЙ ВСТУПИТЬ. Прийти на всё готовое. Валд. + Кр., Новг. // Удачно выйти замуж, попасть в богатую, хорошую семью. *Дочь замуж вышла, как в лапоть готовый вступила.* Ст.+ Мал.+ Ок. ЛАПТИ НАДЕЛАТЬ (СДЕЛАТЬ). Изменить девушке. *Ой, он тебе лапти наделал. Лапти сделал соседке, с другой стал ходить.* Ст. + Залуч., Новг., Холм., Шим. ЛАПТИ СВЯЗАТЬ. Приготовить девушку к замужеству. Кр. НА ЛАПОТЬ. Чуть-чуть, немного. *Надо кажинный год хоть на лапоть прибавить свою полосу.* Хв. ЩИ ЛАПТЕМ ХЛЕБАТЬ. Быть недоразвитым человеком. *Не варила голова если у кого, то щи лаптем хлебал.* Хв. + Бор. В Новгородском областном словаре находим также: «ЛАПОТНИК, -а, м. Инструмент для плетения лаптей. *Надо лапти полести, костыг забыл, лапотник потерял.* Мош. + Бор., Мал., Ст.» [7, с. 7–8].

Видимо, в пословице закреплено именно это значение, отношение к горожанам (жителям Крестец) как к лапотникам, использующим в плетении лаптей инструмент – лапотник.

Границы семантики имени собственного в контексте пословицы, исследованные методом анализа по окружению, становятся обширнее и служат основой образной речи. Семантическая функция топонима в составе пословицы может быть охарактеризована как символическая и номинативно-стилистическая. В географическом названии преобладает номинативная роль топонима. Когда это же имя собственное входит в состав пословицы, то его семантика, кроме номинативного содержания, обогащается дополнительным образным смыслом, имеющимся в целой пословице. Становясь компонентом пословицы, топоним приобретает эмоционально-оценочное значение. Денотативное отношение (слово – предмет) по отношению к топонимии (топоним – историческое и географическое место) является первичным, сигнификативное (слово – понятие) и структурное (слово – другое слово) являются вторичными. Все эти отношения при компонентном анализе пословиц (как и фразеологизмов) достаточно актуальны, потому что «компонент фразеологизма — явление не одномерное, а многомерное» [5, с. 13].

Список литературы

1. Березович Е.Л. Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования. Екатеринбург, 1998. 156 с.

2. Голев Н.Д. О природе мотивационных ассоциаций в лексике русского языка // Известия Алтайского государственного университета. Серия филологии, журналистики, истории, социологии, педагогики, юриспруденции, экономики. 1996. № 2. С. 7-11.
3. Горбаневский М.В., Максимов В.О. Ономастика для всех. М.: ГАРТ, 2008. 179 с.
4. Даль В.И. Пословицы русского народа: В 3 т. Т. 1. М.: Рус. книга, 1993. 734 с.
5. Жуков А.В. Очерки по фразеологической семантике. Великий Новгород, 2008. 159 с.
6. Лосев А.Ф. Миф и имя. М.: Просвещение, 1992. 364 с.
7. Новгородский областной словарь / Отв. ред. В.П. Строгова. Вып. 5. Новгород, 1994. 162 с.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 939 с.
9. Суперанская А.В. Теория и методика ономастических исследований. М.: Либроком, 2009. 256 с.

КОНЦЕПТ «ПОКОЙ» В КОНТЕКСТЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ТАНАТОЛОГИИ (словарные и текстовые репрезентации)

А. А. Копьёва

Тверской государственный университет
кафедра русского языка

Концепт «Покой» рассматривается с позиций лингвокультурологической и литературной танатологии, изучающей языковые репрезентации «пути к смерти» в словарях и различных типах дискурса, в том числе в художественной литературе. Будучи антонимом *беспокойства*, чьим квазисинонимом является *несчастье*, семантическое ядро дескрипторной лексемы *покой* в танатологическом контексте понимается как «счастье, достигаемое после смерти». Виды Покоя, зависящие от рода смерти, изучаются в контексте различных литературных произведений.

Ключевые слова: лингвокультурологическая и литературная танатология; покой; беспокойство; счастье; несчастье; М.А. Булгаков; философия смерти.

Танатология (из др.-гр. *thanatos* ‘смерть’ + ...логия) – это, в исходном смысле, раздел теоретической и практической медицины, «учение о законо-

мерностях умирания и обусловленных ими изменениях в органах и тканях. Изучает динамику и механизмы умирания, непосредственные причины смерти, клинические, биохимические и морфологические проявления постепенно-го прекращения жизнедеятельности организма» [11, с. 563]. **Филологическая (литературная) танатология** – «дисциплина, которая находится на стыке с биологическими и медицинскими, социологическими и философскими, психологическими и иными гуманитарными аспектами танатологии, рассматривает отображение “пути к смерти” в художественной литературе» [5, с. 32]. Исследование языковых способов характеристики «пути к смерти» (типа *Человек рождается на смерть, а умирает на живот, воля к смерти* и т. п. [4, с. 53]) выводит эту проблематику в плоскость **лингвокультурологической танатологии**. В данной работе танатологическая проблематика рассматривается на материале лингвокультурного концепта «Покой» и антонимичного ему концепта «Беспокойство».

Являясь комплементарным словообразовательным антонимом к *покой*, в первом словарном значении **беспокойство** (< бес... ‘отсутствие’ + *покой* ‘спокойствие физическое и душевное’ + ...ств-о) – ‘тревожное состояние; волнение» [13, с. 83] воспринимается по внутренней форме буквально как ‘отсутствие *покоя*’. Однако это толкование дает слишком общее, недостаточно детализованное представление о содержании концепта; современный французский философ А. Конт-Спонвиль разъясняет его в герменевтической стилистике так: **«Беспокойство (*inquiétude*)**. Отношение настоящего к будущему в той мере, в какой будущее способно внести разлад в настоящее. Беспокойство колеблется между заботой (“Что делать?”) и страхом (“Как этого избежать?”). Вот почему избавиться от беспокойства невозможно, вернее, избавиться от него можно только в те редкостные минуты, когда мы живем, полностью охваченные настоящим – погруженные в безмятежность созерцания или в деятельность» [8, с. 64] (ключевые семы – ‘будущее’, ‘забота’ и ‘страх’, что можно интерпретировать как «страх, связанный с заботой о будущем»). В психологическом словарном прочтении **беспокойство** синонимизируется с *тревогой* и трактуется как «эмоциональное состояние, возникающее как реакция на какой-то еще не известный фактор в окружающей среде или в самом индивиде; иррациональный страх, вызванный изменениями в окружении или движением вытесненных бессознательных сил индивида» [6, с. 52] (ключевые семы – ‘страх’ и ‘неизвестное’, что можно интерпретировать как «страх перед неизвестным»).

Исходя из этого, ядром концепта «Беспокойство» можно было бы посчитать *страх*, но спешить с таким решением не стоит, – хотя бы потому, что другой основополагающий компонент «Беспокойства», – *тревога*, выступающая в психологии эмоций в комбинации с *печалью*, – оказывается феноменом, стабилизирующим социальные отношения. К Печали принято относиться как к негативной эмоции, – однако именно она в горе «сплачивает людей, укрепляет

дружеские и семейные связи; печаль тормозит умственную и физическую активность человека и тем самым дает ему возможность обдумать трудную ситуацию; она сообщает человеку и окружающим его людям о неблагополучии, и наконец, печаль побуждает человека к восстановлению и укреплению связей с людьми» [7, с. 212]. *Печаль* связывают с *несчастьем*, в то время как *радость*, ее противоположность, непременная спутница *благополучия*, *счастья*.

Так концепт «Беспокойство» – через *печаль* и *несчастье* и их антонимы *радость* и *счастье* – оказывается более содержательно связан с концептом «Покой».

«На свете счастья нет, но есть покой и воля», – читаем у Пушкина в знаменитом «прощальном» стихотворении «Пора, мой друг, пора!» [12, с. 315]. Отвергая счастье как простую удовлетворенность жизнью, как чувство глубокого довольства и радости, поэт характеризует Счастье как Покой. Что же это – *покой*?

Покой, в словарном толковании, – «состояние тишины, отдыха, бездельности, отсутствие беспокойства» [10, с. 550]. Заметим, что это определение через отрицание: «отсутствие *беспокойства*», – и спросим: можно ли достичь этого состояния, если от Беспокойства практически невозможно избавиться? Даже если не само Беспокойство как таковое, – целый комплекс других эмоций и переживаний отравляет человеческую жизнь: то Тревога и Печаль, то Страх и Грусть – составные части этого комплекса – преследуют человека. Прекратить существование Беспокойства можно, лишь прекратив существование человека. Так обретение Покоя становится следствием и квазисинонимом смерти. Эту мысль доказывает сам язык: одним из однокоренных слов к *покою* является *покойник* – «умерший, мертвый человек, мертвец» [Там же].

Однако смерть бывает как *физическая*, так и *духовная*. И в первом, и во втором случае можно говорить о *перерождении*. Если человек прекратил свое существование в реальном материальном мире, то наполнение концепта «Покой» таково: он может символизировать Рай, достижение человеком состояния безмятежности и воссоединения с Богом, либо может предстать отдельной частью пространства, нишей в системе бытия, находящейся между Раем, Адом и Землей.

В «Исповеди» блаженного Августина (кн. I, гл. 1), в обращении к Господу говорится: «... Ты создал нас для Себя, и душа наша дотеле томится и не находит себе покоя, доколе не успокоится в Тебе» [1, с. 414]. Здесь «беспокойный» человек – человек, «ищущий пути к Богу», надеющийся соединиться с Ним после смерти. Покой в данном случае представляется картиной воссоединения, фон которой – Рай.

В романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» причины воздаяния Покоем, который главные герои получают после физической смерти, иные. «Он не заслужил света, он заслужил покой [2, с. 350]», – печально говорит

Левий Матфей о Мастере. Почему он «не заслужил» Рая и единения с Богом? Во-первых: «Мастер исполнил свой Долг лишь наполовину: Судьбу Христа постиг и рассказать о ней сумел, но сохранить в себе Волю, жажду творчества – неостало сил» [3, с. 132]. Во-вторых, герой не смог противостоять воздействию тоталитарной системы, впал в глубокую депрессию и поддался негативным эмоциям: «...нашла на меня тоска и появились какие-то предчувствия. <...> Второй стадией была стадия удивления. <...> А затем, представьте себе, наступила третья стадия – страха [2, с. 142]». Наконец, он утратил интерес к жизни, опустил руки и предпочел переложить ответственность на волю Судьбы: «Не надо задаваться большими планами, дорогой сосед, право! Я вот, например, хотел объехать весь земной шар. Ну, что же, оказывается, это не суждено [Там же, с. 147]». Таким образом, «это “не суждено” оказывается доминантой психологического состояния и одновременно (и потому) основной виной Мастера, неверным выбором пути» [3, с. 134].

Противоположность Мастеру – Маргарита, из любви к герою идущая на соглашение с Воландом, повелителем Тьмы. Она сражается за свое счастье и до последнего сохраняет веру в лучшее. Именно ради Мастера, выбирая Покой, уходит из жизни. «Смотри, вон впереди твой вечный дом, который тебе дали в награду. Я уже вижу венецианское окно и вьющийся виноград, он подымается к самой крыше. Вот твой дом, вот твой вечный дом. Я знаю, что вечером к тебе придут те, кого ты любишь, кем ты интересуешься и кто тебя не встревожит. Они будут тебе играть, они будут петь тебе, ты увидишь, какой свет в комнате, когда горят свечи. Ты будешь засыпать, надевши свой засаленный и вечный колпак, ты будешь засыпать с улыбкой на губах [2, с. 372]», – именно так выглядит Покой героев в глазах Маргариты. Это не рай, не ад и не иная Земля, но некое параллельное измерение, другое пространство.

Так в литературных произведениях может трактоваться Покой, наступающий после физической смерти человека. После *духовной смерти*, которая, скорее, *перерождение* и чаще всего трактуется как *жизненные изменения*, приходит Покой иного рода.

Характерный пример – буддийской философия, как она охарактеризована в книге «Введение в индийскую философию» С. Чаттереджи и Д. Датты. Буддийский Покой – достижение состояния *нирваны* не после смерти, а после *просветления*. «Покой нирваны выходит, если можно так выразиться, за пределы земных радостей и страданий. Нирвана – состояние безмятежности, невозмутимости и бесстрастного самообладания, ее невозможно объяснить понятиями обычного, повседневного опыта» [14, с. 115]. Нирвана не означает прекращения всякого существования – она означает прекращение перерождений и будущих страданий. Поэтому ее необходимо отнести к типу Покоя, получаемого после *духовной смерти*.

Покой иного рода, не связанный с какой-либо религией, но относящийся к результату *перерождения*, проиллюстрирован в стихотворении

Д.Г. Лоуренса «Корабль смерти». «Нет, давайте говорить о покое, / который мы знаем, который чувствуем – / о глубоком чудесном покое сильного сердца! / Как достичь такого покоя? [Лирический герой задается вопросом, на который находит танатологический ответ:] Надо построить корабль смерти! / Ведь нам предстоит длинный путь / к забвению. // Наша смерть будет долгой и болезненной, / Она отделит наше старое “я” от нового» [9]. Духовный мир героя претерпел изменения, а сам он стал другим человеком, «обновленным собой», и, пройдя стадию *Покоя-забвения*, вступил в новую жизнь. Строки, рефреном формирующие кольцевую композицию произведения, звучат как призыв к совершенствованию себя: «Вы уже построили свой корабль смерти? / Спешите! Он вскоре вам понадобится» [Там же]. Изменений не избежать, они необходимы, и к ним надо подготовиться заранее.

Таким образом, Покой – концепт, непосредственно относящийся к танатологии. Он бывает разных видов и зависит от характера смерти, которая, в свою очередь, может быть и прекращением существования человека в материальном мире, и его духовным перерождением.

Список литературы

1. Августин Блаженный. Об истинной религии. Теологический трактат. Минск: Харвест, 2011. 1280 с.
2. Булгаков М.А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. Мастер и Маргарита. Письма. М.: Худож. лит., 1990. 734 с.
3. Волков В.В. Основы филологии. Антропоцентризм, языковая личностность и прагматилистика текста: курс лекций. Тверь, 2013. 147 с.
4. Волков В.В., Волкова Н.В. Рассказ А.П. Чехова «Архиерей» в контексте русской литературной танатологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12–2 (42). С. 51–54.
5. Волков В.В., Волкова Н.В. Рассказ А.П. Чехова «Черный монах» в контексте русской литературной танатологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8–2 (50). С. 32–35.
6. Зеленский В.В. Толковый словарь по аналитической психологии. М.: Когито-Центр, 2008. 336 с.
7. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2007. 464 с.
8. Конт-Спонвиль А. Философский словарь. М.: Этерна, 2012. 752 с.
9. Лоуренс Д. Г. Корабль смерти [Электронный ресурс] // Английская поэзия. URL: <http://www.eng-poetry.ru/Poem.php?PoemId=1424>. (Дата обращения: 16.12.2015.)
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. 944 с.
11. Пермяков Н.К. Танатология // Малая медицинская энциклопедия: в 6 т. / Гл. ред. В.И. Покровский. Т. 5. М.: Медицина, 1996. С. 563.
12. Пушкин А.С. Собр. соч. : в 10 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1974. 688 с.

13. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Рус. яз., 1981. 696 с.
14. Чаттереджи С., Датта Д. Введение в индийскую философию. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 376 с.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КОНЦЕПТА «ВЕРА» В СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

А. В. Некрасова

Тверской государственный университет
кафедра русского языка

Предметом настоящей статьи является выявление особенностей представления лексического значения слова *вера* в этимологических, толковых и православных словарях русского языка. Сопоставление толкований слова *вера* в словарях и значений слова *вера*, выявленных в произведениях Н.В. Гоголя, позволяет расширить знания об этом культурном и языковом явлении и сделать некоторые выводы о специфике авторского понимания данного концепта.

Ключевые слова: вера, лексикография, этимологический словарь, православный словарь, толкование, лексическое значение, концепт.

В «Словаре русской культуры» Ю.С. Степанова *вера* представляется как концепт, то есть компонент одного из основополагающих явлений русской культуры. Исследования последних лет показывают, что подлинно духовный концепт «Вера» возникает более на основе концепта «Доверие», нежели на основе языческих представлений об обращении к божеству с молитвой, просьбой жертвой и т. д., хотя это тоже имеет место. «Вся религия русская, – пишет Степанов, – оказывается по ту сторону гроба» [16, с. 390–391].

Русский человек обращается к Богу, когда смертные начала в нем берут верх над силами жизни, и здесь Степанов, описывая *веру* в современном русском быту, ссылается на высказывание В.В. Розанова: «...В юности и мужестве русские не посещают храмов, учащиеся часто кошунствуют в них. Но вот эти самые кошунствующие люди переходят за 50-летний возраст. Приходят болезни, давно наступили семейные тягости. Богатство или утеряно (частый случай у непрacticных русских, у расточительных русских), или не приобретено – как рассчитывалось в молодости. Дети уже поднялись и, заботясь о себе, мало думают о родителях. Семейная жизнь не крепка и не красива у русских, кроме исключительных случаев. Итак, богатства – нет, слава – не нужна, дети – похолодели. В этом возрасте человек чувствует себя одиноким, ненужным, лишним. Вдруг, зайдя случайно в храм, он находит здесь все родным себе, в высшей степени понятным, страшно нужным. Храм точно и ожи-

дал этих его 50 лет, и еще лучше – 60; ожидал его болезней, сгорбленности, бедности, покинутости родными и друзьями; храм принимает его как друга, как родного, принимает с бесконечной нежностью, заботою, всепрощением за прошлую неправильную жизнь» [16, с. 390].

Для исследования слова *вера*, помимо представления данного концепта в словаре констант Ю.С. Степанова, нами были рассмотрены и проанализированы различные словарные материалы.

Толковые словари, содействуя обогащению русского языка, утверждая способность слов участвовать в литературной речи, определяют и нормы употребления слов – смысловые, грамматические, стилистические производительные. М.В. Панов в 1994 году в предисловии к «Толковому словарю русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова писал: «Есть в высшей степени достойная отрасль нашей отечественной культуры – толковые словари русского языка. Толковый словарь – одноязычный: слова русского языка истолковываются по-русски. Зачем нужен такой словарь? Для того, чтобы существовал русский язык как язык культуры, с четкими, строгими нормами, с закономерной гибкостью этих норм, чтобы он мог нести от поколения к поколению свои богатства, умножая и совершенствуя их» [17, т. 1, с. III].

«Беспримерный в истории лексикографии, плод героического труда» [Там же, с. V] – словарь В.И. Даля, «праздничная, разукрашенная многопалубная расшива», не является нормативным, однако дает читателю информацию о народном быте, поверьях, приметах, а в этом смысле и основание для сопоставления определений понятий, которыми в православной традиции принято обозначать «грехи» и «добродетели». В словаре В.И. Даля *вера* определяется как «*уверенность, убеждение, твердое сознание, понятие о чем-либо, особенно о предметах высших, не вещественных, духовных*»; «*совокупность учения, принятого народом, вероисповедание, исповедание, закон (Божий, церковный, духовный), религия, церковь, духовное братство*»; «*уверенность, твердая надежда, упование, ожидание*»; «*сев. охота, желание, намерение, стремление*» [9, с. 331–332]. (Здесь и далее все текстовые иллюстрации выделены курсивом мною. – А.Н.). Отмечается, что нет веры женщине («*Ни голу, ни волосу не верь*») и между поколениями («*Молодой старому не верит и наоборот*») [Там же, с. 332].

В словаре Д.Н. Ушакова серьезное внимание уделяется как различию между значениями разных слов, так и смысловым оттенкам внутри слова. У Ушакова *вера* – «*состояние сознания верующего, религия (книжн.)*; *убеждение в реальном существовании предметов религии или фантазии, а также в истинности того, что не доказано с несомненностью*; *доверие (офиц. устаревшее)*» [17, с. 248–249].

Одним из наиболее популярных является «Словарь русского языка» С.И. Ожегова, составленный на основе ушаковского четырехтомника. Позднее в словаре была сделана установка на строгую нормативную сторону языка;

уточнены значения синонимических слов в связи с изменением стилистических оценок слов; включены термины и слова живого разговорного языка; пополнена фразеология. *Вера*, по Ожегову, есть «убеждение, уверенность в чем-нибудь; убеждение в существовании Бога, то же, что религия» [14, с. 72].

«Новый словарь русского языка» Т.Ф. Ефремовой, ставя прикладную задачу единой лексикографической базы, отличается от уже имеющихся нетрадиционным по составу единиц словником и наложением и преобразованием информации о семантике единиц двух языковых уровней: слов и морфем, производящих эти слова. Словарь Т.Ф. Ефремовой дает следующие толкования слова *вера*: «Признание чего-л. истинной силой, превосходящей силу аргументов, фактов и логики; убеждение в реальном существовании предметов религии или фантазии, а также в истинности того, что не доказано с несомненностью; твердое убеждение в неперенном осуществлении, неизбежности чего-либо предстоящего»; кроме того, это «состояние сознания верующего, религия; определенное религиозное учение, вероисповедание; перен. направление в общественной жизни, науке, искусстве» [10, с. 158].

Толкования в словаре В.А. Воронцова весьма необычны, в значительной мере отличаются от официальных эмоциональностью, ироничностью, парадоксальностью, дополняют толкования академических словарей. *Вера* трактуется как «зашоренный разум; добровольный отказ даже от попытки понять суть вещей; защита души от мерзостей жизни» [3, с. 17].

К числу авторитетных этимологических словарей нашего времени принадлежит «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера, где дается сводка главным образом зарубежных этимологических исследований русской лексики по состоянию на 1960 год. Так, у Фасмера *вера* связана с д.-в.-н. *waga* ж. «правда, верность, милость», др.-исл. var «обет, торжественное обещание», д.-в.-н. *wag* «правдивый, верный», др.-ирл. *fir* «правдивый, истинный», лат. *verus* «истинный, правдивый», гот. *tuzwerjan* «сомневаться», *unwerjan* «досадовать» [18, с. 292-293].

«Школьный этимологический словарь русского языка» Н.М. Шанского, в силу своей «учебности», не дает развернутой этимологической характеристики, предлагает только те толкования, которые разделяются авторами или им принадлежат. В данном словаре *вера*, скорее всего, суф. производное от той же основы, что и лат. *verus* «любовь», готск. *wēns* «надежда»; первоначальное значение – «истина, правда > клятва, присяга» (в верности, истинности), затем – «вера, уверенность» [20, с. 36].

Исследование лексики духовной сферы не может не опираться на данные православных толково-энциклопедических словарей. Например, словарь православной церковной культуры Г.Н. Складневской содержит толкования основных православных понятий, сведения о происхождении слов, об их употреблении в составе речений и цитат из религиозной, художественной и публицистической литературы. В словаре находим четыре определения *веры*: «не требующая доказательств уверенность в существовании Бога, создав-

шого мир и поддерживающего духовную связь с людьми»; «безусловное признание догматов религии, религиозных преданий и обрядов»; «непосредственное, личное отношение к Богу, доверие и любовь к Нему»; «вероисповедание» [15, с. 86–87].

В «Иллюстрированной православной энциклопедии» В.М. Воскобойникова *вера* – «состояние сознания, признающее какое-либо явление истинным и не требующее для этого внешних доказательств; классическое для христианства понятие веры, как отмечается в словаре, дал апостол Павел в Послании к евреям: “Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом” (11:1); уверенность в реальном существовании Бога и доверие к Нему» [5, с. 58].

«Православный словарь» Я. Шипова толкует *веру* как «уверенность в реальном существовании Бога и доверие к Нему; основной признак религиозного сознания; вера определяет переживания и поведение верующих» [21].

Интересный материал для анализа явления *веры* дает словарь синонимов Н.А. Абрамова: «*Вера* – это вероисповедание, закон, исповедание, религия, верованье, убеждение, правоверие, православие, ересь; доверие, кредит, уверенность»; возможно, противоп. «*сомнение*» [1, с. 54–55].

В словаре пословиц и поговорок В.И. Зими́на находим о *вере* следующее: «Доверяй, но проверяй»; «Не всякому пророку верь»; «Не всякому верь, закрывай покрепче дверь»; «Не верь слезам волка»; «Москва слезам не верит»; «Не верь улыбке врага»; «не внушает доверия»; «Не доверяй козлу капусту охранять»; «Первый апрель – никому не верь»; «Не доверяй другу часы, велосипед и жену»; «Фома неверующий»; «Блудливая свекровь и честной снохе не верит» («Знать сама свекровушка в молодости грешила, коль и честной снохе не верит»); «Русский человек глазам не верит – дай пощупать»; «Не веришь нам – отдавай сам»; «Не веришь повару – сам иди по воду» [11, с. 39–40]. Обобщая их содержание, можно сделать вывод, что в представлении русского народа о жизни есть некая осторожность, нежелание принимать на веру все, что находится в поле зрения, сразу, безоговорочно, необходимо проверять информацию. Иными словами, присутствует мотив недоверия людям.

Часть русских пословиц отражает необходимость веры в Бога как гарантию защиты в этой жизни и на том свете: «С верой нигде не пропадешь»; «Без веры живут на этом свете, а на том не проживешь»; «Вера и гору с места сдвинет»; «Без веры господь не избавит, без правды господь не исправит»; «Какова вера, таков у ней и бог»; «Все под одним богом ходим, хоть и не в одного веруем» [8, с. 88–94]; «Вера животворит»; «Вера горами движет»; «Вера спасает» [12, с. 96–124]. Однако вера должна подтверждаться добрыми намерениями и делами, сравним: «Без добрых дел – вера нема перед богом»; [8, с. 88–94]; «Без веры и дел молитвы Бог не примет»; «Вера без дел мертва»; «Веру к делу применяй, а дело – к вере»; «Иди с верой, а не с мерой»; «Кто сегодня соврал, тому завтра нет веры»; «Не спасет вера, а спасет добро дело»;

«Хороша вера у дела» [12, с. 96–194]. Вера как исповедание – дело серьезное и ее перемена не приветствуется: «Менять веру – менять и совесть»; «Веру переменить – не рубаху сменить» [Там же, с. 110–111]. В представлении о необходимости веры в Бога есть и расхождения, связанные с добыванием хлеба насущного – пропитания: «Вера верой, а деньги деньгами» или «Молитвой сыт не будешь», «От амина не прибудет» [Там же, с. 110–112].

Сравним также русские крылатые выражения о *вере*. «Блажен, кто верует, тепло ему на свете». (Хорошо человеку, который уверен в чем-либо: *Говорят обычно иронически о людях, которые без достаточных оснований верят в то, что другим представляется маловероятным*: А.С. Грибоедов «Горе от ума», 1824 г., д. 1, явл. 7 [19, с. 152]). «Свежо предание, а верится с трудом». (Новость интересная, обычно приятная, но поверить в нее трудно: *Говорится как выражение недоверия к какому-либо сообщению*: А.С. Грибоедов «Горе от ума», 1824 г., д. 2, явл. 2 [Там же, с. 207]). Очевидно, что наличие веры во что-либо успокаивает, делает жизнь более комфортной.

Н.В. Гоголь «был православным христианином, исполняющим все церковные установления» [5; 42–43]. В «Правилах жития в мире» писатель отмечал: «Начало, корень и утвержденье всему есть любовь к Богу» [7]. Как через ранние, так и через поздние произведения Гоголя закономерно проходит тема *веры*, еще обозначенной «религиозным настроением» [13, с. 1496]. В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» есть указание на «свою» – «чужую» веру: «Слышал ли ты, что повыдумали проклятые немцы? Скоро, говорят, будут курить не дровами, как все честные христиане, а каким-то чертовским паром» [6, с. 45]. В повести «Тарас Бульба» раскрывается значение веры: «Известно, какова в русской земле война, поднятая на веру: нет силы сильнее веры. Непреборима и грозна она, как нерукотворная скала среди бурного, вечно изменчивого моря <...>. И горе кораблю, который нанесется на нее!» [Там же, с. 219]. В «Петербургских повестях» появляется мотив «мнимой веры»: «Нос спрятал совершенно лицо свое в большой стоячий воротник и с выражением величайшей набожности молился» [5, с. 302], а в «Ревизоре» кощунственное оправдание воскресным посещением церкви неблаговидных поступков: «Г о р о д н и ч и й. Зато вы в Бога не веруете; вы в церковь никогда не ходите; а я по крайней мере в веру твердо и каждое воскресенье бываю в церкви. А вы...» [6, с. 419].

Молитва в «Мертвых душах» способна творить чудеса: «Да что же по нашим силам? – сказал Муразов. – Ведь ничего нет по нашим силам. Все выше наших сил. Без помощи свыше ничего нельзя. Но молитва собирает силы. Перекрестясь, говорит человек: «Господи помилуй», – гребет и доплывает до берега. Об этом не нужно и помышлять долго; это нужно просто принять за повеленье Божие» [Там же, с. 706–707]; «Бывали такие подчас тяжёлые времена, что другой давно бы на его <Хлобуева> месте повесился или застрелился; но его спасало религиозное настроение; которое странным образом совмещалось в нем с беспутною его жизнью. В эти горькие минуты

читал он жития страдальцев и тружеников, воспитывавших дух свой бытие превыше несчастий. Душа его в это время вся размягчалась, умилялся дух, и слезами исполнялись глаза его. Он молился, и – странное дело! – почти всегда приходила к нему откуда-нибудь неожиданная помощь...» [Там же, с. 697]. Наконец, в «Выбранных местах из переписки с друзьями» в крепости писатель уповает лишь на Бога: «У Бога можно все вымолить, даже и крепость, которую, как известно, никакими средствами не может достать бессильный и слабый человек» [Там же, с. 1062].

Анализ статей из словарных источников и произведений Н.В. Гоголя позволяет выявить специфику понимания *веры* духовным писателем и проповедником православия Н.В. Гоголем и может послужить материалом для составления Словаря Гоголя (подробнее о принципах и методах анализа лексического материала и о составлении словаря писателя см: [2]).

Список литературы

1. Абрамов Н.А. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Русские словари, 1994. 524 с.
2. Алексеева Я.В., Ерохин В.Н. Теоретические основы создания «Словаря языка М.Е. Салтыкова-Щедрина» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 3. С. 154-158.
3. Воронцов В.А. Толковый словарь афористических определений. М.: Культура, 2011. 158 с.
4. Воропаев В.А. Ко Христу зыскующее сердце // Русский Дом. 2012. № 3.
5. Воскобойников В.М. Иллюстрированная православная энциклопедия: Толкование символов и обрядов. Описание главнейших православных святынь. М.: Эксмо, 2010. 288 с.
6. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Альфа-книга, 2009. 1231 с.
7. Гоголь Н.В. Правило жития в мире [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия «Азбука веры». Художественная литература. URL: <http://azbyka.ru/fiction/pravilo-zhitiya-v-mire/>. (Дата обращения: 02.09.2012.)
8. Даль В.И. Пословицы русского народа. СПб.: Авалон, Азбука-классика, 2007. 304 с.
9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. М.: ТЕРРА, 1995. 800 с.
10. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000. 1209 с.
11. Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 736 с.
12. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Народная мудрость. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. 416 с.

13. Некрасова А.В. Языковые средства, репрезентирующие «грех» и «добродетель», в произведениях Н.В. Гоголя // В мире научных открытий. 2015. № 3.3 (63). С. 1493–1501.
14. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: ОНИКС 21 век : Изд-во «Мир и Образование», 2004. 896 с.
15. Скларевская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. М.: Астрель: АСТ, 2008. 447 с.
16. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.
17. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Русские словари, 1994.
18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 1. М.: Прогресс, 1986. 576 с.
19. Фелицина В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь. М.: Рус. яз., 1979. 240 с.
20. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка: Значение и происхождение слов. М.: Дрофа; Русский язык, 1997. 400 с.
21. Шипов Я.С. Православный словарь. М.: Современник, 2000. 271 с.

СТРУКТУРА СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ, ПОСВЯЩЁННОЙ ПРОИЗВОДНЫМ ПРЕДЛОГАМ, В «СЛОВАРЕ ЯЗЫКА М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА»

И. Л. Попова

Тверской государственный университет
кафедра русского языка

Статья посвящена особенностям описания производных предлогов в «Словаре языка М.Е. Салтыкова-Щедрина». Подробно рассматривается структура словарной статьи, учитывающей функционально-грамматические, семантические, сочетательные, стилистические и эстетические особенности производных предлогов, функционирующих в художественных и публицистических произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Ключевые слова: авторская лексикография, словарь языка писателя, словарная статья, идиостиль, производный предлог.

Словарь языка М.Е. Салтыкова-Щедрина задумывался как серия полных толковых словарей по отдельным художественным произведениям писателя. Принцип полноты словаря языка писателя, сформулированный Б.А. Лариным,

признан оптимальным в современной авторской лексикографии. В соответствии с этим принципом в словник писательского словаря необходимо включить все языковые единицы, отмеченные в художественном тексте, в том числе служебные, и представить их исчерпывающую семантическую, грамматическую и стилистическую характеристику [4, с. 4–11; 5, с. 217]. Хотя нередко служебные слова в писательской лексикографии определяют как «упаковочные средства» – «безразличный материал, который никак не входит в индивидуальную систему (стиль) данного писателя» [10, с. 269].

Позволим себе не согласиться с данной точкой зрения, особенно в отношении производных предлогов. Во-первых, языку любого художественного произведения свойственна творческая организация: каждое слово употреблено в соответствии с авторским замыслом и выбрано из целого ряда синонимических средств, что обуславливает его эстетическую значимость. Во-вторых, необходимо отметить и ту важную роль, которую играют производные предлоги в идиостиле М.Е. Салтыкова-Щедрина, с именем которого связана целая эпоха в развитии русского литературного языка.

Во второй половине XIX в. огромное влияние на язык художественной литературы оказывают письменно-книжные стили, находившиеся в тесном взаимодействии с официальным, канцелярским языком. Наиболее ярко эта связь (обычно в своеобразной пародийной и сатирической интерпретации её) отразилась в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина [1, с. 225]. Элементы письменно-книжных стилей официально-документального характера (канцеляризмы), по мнению А.И.Ефимова, оказались для М.Е. Салтыкова-Щедрина «золотоносной жилой» [3, с. 114]. Это, во-первых, был ещё малоосвоенный в художественной литературе материал, который, судя по практике писателя, таил в себе большие возможности в смысле оживления характера и приёмов повествования, развития синтаксических конструкций. Во-вторых, канцеляризмы выступали в качестве средств сатиры, индивидуализируя, таким образом, стилистическую манеру писателя. При этом производные предлоги, особенно отымённые (восходящие к именам существительным), являются неотъемлемой частью синтаксической системы документального стиля, так как используются в шаблонах и специфических оборотах официально-документального характера. Примеры из произведений М.Е. Салтыкова-Щедрина: *устройство обстановки в видах расторжения брака* [7, т. 15-1, с. 52]; *принять решение ввиду полученного известия* [7, т. 13, с. 8]; *существенное в деле освобождения крестьян* [7, т. 5, с. 111]; *остановиться в заключение настоящего ответа* [7, т. 5, с. 129]; *выразившейся в лице пристава Афанасьева* [7, т. 5, с. 67]; *возникли вследствие обнародования законоположения 19 февраля* [7, т. 5, с. 134] и др.

Можно говорить о своеобразии эстетической функции производных предлогов в художественных произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина, которая обусловлена двумя основными характеристиками. Прежде всего, отмечается использование предлогов в тексте со специальным стилистическим

заданием при социально-речевой стилизации, а чаще при одном из самых распространённых её видов – пародировании: а) слога официально-канцелярских документов, бумаг, прошений и т.д. Например, *Указ «О необходимости оглушения в смысле временного усыпления чувств»*; *Оправдательный документ: «Мысли о градоначальническом единомыслии, а также о градоначальническом единовластии и о прочем»*. Градоначальник никогда не должен действовать иначе, как **через посредство** мероприятий. Всякое его действие не есть действие, а есть мероприятие [7, т. 8, с. 426]; *Устав «О благопристойном обывателей в своей жизни поведении»*, ст. 18-я. Проходя мимо памятников, надлежит, замедлив шаги, изобразить на лице восторженность. Если же, **по причине** охлаждения лет или **вследствие** долговременной и тяжёлой болезни, восторженность представляется трудно достижимою, то заменить оную простою задумчивостью [7, т. 15-1, с. 105]; б) бюрократического склада речи и мысли персонажей как средство их речевой характеристики: *За то, что ты с первого моего слова не остановился, вот тебе моё решение: приговариваю я тебя к лишению живота **посредством** растерзания* [7, т. 16-1, с. 35]; *Я столько времени вращался исключительно в сфере съестных припасов, что самое понятие о душе сделалось совершенно для меня чуждым* [7, т. 15-1, с. 26].

Однако особенность функционирования производных предлогов в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина заключается ещё и в том, что сатирик использовал их не только в пародийных целях. Синтаксис авторского повествования заметно насыщен канцеляризмами, которые употребляются не в пародийном плане и не по мотивам сюжетного порядка, а на правах «общепринятых средств литературного выражения» [3, с. 108]. В подтверждение этого можно привести следующие примеры: *В последнее время, **по случаю** возникновения запроса на так называемых «свежих людей»... примеры подобных удачливых семей начали прорываться довольно часто* [7, т. 13, с. 252]; *Мысль, которую мы намерены предложить **в видах** достижения этой цели, не новая и была уже частично применена **в отношении** к судебным следователям* [7, т. 5, с. 107]. Таким образом, представляется вполне обоснованным включение производных предлогов в словник словаря языка М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Комплексный анализ предложных новообразований, функционирующих в языке М.Е. Салтыкова-Щедрина, выявил необходимость создания особой словарной статьи для их описания в полном толковом словаре языка писателя, которая должна отражать категориально-семантические, синтаксические и функционально-стилистические особенности этого разряда служебных слов, подтверждённые достаточным количеством иллюстративных примеров, и содержать информацию о всех случаях употребления анализируемых предлогов в художественных и публицистических произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Словарная статья для описания производных предлогов в словаре языка М.Е. Салтыкова-Щедрина имеет следующую структуру:

1. **Заголовочное слово.** Углублённый функционально-грамматический анализ производных предлогов свидетельствует о том, что предложные ново-

образования, состоящие из двух и более элементов, обладают большинством признаков слова: целостностью значения, выделяемостью в тексте, сочетаемостью с другими словами, грамматической оформленностью, поэтому они могут рассматриваться в качестве своеобразного единства и выноситься в заголовки.

2. Грамматическая характеристика.

Грамматическая характеристика производных предлогов в словаре предполагает, прежде всего, классификацию в соответствии с частеречной принадлежностью, которая опирается на степень завершенности препозиционализации в каждой предложной единице. В соответствии с нашей классификацией выделяются четыре группы предложных образований, снабжённые в словарной статье специальными пометами:

1) предлог (**Предл.**) – наиболее частотные единицы, утратившие парадигматические связи и черты синтаксической близости со знаменательным словом, как правило, цельноформленные (посредством, вследствие, насчёт, ввиду, вроде, вместо, в течение и др.): *Вместо прежнего буйства и плясок наступила могильная тишина* [7, т. 8, с. 394]; *Евпраксийюшка начала видеть в Арине Петровне что-то вроде заступы* [7, т. 13, с. 186];

2) аналог предлога (**Ан. предл.**) – используются преимущественно в предложно значении, функционируют в условиях двусторонних синтаксических связей, обладают категориальным значением релятивности, однако им свойственны некоторые ограничения в употреблении синтаксического и стилистического характера (в видах, в виде, во время, во имя, в пользу, в случае, в смысле, по поводу, по случаю и др.). Ср.: *Во время разговора купцов он (Праздношатающийся) сначала прислушивается, а потом незаметным образом впадает в их речь* [7, т. 2, с. 209] и *Я даже заметил, что во всё время нашего разговора он отворачивал лицо своё* [7, т. 2, с. 350] – во втором примере происходит ослабление предложного значения за счёт возможности именного компонента употребляться в сочетании с согласованным определением;

3) предложно-именное сочетание в значении предлога (**В знач. предл.**) – эти сочетания отличает нерегулярность использования в предложном значении, в исследуемом материале случаи их употребления единичны (*в деле, в заключение, в лице, в мере, в результате, в числе, в силу, в сопровождении* и др.), хотя в более поздний период количество «предложных» употреблений этих единиц резко возрастает и можно говорить о завершении препозиционализации в каждом из них. Подтверждение этому находим в «Словаре структурных слов русского языка», в котором названные единицы описаны как полностью сформировавшиеся предлоги [8, с. 410-412];

4) сложносоставной предлог (**Сл. сост. предл.**) – как правило, трёхчленные единицы (*в отношении к, в согласности с, в сравнении с, по направлению к, по отношению к*), употребляются в составе застывших глагольно-именных оборотов, являются своего рода грамматическими фразеологизмами.

3. Семантическая характеристика.

Семантическая характеристика складывается с учётом значения предлога, его релятивных и сочетательных возможностей. Специфика семантики предлогов проявляется в особенностях соотношений лексического и грамматического значений. У предлога лексическое значение тесно связано с грамматическим, в его основе лежит релянта – способность к выражению различных связей и отношений. Вслед за Е.Т. Черкасовой мы выделяем у предлогов общее лексическое значение, присущее всем предлогам, составляющим однородную функционально-смысловую группу, например, предлоги с общим причинным значением: *ввиду, вследствие, по причине* и др. – или временным: *в течение, в продолжение, во время*; и частным, индивидуальным, которым данный предлог отличается от других предлогов той же самой функционально-смысловой группы [9, с. 9–11]. Ср.: общее значение выражения целевых отношений свойственно и предлогу *на предмет*, и предлогу *с целью*, однако частным лексическим значением предлога *с целью* будет указание на общую целевую направленность действия (для чего-либо): *Точно то же следует сказать и о всяком походе, предпринимается ли он с целью покорения царств или просто с целью взыскания недоимок* [7, т. 8, с. 349]; в то время как индивидуальное значение предлога *на предмет* будет несколько иным: указание на назначение чего-либо, то есть объектно-целевое: *Путевой журнал экспедиции, снаряжённой 1-ой гильдии купцом Парамоновым на предмет открытия заравианского университета* [7, т. 15-1, с. 176].

Поскольку предлоги являются средствами грамматической связи лексических единиц языка, нельзя не принять во внимание тот факт, что выявление и описание их значений невозможно вне синтаксических конструкций, в построении которых они участвуют. Учитываются синтаксический (ближайший) контекст – непосредственное вербальное окружение данной языковой единицы, и широкий контекст – условия, особенности употребления в речи данной языковой единицы, связанные с различными историческими, социальными, ситуативными и др. факторами и позволяющие раскрыть ситуацию, в которой реализуется данное сочетание.

4. Стилистическая характеристика.

Производные предлоги неоднородны в стилистическом отношении и могут быть расклассифицированы с учётом функционально-экспрессивной стилистической маркированности. [6, с. 78–93]. Стилистическая дифференциация производных предлогов, употребляющихся в художественных и публицистических произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина, предполагает выделение четырёх групп. Стилистические пометы в Словаре языка М.Е. Салтыкова-Щедрина, отражающие стилистическую маркированность производных предлогов, соответствуют этим функционально-стилистическим группам. Отметим, что стилистические пометы в писательском словаре ставятся после цитаты в качестве пояснения к ней. Большая часть анализируемых образований принадлежит книжной лексике. Здесь выделяются предлоги, преимущественно упо-

требляющиеся в официально-деловом стиле (**Офици.**) (*в деле, в противность, в случае, в согласность, на основании, на предмет, при посредстве* и др.): *На спрашивание же вашего высокоблагородия о том... могу ли я, в случае присылки новой головы, оную утвердить... отвечать сим честь имею* [7, т. 8, с. 288]; **На основании Положения о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях, в каждой губернии учреждается особое губернское присутствие** [7, т. 5, с. 109] и так называемые «обшечкнижные» предлоги, характерные для письменной речи (**Книжн.**) (*в видах, в знак, в мере, в направлении, в результате, в силу, вследствие, в смысле, по мере, по отношению к* и др.): *На другой день пожар уничтожился сам собою вследствие недостатка питания* [7, т. 8, с. 328]; *И это стремление заметно не только в сфере литературы и науки* [7, т. 5, с. 34]. Отмечены единичные случаи принадлежности производных предлогов разговорной речи (**Разг.**) (*насчёт, в смысле*): *Так как же, господин бригадир, насчёт хлеба-то?* [7, т. 8, с. 311] и просторечию (**Прост.**) (*заместо, заместь*): *Сделай ты мне такую куклу, чтоб я мог с нею заместо исправника разговаривать!* [7, т. 16-1, с. 100]. Межстилевые предлоги, без ограничений, наравне с непродуцированными употребляющиеся во всех стилях литературного языка, специальной пометы в словаре не имеют (*в течение, вместо, во время, в виде, в продолжение, вроде, в качестве* и др.).

5. Эстетическая функция.

Выше уже говорилось о важной роли производных предлогов в идиостиле М.Е. Салтыкова-Щедрина, поэтому в словаре языка этого писателя необходимо отмечать ту эстетическую функцию, которую выполняют эти единицы в его художественных произведениях – используются в качестве элементов стилизации, пародирования, речевой характеристики персонажей и др. Специальных помет для включения в словарную статью подобной информации нет, при необходимости используется описательный способ подачи данных сведений.

6. Иллюстрации.

Все значения производных предлогов в Словаре языка М.Е. Салтыкова-Щедрина сопровождаются цитатами из соответствующих произведений, которые определяются в соответствии с принципом полного контекста [2, с. 72], позволяющего выявить и описать контекстуальное значение предлога и его стилистическую функцию в художественном произведении, так как при различной реализации слова иллюстрация должна целостно раскрывать использованный автором художественный приём. При этом точно воспроизводится обстановка речи, указывается, кому принадлежит высказывание. На каждое значение предлога приводится не более трёх цитат, остальные контексты зашифровываются, при этом указывается общее количество словоупотреблений.

Примеры словарных статей:

Роман «Господа Головлёвы» [7, т. 13]

В лице (2), *в знач. предл.*, с Р. п. при именах прилагательных или образованных от них именах существительных с качественно-характеризую-

щим значением с именами существительными, обозначающими конкретное лицо. Служит для выражения объектно-определятельных отношений. Употребляется при указании на лицо, определяющееся по какому-либо качественному признаку. **Офф.**

Ночной погорелковский штат весь воплощался в лице хроменького мужичка Федосеюшки [Авт.]. *Спец. стил. задание*; Вам, милый друг маменька, посылается ещё новый крест, в лице двух сирот-малолеток [Иудушка]. *Речевая характеристика персонажа.*

В продолжение (10), *предл.*, с Р. п. с именами существительными, обозначающими действие или состояние как процесс, ограниченный во времени, или определённый промежуток времени. Служит для выражения временных отношений. Употребляется при указании на протяжённость действия во времени. ♦ В течение, на протяжении.

Они (Головлёвы) пользовались совместной жизнью в продолжение с лишком сорока лет [Авт.]; Подали чай, потом завтрак, в продолжение которого Арина Петровна всё жаловалась и умилялась сама над собой [Авт.]; В продолжение целого лета она (Аннинька) неуклонно пребывала на стезе добродетели [Авт.].

7: 22(14), 72(44), 102(40), 103(1), 130(42), 143(11), 243(12)

Роман «История одного города» [7, т. 8]

Вместо (10), *предл.*, с Р. п. с именами существительными, указывающими на человека, явление, которые заменяются кем или чем-нибудь другим. Служит для выражения отношений способа и образа действия. ♦ За.

Сверху, вместо неба, нависла серая солдатская шинель [Авт.]; Летописец везде, вместо слова «убеждение», ставит слово «норов»... [Авт.]; В Глупове был городничий, имеющий вместо головы простую укладку [Авт.].

7: 276(35), 286(31), 287(3), 305(33), 305(39), 316(37), 395(22)

По случаю (5), *ан. предл.*, с Р. п. с именами существительными отвлечённого значения (даты, знаменательные события, особые случаи). Служит для выражения причинных отношений. Употребляется при указании на причину какого-либо действия, на знаменательное событие, в связи с которым происходит какое-либо действие. **Книжн.**

Назначен был праздник по случаю переименования города из Глупова в Непреклонск [Авт.]; Как ни воспламенились сердца обывателей по случаю приезда нового начальника, но приём его значительно расколол их [Авт.]. *Спец. стил. задание*; В августе 1762 года в городе Глупове происходило необычное движение по случаю прибытия нового градоначальника [Авт.]

2: 352(35), 421(8)

Список литературы

1. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. М.: Высш. шк., 1981. 320 с.

2. Григорьев В.П. Словарь языка русской советской поэзии. М.: Наука, 1965. 223 с.
3. Ефимов А.И. Язык сатиры М.Е. Салтыкова-Щедрина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1953. 495 с.
4. Ларин Б.А. Основные принципы Словаря автобиографической трилогии М. Горького // Словоупотребление и стиль М. Горького. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. С. 3–11.
5. Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. Л.: Худож. лит., 1974. 283 с.
6. Попова И.Л. Отымённые предлоги в языке М.Е. Салтыкова-Щедрина (лексикографический аспект): Дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1998. 186 с.
7. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: в 20 т. М., 1965–1977.
8. Словарь структурных слов русского языка / Под ред. проф. В.В. Морковкина. М.: Лазурь, 1997. 420 с.
9. Черкасова Е.Т. Переход полнозначных слов в предлоги. М.: Наука, 1967. 280 с.
10. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 265–304.

КОНЦЕПТ «ТОСКА» В КОНТЕКСТЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ТАНАТОЛОГИИ (словарные и текстовые репрезентации)

В. В. Санаева

Тверской государственный университет

кафедра русского языка

В статье рассматриваются способы вербализации концепта «Тоска» в русском языковом сознании. Предпринята попытка установить взаимосвязь между концептами «Тоска» и «Смерть» в русской лингвокультуре, рассмотреть концепт «Тоска» в контексте литературной танатологии.

Ключевые слова: концепт, лингвоконцептология, концептосфера, лингвокультура, тоска, смерть, литературная танатология.

Развитие лингвистической концептологии – одно из ярких проявлений антропоцентрической направленности современной лингвистики [4]. В современной лингвокультурологии бытуют разные точки зрения на понятие концепта. Рассматривая тоску как лингвокультурный феномен, мы вслед за Ю.С. Степановым трактуем концепт как то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека; и как то, посредством чего человек – не «творец

культурных ценностей) – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее [12, с. 43]. Совокупность различных концептов формирует концептосферу.

Каждому этносу свойственна своя уникальная языковая картина мира, отражающая самобытность и богатство национальной культуры. Уникальность эта объясняется неповторимой работой каждой нации над осмыслением и эмоциональным освоением окружающей действительности. В русской языковой картине мира немало ключевых лингвистических концептов, связанных с ключевыми словами *дом, родина, семья, свобода, совесть, справедливость* и т. д. Представляется несомненным, что одним из базовых понятий именно русской культуры является лексема *тоска* и концепт «Тоска», широкая употребительность и многовариантные интерпретации которого позволяют говорить о его этномаркированности. Исследование этого концепта предполагает обращение как к словарным, так и к иным материалам гуманитаристики – как русским, так и, в целях сопоставления, зарубежным.

Изучением данного концепта занимались как западные, так и отечественные философы. К примеру, С. Кьеркегор писал: «Тот, у кого скорбь и забота, знает, что вызывает у него скорбь и заботу. Если же спросить тоскующего, что сделало его столь тоскливым, что его тяготит, то он ответит: этого я сказать не могу, это мне неизвестно» (цит. по: [3, с. 98]). По датскому философу, основное отличие тоски от скорби или заботы – беспредметность, отсутствие причины как таковой. Подобное отсутствие всяких свойств, по утверждению отечественного исследователя Л.В. Чесноковой, «...а также душевная пустота, незаполненность, лишенность смыслов являются признаками Ничто» [13, с. 197]. Тоска – страх перед Ничто.

Иная интерпретация тоски у французского философа Ж.-П. Сартра, ассоциирующего тоску со свободой: «В состоянии тоски я постигаю, что абсолютно свободен и что смысл в мир привносится только мною» (цит. по: [1, с. 107]). По Сартру, Ничто и есть «Я», свободно наделяющее мир смыслом, из чего следует, что тоска – это страх перед своим «Я» как Ничто. Суммируя позиции Кьеркегора и Сартра, получаем утверждение, что в западной версии экзистенциализма тоска неразрывно связана со страхом.

В отечественной философии одним из первых к концепту «Тоска» в своей обратился Н.А. Бердяев, посвятивший ему в своей «философской автобиографии» отдельный небольшой раздел. Его позиция, по нашему мнению, очень точно раскрывает своеобразие так называемой «русской тоски», тесно ассоциирующейся с тягой к запредельному, трансцендентному, к «высшему миру» и одновременно – с одиночеством перед лицом этого мира, ср., в частности, следующие фрагменты: «Нужно делать различие между тоской и страхом и скукой. Тоска направлена к высшему миру и сопровождается чувством ничтожества, пустоты, тленности этого мира. <...> Тоска по трансцендентному, по иному, чем этот мир, по переходящему за границы этого мира. Но

она говорит об одиночестве перед лицом трансцендентного»; «Страх и скука направлены не на высший, а на низший мир»; «Тоска, в сущности, всегда есть тоска по вечности, невозможность примириться с временем. В обращенности к будущему есть не только надежда, но и тоска. Будущее всегда в конце концов приносит смерть, и это не может не вызывать тоски» [2, с. 50-52].

Как видим, в этой трактовке экзистенциальная тоска резко противопоставляется страху и скуке по вектору направленности: тоска отражает устремленность души к высшему, страх и скука – «на низший мир».

Будучи эмоциональным концептом, концепт «Тоска» в высокой степени национально-специфичен, его контекстуальные и ассоциативные смыслы трудно поддаются вербализации, отличаются исключительным разнообразием [8], а словарные определения отличаются высокой степенью обобщенности и потому неопределенности. Так, по Словарю С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, тоска – это душевная тревога, уныние [10, с. 805], по В.И. Далю, тоска – стеснение духа, томление души, мучительная грусть, горе, нойка сердца [7, с. 653]. Далевское толкование восходит непосредственно к древнерусскому значению слова, поскольку в древнерусском языке *тоска* дефинировалась именно как физическое стеснение, неудобство, неудовлетворенность витальных потребностей.

Многие исследователи, пытаясь охарактеризовать русскую тоску, отмечают, что ее особенность кроется, прежде всего, в особенностях географии России, ср.: «Конечно, есть и тоска, связанная с теснотой, узами, заключением, но это скорее общечеловеческая мука несвободы, рабства. Та особая русская тоска, налетающая в дороге и знакомая всем, от ямщика до первого поэта, – есть дитя не тесноты, а именно приволья, ничем не прегражденного пространства. Это тоска не пленника, а странника» [14, с. 37]. Ассоциативный потенциал существительного *тоска* в русском «странническом» языковом сознании значителен, «просторен», подобно тому как обширны и привольны русские географические пространства. Так, по данным Н.А. Красавского, тоска уподобляется человекоподобным действиям (*охватить, овладеть* и т. п.). Тоска русскими мыслится понятиями тяжести (*тяжёлая тоска, тоска сжимает, давит*), цвета (*тоска зелёная*), вкуса (*сладкая тоска*), физического поглощения человека самой эмоцией (*грусть-тоска съедает, тоска грызет*), безысходности (*грусть безысходная, безнадежная*) [9, с. 22].

Если в понимании западных философов (а следовательно, в какой-то мере и в основе западного менталитета) тоска – это страх перед свободой, или перед «Ничто», или перед собственным «Я», или перед их комплексом как единым целым, то русский человек тоскует по инобытию, по иному миру, по тому, что выходит за границы привычной земной жизни. В этом контексте представляется очевидной взаимосвязь в русской языковой картине мира концептов тоски и смерти. Отсюда целесообразность рассматривать тоску с позиций литературной танатологии.

Литературная танатология понимается современными исследователями как «филологическая дисциплина, которая находится на стыке с биологическими и медицинскими, социологическими и философскими, психологическими и иными гуманитарными аспектами танатологии» [6, с. 32], рассматривает различные отображения «пути к смерти» в художественной литературе, выступающие часто как «повествования о предсмертных состояниях» [5, с. 52].

Примером взаимодействия концептов «Тоска» и «Смерть» может служить роман М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». Судьба старшего сына Головлевых – Степана Владимировича – это медленный путь к смерти. Степан – самый нетипичный представитель головлевского рода, он белая ворона в своей семье. Будучи от природы, «к несчастью, даровитым малым, слишком охотно и быстро воспринимавшим впечатления, которые вырабатывала окружающая среда», он не смог реализовать свой потенциал [11, с. 33]. Воспитание деспотичной матери и «безалаберного» отца «образовало характер рабский, покладливый до буффонства, не знающий чувства меры и лишенный всякой предусмотрительности» [Там же]. Все лучшее в Степане было загублено, с корнем вырвано еще в детстве. А абсолютно праздный образ жизни развил равнодушие и неспособность к какому-либо труду, неумение обращаться с деньгами. Путь героя предопределен: он фактически обречен на безвестную смерть. Снискав репутацию шута в Москве, поскитавшись в Петербурге в поисках должности, даже получив в наследство от родителей дом, Степан в конце концов полностью обеднел. «Ему было уже под сорок, и он вынужден был сознаться, что дальнейшее бродячее существование для него не по силам. Оставался один путь – в Головлево» [Там же, с. 35].

Возвращение домой – начало пути к смерти: «...ему кажется, что перед ним растворяются двери сырого подвала, что как только он перешагнет за порог этих дверей, так они сейчас захлопнуться – и тогда все кончено» [Там же, с. 54]. Будущее больше не существовало для героя, наступила вселенская праздность, Степан жил исключительно сегодняшним днем, все ниже и ниже спускаясь в «сырой подвал». Теперь физическая смерть – лишь вопрос количества ступенек. И несмотря на плохие условия жизни, чрезвычайно скудное питание, «болезненную истому», несмотря на то, что «сердце у него как-то странно трепыхалось в груди», смерть Степана, прежде всего, нравственная, это смерть духа, повлекшая за собой физическое угасание. Однообразные дни и вечера в маленькой комнатке, бездействие, одиночество, отращивание к миру и к людям, а главное – тоска.

«Утром он просыпался со светом, и вместе с ним просыпались: тоска, отвращение, ненависть. Ненависть без протеста, ничем не обусловленная, ненависть к чему-то неопределенному, не имеющему образа. Воспаленные глаза бессмысленно останавливаются то на одном, то на другом предмете и долго и пристально смотря; руки и ноги дрожат; сердце то замрет, словно вниз покатится, то начнет колотить с такою силой, что рука невольно хватает-

ся за грудь. Ни одной мысли, ни одного желания... Самое лучшее: сидеть и молчать, молчать и смотреть в одну точку» [Там же, с. 79]. Вот она – русская тоска. Это не страх перед собой или перед свободой, это необъяснимое томление и вечное стремление к тому, чего у нас нет.

Однажды ночью Степан сбегает из Головлево, словно чтобы сделать последний глоток воздуха перед смертью. Его силой возвращают домой, но в себя герой уже не придет. Сначала Степан «безусловно замолчал», затем «весь погрузился в безрассветную мглу» и в итоге одним декабрьским утром тихо скончался [Там же, с. 83]. Причина смерти – не физическая, это не болезнь и не несчастный случай, дело даже не в пьянстве, хоть герой и «аккуратно каждую ночь напивался», это глубокая деструктивная тоска, «точившая», «изъедавшая» Степана долгое время. Тоска по жизни, осознание, что «самый последний из людей может добыть себе хлеба – он один ничего не может» [Там же, с. 55].

Центральный вопрос литературной танатологии – о смысле смерти персонажа [6, с. 34]. Смерть Степана Головлева – дело рук его семьи и эпохи в целом. Для чужого в своем доме, затравленного матерью-деспотом, воспитанного в условиях барства и лени Степана не было иного пути. Одинокaя смерть – единственно логичный, внутренне закономерный финал подобной судьбы.

Таким образом, концепт «Тоска» в русском языковом сознании национально-специфичен, по-своему уникален. Русская тоска – тоска по инобытию, по чему-то, что недоступно здесь и сейчас. Роман М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» – одно из свидетельств справедливости данного суждения.

Список литературы

1. Андреев Л.Г. Жан-Поль Сартр. Свободное сознание и XX век. М.: Гелеос, 2004. 416 с.
2. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.: Книга, 1991. 446 с.
3. Больнов О.Ф. Философия экзистенциализма. СПб.: Лань, 1999. 224 с.
4. Волков В.В. Основы филологии. Антропоцентризм, языковая личность и прагматилистика текста : курс лекций. Тверь, 2013. 147 с.
5. Волков В.В., Волкова Н.В. Рассказ А.П. Чехова «Архиерей» в контексте русской литературной танатологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12–2 (42). С. 51–54.
6. Волков В.В., Волкова Н.В. Рассказ А.П. Чехова «Черный монах» в контексте русской литературной танатологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8–2 (50). С. 32–35.
7. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 736 с.

8. Димитрова Е.В. Тоска // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. С. 197–201.
9. Красавский Н. А. Концепт «тоска» в русской лингвокультуре // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2009. № 7. С. 20–23.
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Токовый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
11. Салтыков-Щедрин М. Е. Господа Головлевы. М.: Правда, 1978. 335 с.
12. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
13. Чеснокова Л.В. Тоска как национальный концепт русской культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 9–1 (23). С. 195-200.
14. Эпштейн М.Н. Все эссе: в 2 т. Т. 1: В России. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 544 с.

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «БОЛЕЗНЬ» (на материале рассказов А.П. Чехова «Архиерей» и «Тиф»)

Н. Н. Толкачева

Тверской государственной медицинской университет
кафедра русского языка

В статье на материале рассказов А.П. Чехова «Архиерей» и «Тиф» выявляется и рассматривается лексико-семантическая система концепта «болезнь» в индивидуальном стиле автора. На материале толковых словарей русского языка определяются лексические значения слов, иллюстрирующих как физическое, так и психологическое состояние героев, а также описываются особенности семантики и функционирования ключевых слов в тексте произведения.

Ключевые слова: творчество Чехова, концепт «болезнь», этимология, лексическое значение.

А.П. Чехов был не только классиком мировой литературы, но и врачом. Благодаря медицинскому образованию и художественному таланту писатель сумел с исключительным реализмом изобразить не только точную клиническую картину болезней, но и внутренний мир тяжелобольных героев. «Свои глубокие и разносторонние медицинские познания А.П. Чехов тонко вплетает в “кружево” своих произведений» [11, с. 94]. А.П. Чехов в своем письме Е.М. Шавровой-Юст писал: «Лично для себя я держусь такого правила: изо-

бражаю больных лишь постольку, поскольку они являются характерами, или постольку они картинны. Болезнями же я боюсь запугивать...» [10, с. 30]. Писатель в своих произведениях изображает больных, при этом «освещая медицинские проблемы, он обычно поднимает их до общечеловеческого звучания» [11, с. 94].

Одним из лучших произведений в творчестве А.П. Чехова является рассказ «Архиерей». В рассказе писатель точно описано течение болезни главного героя, начиная с зарождения заболевания и до смерти. Автор изображает последнюю неделю жизни преосвященного Петра, но в то же время из его воспоминаний мы узнаем историю целой жизни героя.

Уже первые строки рассказа описывают физическое состояние преосвященного Петра: «В церковных сумерках толпа колыхалась, как море, и преосвященному Петру, который был *нездоров* уже дня три, казалось, что все лица – и старые, и молодые, и мужские, и женские – походили одно на другое, у всех, кто подходил за вербой, одинаковое выражение глаз» [9, с. 186]. Для характеристики состояния героя писатель использует слово *нездоров*, которое является промежуточным звеном между здоровьем и болезнью. В Малом академическом словаре слово толкуется как «болезненное состояние, недомогание» [4, с. 445]. Таким образом, писатель указывает на испытываемые героем неприятные ощущения, пока не соотносящиеся с какой-либо определенной болезнью. Преосвященный еще не знает о тяжелом заболевании, он ощущает только незначительные отклонения от нормального здорового самочувствия («Руки и ноги у него *поламывало*, *болел* затылок. Было жарко и неудобно» [9, с. 188]), поскольку слово *поламывало* отражает непродолжительные и легкие болезненные ощущения, связанные с ломотой в конечностях (*ломота* – «тупая боль в костях, суставах, мышцах» [2, с. 199]). Но в этом же предложении является слово *болеть*, которое в данном контексте реализуется в патологическом значении: «Испытывать боль, ощущения боли (о какой-либо части тела)» [3, с. 105]. И причиной самочувствия архиерея, описанного А.П. Чеховым, является то ли какая-то болезнь, то ли просто усталость: «Дыхание у него было тяжелое, частое, сухое, плечи болели от усталости, ноги дрожали» [9, с. 186].

Болезнь, приближающая героя к смерти, изображена писателем в динамике. В начале рассказа описаны незначительные признаки болезни, стесняющие каждодневное течение жизни героя. Но с каждым днем его физическое самочувствие неминуемо ухудшается: «Стало грустно, досадно. А тут еще *голова болела так же, как вчера, сильно ломило* ноги, и рыба казалась пресной, невкусной, все время хотелось пить...» [Там же, с. 192]. Используемый в описании состояния героя прием градации («Однако *какая усталость, какая боль* в ногах и спине, *тяжелая, холодная боль*, какой шум в ушах!» [Там же, с. 196]) уже в полной мере отражает намечающуюся начало серьезного заболевания. В Малом академическом словаре существительное *боль* толкуется с позиции физических и душевных ощущений («Ощущение физического или

нравственного страдания» [3, с. 106]), а в словаре Д.С. Ушакова у основного значения слова *боль* («Ощущение физического страдания в какой-нибудь части тела» [6, с. 42]) выделено переносное: «перен. Чувство скорби, страдания. Душевная боль» [Там же]. Для описания боли А.П. Чехов выбирает прилагательные *тяжелая* и *холодная*, которые, употребляясь в различных значениях, могут характеризовать как физическое состояние, сопряженное с неприятными телесными ощущениями, так и душевное состояние человека, сопровождаемое тревожным, тягостным чувством. Таким образом, физическое недомогание и тяжелый внутренний кризис героя находятся в тесной связи друг с другом.

А.П. Чехов, имея медицинское образование и опыт работы, не мог не знать, что с физическим здоровьем тесно связано психологическое, душевное состояние. Настроение архиерея, также как и его физическое состояние, претерпевает изменения, усугубляется. Если в начале рассказа писатель употребляет слова *неприятно* (через *неприятный*: «вызывающий чувство неудовольствия, огорчения, неловкости» [4, с. 471]) и *неудобно* (через *неудобный* – «причиняющий неудобство, неловкий» [Там же, с. 487]): «И неприятно волновало, что на хорах изредка вскрикивал юродивый» [9, с. 186], «Было жарко и неудобно» [Там же, с. 188], – то по мере того как ухудшается физическое состояние в повествование встраиваются характеризующие внутреннее состояние героя слова с более яркой семантической окраской – *сердили* (через *сердить*: «Приводить в раздражение, гнев» [4, с. 80]), *угнетало* (через *угнетать* во втором значении: «Вызывать мрачные, тяжелые мысли, приводить в подавленное состояние, тяготить, гнести» [Там же, с. 457]): «И теперь, когда ему нездоровилось, его поражала пустота, мелкость всего того, о чем просили, о чем плакали; его сердили неразвитость, робость; и все это мелкое и ненужное угнетало его своею массою...» [9, с. 194]. Все самое светлое для архиерея связано с образом матери и воспоминаниями о прошлом. После долгожданной, но разочаровавшей его встречи с матерью в характеристике его психологического состояния появляются слова *грустно* и *досадно*. Семантика данных лексем позволяет показать, как постепенно в душе преосвященного Петра нарастает раздражение окружающим, а также ощущение неудовлетворенности и разочарованности.

Архиерей, ощущая ломоту, головную боль, дрожь в ногах и жар, не мог уже считать себя здоровым человеком: «– Не спится мне, – сказал преосвященный, садясь. – *Нездоров я*, должно быть. И что оно такое, не знаю. Жар!» [Там же, с. 190]. На страницах рассказа «Архиерей» А.П. Чехов употребляет слово *нездоров* четыре раза («Когда в детстве или юности он бывал *нездоров*, то как нежна и чутка была мать!» [Там же, с. 188]) и слово *нездоровилось* – три раза («Ему по-прежнему *нездоровилось*, тянуло в постель; но едва он вошел к себе, как доложили, что приехал Еракин, молодой купец, жертвователю, по очень важному делу» [Там же, с. 195]). Данные слова обозначают скорее

легкое непродолжительное болезненное самочувствие. Это свидетельствует о том, что архиерей Петр и его окружающие не считали данные симптомы поводом для беспокойства, а соотносили их с недомоганием от простуды и усталости: «Должно, *простуились*, владыко. Надо бы вас свечным салом смазать», «А вы, похоже, *нездоровы*... как я погляжу. Еще бы, *как не захворать!* Целый день на ногах, целый день – и боже мой, даже глядеть на вас и то тяжко» [Там же, с. 197].

Окончательный душевный кризис преосвященного Петра ознаменовывается изменением его отношения к вечерним молитвам. Под вербное воскресенье преосвященный «переделся и стал читать молитвы на сон грядущий. Он *внимательно* читал эти старые, давно знакомые молитвы и в то же время думал о своей матери» [Там же, с. 188], с ухудшением физического состояния преосвященный Петр, наоборот, «*торопливо* помолился, лег в постель, укрылся потеплей», а в ночь перед смертью преосвященный и вовсе «*тотчас же* разделся и лег, даже богу *не молился*» [Там же, с. 198]. Ухудшение физического состояния архиерея, а также воспоминания из детства и мысли о прошлом теперь занимают все его мысли.

В конце рассказа доктор сообщает преосвященному Петру страшный диагноз – брюшной тиф. Через тематический ряд слов (*похудел, побледнел, осунулся, постарел*), подчеркивающих неизбежность изменений, происходящих с тяжелобольным героем, А.П. Чехов в первый раз в тексте прибегает к описанию внешности преосвященного Петра: «От кровотечений преосвященный в какой-нибудь час очень похудел, побледнел, осунулся, лицо сморщилось, глаза были большие, и как будто он постарел, стал меньше ростом...» [Там же, с. 200].

Брюшной тиф – это одно из самых опасных кишечных инфекционных заболеваний. Вплоть до XIX века слово *тиф* употреблялось для обозначения всех острых заболеваний, сопровождающихся тяжелой лихорадкой, затемнением сознания и бредом («тифозное» состояние). Подтверждение этому находим в словаре В.И. Даля: «Тифус ли тиф греч. нервная горячка, кишечная, или с пятнышками, гнилая и пр.» [2, с. 398]. Лишь с возможностями более углубленного изучения этиологии и особенностей клинического течения из общей группы тифозных заболеваний были выделены четыре. Это отражено и в словарной статье, посвященной слову *тиф* в Малом академическом словаре: «Общее название нескольких острых инфекционных заболеваний: сыпного, возвратного, брюшного тифа и паратифов» [5, с. 368]. Для клинической картины данного заболевания характерны слабость, быстрая утомляемость, головная боль. Далее эти симптомы усиливаются, повышается температура тела, понижается или исчезает аппетит, нарушается сон. Все эти симптомы с точностью описаны Чеховым в рассказе. К тому же при отсутствии своевременной диагностики и должного лечения брюшного тифа возможно наступление кровотечения из кишечника и как следствие – летальный исход.

В рассказе «Архиерей» А.П. Чехов описывает последнюю неделю жизни преосвященного Петра, человека, который достиг высокого положения в обществе, материальных благ, но внезапно осознал свое одиночество. Болезнь преосвященного Петра становится катализатором процесса осознания им его внутренней несвободы. Перед смертью ему казалось, «что он хуже и слабее, *незначительнее* всех...» [9, с. 200], и в последние мгновения представляется ему, что «он уже простой, *обыкновенный* человек, идет по полю быстро, весело, постукивая палочкой, а над ним широкое небо, залитое солнцем, и он свободен теперь, как птица, может идти, куда угодно!» [Там же, с. 200]. Слова из одного тематического ряда: *обыкновенный* («ничем не примечательный, не выделяющийся среди других, обычный» [4, с. 581]) и *незначительнее* (во втором значении слово *незначительный*: «Не имеющий существенного значения; маловажный, малозначащий» [4, с. 446]) – указывают на то, что смерть, наступившая в результате серьезной болезни, освобождает архиерея от ежедневной суеты и утомительной социальной роли.

Еще одним произведением в творчестве А.П. Чехова, в котором детально передается симптоматика тифа, является одноименный рассказ «Тиф» (1887 г.). Здесь речь идет о другой разновидности болезни – сыпном тифе. В рассказе «Архиерей» физическое и душевное состояние героя находятся в тесной связи, а в рассказе «Тиф» в центре повествования именно физическое состояние больного. Это доказывает и то, что название заболевания вынесено в заглавие рассказа.

С первых строк рассказа А.П. Чехов описывает начало заболевания тифом поручика Климова, ехавшего домой в Москву в прокуренном вагоне почтового поезда. Автор указывает на состояние героя: «офицер чувствовал себя *ненормальным*» [8, с. 131] («Имеющий отклонение от нормы; не такой, каким должен быть» [4, с. 457]). Данное слово только намекает, но не указывает на начало тяжелого инфекционного заболевания.

В конце XIX века сыпной тиф, которым заразился поручик, регистрировался в России повсеместно. Для клинической картины болезни характерны высокая температура, которая вызывает сухость во рту и жажду («В страшной тоске он поднимал *тяжелую голову*, взглядывал на фонарь, в лучах которого кружились тени и туманные пятна, *хотел просить воды, но высохший язык едва шевелился* и едва хватало силы отвечать на вопросы чухонца» [8, с. 131]), головная боль, жар и ломота в мышцах: «Его *горячее дыхание*, отражаясь от спинки дивана, жгло ему лицо, *ноги лежали неудобно*, в спину дуло от окна, но, как ни мучительно было, ему уж не хотелось переменять свое положение... Тяжелая, кошмарная лень мало-помалу овладела им и сковала его члены» [Там же, с. 132].

В Большой медицинской энциклопедии в статье, посвященной тифу, указывается на происхождение самого слова *тиф*: «Название тиф происходит от греческого слова typhos и в прямом смысле слова обозначает дым, туман,

а в переносном – спутанность, помрачение сознания» [1, с. 544]. В основных этимологических словарях русского языка существует общее мнение о происхождении слова *тиф*. Например, в этимологическом словаре П.Я. Черных указывается на источник слова *тиф*: «мед. латин. *turphus* – “горячка” (греч. *τῆφος* – собств. “дым”, “чад”)» [7, с. 245]. Антон Павлович Чехов знал, что в тяжелых случаях сыпного тифа появляются психические и неврологические расстройства, выражающиеся в затемненном сознании и проявляющейся эйфории. Писатель клинически точно описал состояние офицера, вызванное высокой лихорадкой: «В голове стоял тяжелый *туман*; мысли его, казалось, бродили не только в голове, но и вне черепа, меж диванов и людей, окутанных в ночную мглу. Сквозь головную мусть, как сквозь *сон*, слышал он бормотанье голосов, стук колес, хлопанье дверей» [8, с. 131]; и далее в тексте: «Ему казалось, что стоит только лечь в свою постель, выпить воды, и *кошмар* уступил бы свое место *крепкому, здоровому сну*» [Там же, с. 132]. Слово *кошмар* («перен. Разг. Что-либо тягостное, ужасное, отвратительное» [4, с. 118]) в данном контексте может употребляться и в прямом своем значении: «Тягостное, гнетущее сновидение, иногда сопровождающееся ощущением удушья» [Там же], поскольку под влиянием тяжелой болезни сознание героя затуманено, все вокруг него окружено болезненными образами, а реальность и сон спутаны.

Основным средством репрезентации концепта «болезнь» является лексика с семантикой болезни. Ключевые слова, представляющие в данных рассказах концепт «болезнь», употребляются в прямом значении: *тиф, кашель, боль, жар, ломота, усталость, кровотечение*. Однако в представленных рассказах частотны слова, несущие в себе семантику болезни в переносном значении: *тяжесть, туман, кошмар*.

Таким образом, используемые А.П. Чеховым слова с семантикой болезни как для описания патологических и внешних проявлений болезни, так и для изображения внутреннего состояния героев органически сливаются с идейным и художественным замыслом писателя и реализуют те смыслы, которые зафиксированы в словарях и репрезентуют концепт «болезнь» в русской языковой картине мира.

Список литературы

1. Большая медицинская энциклопедия / Под ред. Н.А. Семашко: в 33 т. Т. 32. М.: Гос. изд-во биологической и медицинской литературы. 1935. 992 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. М.: РИПОЛ классик, 2006. 672 с.
3. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. А – Й. М.: Рус. язык. 1985. 800 с.
4. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. К – О. М.: Рус. язык. 1999. 800 с.
5. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. С – Я. М.: Рус. язык. 1988. 800 с.

6. Ушаков Д.С. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2013. 800 с.
7. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 2. М.: Русский язык, 1999. 560 с.
8. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 6. Сочинения 1887 г. М.: Наука, 1985. 736 с.
9. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 10. Сочинения 1898–1903 гг. М.: Наука, 1986. 496 с.
10. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Т. 24. Письма. Январь 1895 – май 1897 гг. М.: Наука, 1978. 775 с.
11. Шубин Б.М. Доктор А.П. Чехов. М.: Знание, 1982. 176 с.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВАРИ И СЛОВАРНОЕ ДЕЛО

<i>Васильева Н. В.</i> Словарь как игра: трансформация жанра	8
<i>Власова О. Б.</i> Деривационный потенциал словарей паронимов	14
<i>Волков В. В.</i> Две словарные модели: идеографический деривационный словарь и семантико-словообразовательный тезаурус	20
<i>Волкова Н. В.</i> Опыт создания учебно-справочного пособия на основе терминологии прикладных стандартов издательского дела	32
<i>Габибли Р. Ю.</i> Новые тенденции в ономастической лексикографии	36
<i>Габлина Т. В.</i> Лексикографические проекты тверской диалектологической школы	42
<i>Ганжина И. М.</i> О проекте регионального исторического словаря модификатов христианских личных имен	47
<i>Козлова О. С.</i> Словарь языка многопользовательских онлайн-игр и трансформация современной терминологии	56
<i>Никитина Т. Г., Роголёва Е. И.</i> Лингвокраеведческие словарные проекты как средство социокультурной адаптации иноязычных учащихся	61
<i>Разумов Р. В.</i> Проект словаря русской ономастической терминологии «городское онимическое пространство»	65
<i>Сергеева Н. М.</i> Использование лингвистических словарей в школьной практике изучения русского языка	70

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, ЛИНГВОКОНЦЕПТОЛОГИЯ И КОНЦЕПТОГРАФИЯ. АВТОРСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

<i>Арефьева Е. Н.</i> Гиперконцепт «семья» в «Летописи о событиях в Твери 1762–1823 гг.» тверского купца Михаила Тюльпина	82
<i>Белоусова Ю. В.</i> Протопоп как витязь: ключевая метафора романа Н.С. Лескова «Соборяне»	88
<i>Гладилина И. В., Дударева А. А., Ерохин В. Н., Усовик Е. Г.</i> «Словарь языка М.Е. Салтыкова-Щедрина»: теория и практика	94
<i>Кодынева Л. Ю.</i> Компонентный анализ пословиц с географическими названиями	101

<i>Копьёва А. А.</i> Концепт «Покой» в контексте филологической танатологии (словарные и текстовые репрезентации)	107
<i>Некрасова А. В.</i> Представление концепта «Вера» в словарях русского языка	112
<i>Попова И. Л.</i> Структура словарной статьи, посвящённой производным предложениям, в «Словаре языка М.Е. Салтыкова-Щедрина»	118
<i>Санаева В. В.</i> Концепт «Тоска» в контексте филологической танатологии (словарные и текстовые репрезентации)	125
<i>Толкачева Н. Н.</i> Языковая репрезентация концепта «болезнь» (на материале рассказов А.П. Чехова «Архиерей» и «Тиф»)	130

Научное издание

ЧЕЛОВЕК И МИР В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Межвузовский сборник
научных статей

Выпуск I

Подписано в печать 29.02.2016 г.
Формат 60×84/₁₆. Объем 8,1 усл. п.л. Тираж 50 экз.
Заказ № 12.

Отпечатано: Издатель Кондратьев А.Н.
170024, г. Тверь, пр. Ленина, 18/1.
Тел./факс: 8(4822) 44-57-08, моб.: 8-904-355-30-10.

Эл. адрес: 445708@mail.ru
Цифровая типография «Принт-Копи»
www.принт-копи.рф